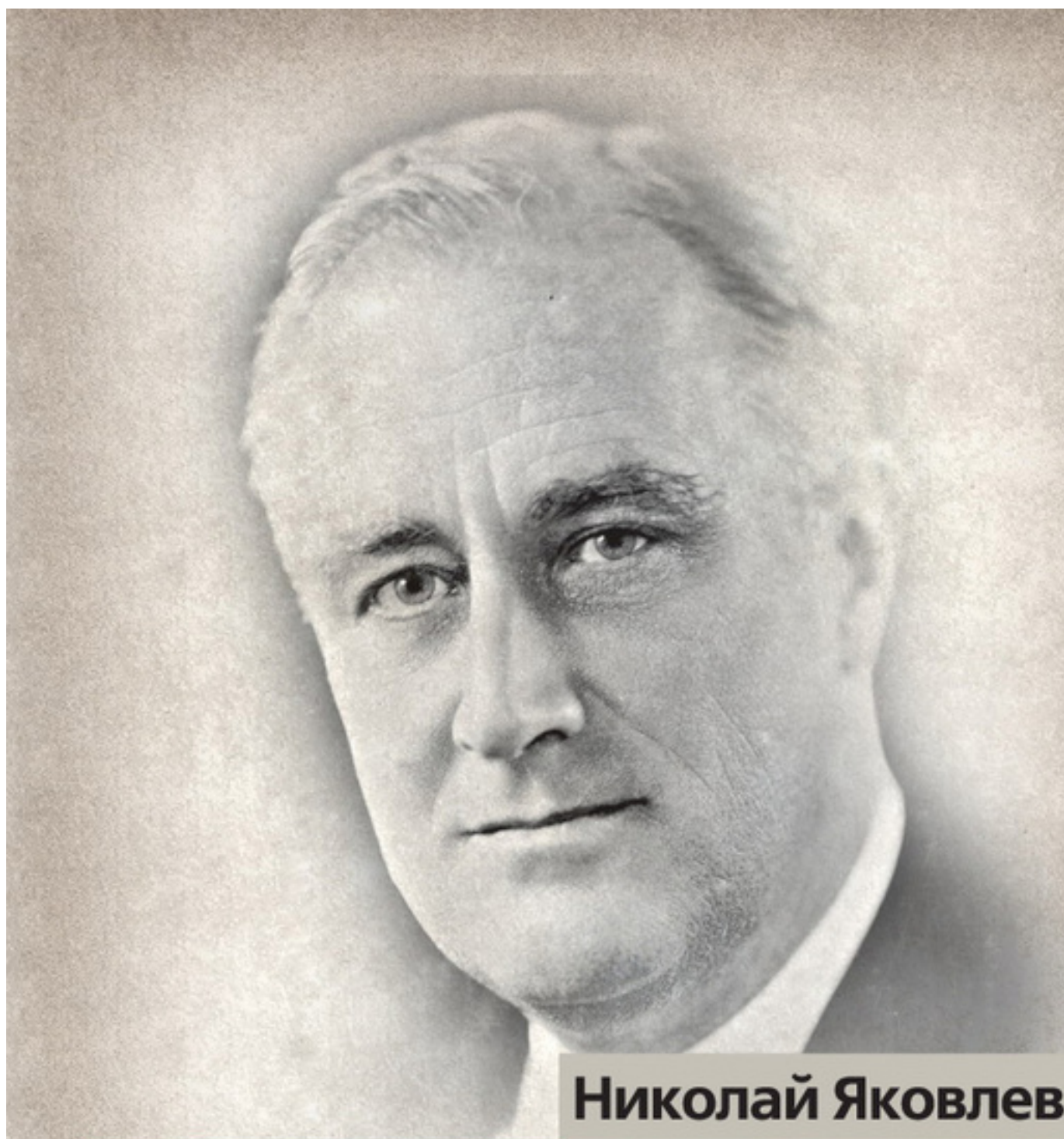

Николай Яковлев

НЕИЗВЕСТНЫЙ

РУЗВЕЛЬТ

Николай Николаевич Яковлев
Неизвестный Рузвельт. Нужен новый курс!
Серия «Гении и злодеи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018631
Неизвестный Рузвельт. Нужен новый курс!: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-6995-6343-2

Аннотация

Книга посвящена одному из величайших государственных и политических деятелей XX века, во многом определившему облик современной эпохи. Франклин Делано Рузвельт был избран президентом Соединенных Штатов Америки в тяжелый период Великой депрессии, и ему удалось не только преодолеть кризис – он вернул американцам веру в собственные силы и превратил свою страну в мирового лидера.

В книге известного ученого, профессора, много лет работавшего в Институте США и Канады Николая Николаевича Яковлева – автора политических бестселлеров – раскрыты незаурядные личные качества Рузвельта, показана насыщенная событиями жизнь этого выдающегося человека. Достоверность и полнота фактического материала сочетаются с глубоким психологическим анализом внутреннего мира президента и атмосферы в его окружении. Реформаторская деятельность Рузвельта, разработанный им Новый курс дают исторический пример решения сложнейших проблем, подобных тем, которые ныне встали перед Россией.

Содержание

Нужен новый курс!	4
От автора	8
Кто они, Рузвельты?	9
I	9
II	13
Гротон, Гарвард, Элеонора и юриспруденция	17
I	17
II	20
III	24
IV	27
В политических ползунках	28
I	28
II	30
III	34
Морское министерство	36
I	36
II	40
III	42
IV	45
V	47
VI	50
VII	53
Политический триумф по возможности	57
I	57
II	61
III	62
IV	65
V	68
VI	71
«Полупроцентный» губернатор имперского штата	76
I	76
II	79
III	81
IV	84
V	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Николай Николаевич Яковлев

Неизвестный Рузвельт.

Нужен новый курс!

Нужен новый курс!

От редактора

Имя этого президента США – Франклина Делано Рузвельта (1882–1945) – сегодня вспоминают все чаще. Целых четыре раза подряд он избирался главой американского государства, несмотря на то, что президентство в США ограничено двумя сроками. И это неудивительно, ведь именно Рузвельт вытащил не только США, но и весь капиталистический мир из ямы Великой депрессии, самого масштабного в истории человечества экономического кризиса.

Идея «Нового курса» пришла к Ф.Д. Рузвельту в период национальной катастрофы, из которой, казалось, нет выхода.

В 1929 году в Америке начался тяжелейший кризис, который потряс страну и привел американское общество к новому пониманию механизмов развития экономики. Причина кризиса была банальной: жадность воротил финансово-экономической сферы. Механизмом нарастания кризиса была биржевая игра с ценными бумагами, которые росли в цене до тех пор, пока около десятка крупных игроков снимали сливки с их купли-продажи. Фактически это была большая финансовая пирамида, заранее обреченная на провал, но некоторое время она давала прекрасные доходы.

Скажем больше: диагноз Великой депрессии как результата победы капитала и богатства над обществом обозначил болезнь, которая вновь вспыхнула в США в 2008 году и распространилась по всему миру, накрыв своим черным крылом и Россию.

В один момент пирамида рухнула. Тысячами закрывались банки и промышленные предприятия, миллионы людей выбрасывались на улицы из своих домов. Толпы безработных днями бродили по городам Америки в поисках работы и пропитания. Все было тщетно. Хотя еще недавно – в 1929 году – экономика США в шесть раз превышала объемы производства начала века, именно этот год стал годом тяжелого кризиса. До того момента президент Герберт Кларк Гувер был весьма удовлетворен индустриальными успехами, сохраняя это чувство и в конце 1920-х годов, в годы начинавшегося нарастающего кризиса. В октябре 1929 года появились серьезные признаки финансового неблагополучия, на которые Гувер ответил налогами на прибыль, пытаясь поддержкой частного капитала предотвратить первые признаки кризиса. Но 29 октября 1929 года разразился «черный вторник», обвал американской финансовой системы, аккумулировавший все ошибки экономической политики Гувера и его окружения. В течение нескольких часов Фондовая биржа потеряла на падении курса акций более десяти миллиардов долларов. Кризис затронул всю капиталистическую систему, в том числе промышленность и сельское хозяйство. Страна была деморализована. Большинство людей лишились работы и жилья, медицинской помощи, веры в будущее. Участвовавшие массовые забастовки явно указывали на кризис власти, не способной найти ответ на происходящее в обществе.

В то же время некоторые люди наживались на кризисе, скупая заброшенные шахты, дома и предприятия. Верхушка власти и бизнесмены считали кризис временным явлением. Г.К. Гувер не слишком сочувствовал народу, находившемуся на грани социального взрыва. Президент не видел или не хотел замечать социальных и моральных проблем экономики, его

не тревожило даже то, что в Нью-Йорке четверть населения уже были безработными. Гувер не справлялся с ситуацией, следуя догмам старого курса. Хаос продолжался в Америке три года, в 1932 году президентом США был избран Франклин Делано Рузвельт. Народ избрал Рузвельта потому, что этот политик твердо обещал сделать все необходимое за счет государства, чтобы поддержать простых граждан. И не только обещал, но и сдержал свои обещания. Когда Рузвельт был избран новым президентом США, Гувер умолял его патриотично следовать предшествующему курсу. Тем не менее, в свои последние часы в Белом доме на посту президента Гувер произнес: «Дальше идти некуда. Мы больше ничего не можем сделать». Неудивительно, что патриотизм Рузвельта состоял не в том, чтобы следовать в новых трагических условиях старым принципам, а в том, чтобы обратить все силы на поиск новых путей спасения страны.

Курс президента был, по сути, экспериментальным проектом выхода из экономической депрессии, стремлением цивилизовать капитализм.

В антологии о «новом курсе», выпущенной в США в 1975 году, дается оценка того, что «мозговому тресту» представлялось будущим и что ныне является прошлым. Там говорится: «Основное событие в недавней американской истории – рост бюрократического индустриализма, а не развитие либеральной демократии. Основной толчок реформам дали организованные элиты, стремившиеся к стабильности и порядку, но не либеральные демократы в интересах равенства и социальной справедливости. Новый курс был в большей степени продуктом корпоративного капитализма, чем создателем его. По сути, он дал элите, оказавшейся под угрозой, менеджеров, политические орудия, необходимые для поддержания социальной стабильности, упорядочения рынка, решения проблем спроса и капитала. Результаты, указывает группа молодых и более радикальных исследователей, оказались трагичными. Из-за неудачи «реформ», утверждают они, возник либерализм – ублюдок «корпоративной» разновидности, который во имя «прогресса» создал антилиберальные и противodemократические институты, они на деле увековечили социальную несправедливость и экономическую тиранию, что потребовало бесконечных вмешательств за рубежом и превратило то, что должно было быть, – свободный народ, в общество безмозглых бюрократов и алчных потребителей». Как видим, оценки ныне звучат разноплановые. Тем не менее большинство граждан и ныне признает реформы, проведенные президентом Рузвельтом, своевременными и правильными.

«Реформатора» Ф.Д. Рузвельта в годы его президентства обвиняли в США в большевизме, разрушающем капитализм, многие методы реформы критиковались как недопустимые для США. Антикризисные меры Рузвельта глава советского государства И.В. Сталин называл «элементами социализма».

Заступая на высокий пост, Рузвельт сказал, что готов поставить социальные ценности выше доходов, и пообещал дать людям работу. Победа над безработицей представлялась ему как победа над Великой депрессией. Новый президент на сложившуюся ситуацию ответил проектом «Сто дней», представлявшим собой набор мер и программ, которых прежде никогда не знала Америка.

Итогом его правления было преодоление кризиса, выход США из изоляционизма и возвышение роли страны на мировой арене, придание капитализму как экономической системе социального и морального формата, государству – социального характера.

Думаем, что многим будут интересны антикризисные меры Рузвельта. Интересны еще и потому, что это положительный опыт, который вывел Америку из кризиса и при определенных условиях, эти меры могли бы помочь в преодолении кризиса у нас. Что было главным в антикризисном пакете Рузвельта?

Новый президент располагал поддержкой Конгресса и немедленно после инаугурации приступил к реформам. Впервые 100 дней президентства Конгресс по инициативе Рузвельта принял более 60 антикризисных законов.

Чтобы восстановить банковскую систему, Рузвельт добился единовременного выпуска 2 млрд. долл. Дальнейший выпуск денег мог привести к неуправляемой инфляции, поэтому Д.Ф. Рузвельт провел девальвацию доллара, которая ослабила финансовый капитал. Производственный капитал и фермеры, производители конкретной продукции выиграли. Была введена государственная монополия на золото.

Банкам, сохранившим доверие государства, выдавались из казны займы под низкие проценты – для кредитования предприятий, создающих новые рабочие места. 12 марта 1933 года, в первом из своих радиовыступлений, известных как «Беседы у камина», президент призвал граждан нести деньги в банки: «Уверяю вас, что безопаснее хранить деньги во вновь открытом банке, чем под матрасом». Граждане вняли призыву, доверяя свои сбережения банкам, а, по сути, подпитывая набирающую новые обороты экономику.

Финансовая система будет эффективной, только если заработает производство. Поэтому создавались государственные организации, управляющие сферами, в которые раньше государство почти не вмешивалось. 16 июня 1933 года по инициативе Рузвельта принят Национальный акт восстановления промышленности. Основная идея: введение государственного регулирования производства и сбыта продукции.

Чтобы справиться с безработицей, было организовано строительство дорог и других сооружений силами безработных. Был создан гражданский корпус сохранения ресурсов для безработных ветеранов и молодежи. Корпус занялся обустройством инфраструктуры США, лесопосадками, развитием системы национальных парков и заповедников. Действовала также адресная помощь, которая оказывала прямую поддержку безработным и бездомным, создавая для них рабочие места, организуя бесплатное питание и медицинскую помощь.

Одной из антикризисных мер в сфере увеличения экспорта стало установление дипломатических отношений с СССР 16 ноября 1933 года.

Но это были далеко не все «революционные» проекты Ф.Д. Рузвельта.

В книге известного ученого, профессора, много лет работавшего в Институте США и Канады Николая Николаевича Яковлева читатель может найти не только описание драматических событий «по две стороны океана», но и познакомиться с личной жизнью выдающегося американского политика, предложившего оригинальные, действенные пути выхода из глобального кризиса. Н.Н. Яковлев – автор большого количества политических бестселлеров, среди которых «ЦРУ против СССР», «Вашингтон», «Преступившие грань», «Загадка Перл-Харбора», «19 ноября 1942», «1 августа 1914» и, конечно же, биографии Ф.Д. Рузвельта. В предлагаемой читателю книге автором раскрыты незаурядные качества Рузвельта, показана насыщенная событиями жизнь этого выдающегося политика XX века. Книга изобилует полнотой и достоверностью фактического материала, позволяющего представить глубокий психологический анализ внутреннего мира президента и атмосферы в его окружении.

Отмечая историческую значимость реформ Франклина Делано Рузвельта, исследователи вместе с тем отмечают: к сожалению, личностей такого масштаба, как Рузвельт, в наше время не видно ни на Западе, ни в России. Так что, возможно, нынешние лидеры повторяют ошибки рузвельтовских предшественников, понадеявшихся, что «рынок сам все исправит», что «капитаны бизнеса» найдут верное решение и выведут свои предприятия и страну из кризиса. Увы, кризис только разрастается, и социальное недовольство во всем мире нарастает. И если элита от политики и капитала не выдвинет из своих рядов нового Рузвельта, то

человечество ждет повторение большевистского Октября 1917 года. И где именно полыхнет – большой вопрос.

В чем основные секреты Нового курса Рузвельта, удержавшего страну от падения на дно экономической бездны и от ужасов гражданской войны? Ответы на этот глобальный вопрос содержатся в книге.

Реформаторская деятельность Рузвельта, разработанный им Новый курс дают исторический пример решения сложнейших проблем, подобных тем, которые ныне встали перед Россией.

От автора

Когда в середине 30-х годов Эмиль Людвиг начал работать над биографией Франклина Д. Рузвельта, он встретился с президентом. Писатель сказал ему: «Для меня это новая и трудная задача. Мне было легче написать биографии Наполеона, Бисмарка, Гете и Боливара. Вас труднее оценить – вы живете». Рузвельт горячо схватил руку Людвиг и рассмеялся. «В таком случае, – заметил он, – я предлагаю: подождите сто лет!» В США от книг о ФДР ломятся библиотечные полки. Поток литературы не ослабевает, в подстрочных примечаниях указаны только некоторые, по-видимому, самые важные. Предлагаются различные интерпретации жизни и деятельности Франклина Д. Рузвельта, по-разному пытаются адаптировать его духовное наследие к нуждам сегодняшнего дня, что уже само по себе – повод для большого исследования.

«Нет, сэр, с меня довольно. Она похожа на все остальные. Биографии обычно написаны так, что они не только вводят в заблуждение, но просто лживы. Автор книги «Жизнь Берке» превращает его в удивительнейшего героя. Он преувеличивает его достоинства и умалчивает о недостатках. Автор столь усерден, расточает такие похвалы каждому его поступку, что почти приходится поверить: Берке не совершил ни одной ошибки, не потерпел ни одной неудачи в жизни. Билли, меня удивляет, почему издатели и книготорговцы еще не догадались завести биографии-бланки, которые в случае необходимости будут под рукой. Тогда по смерти того или иного человека его наследники или друзья, желающие увековечить память покойного, купят уже написанную биографию-бланк. Они заполнят по своему усмотрению оставленные заранее места высокопарными, хвалебными фразами. И это будет уместно, ибо в большинстве случаев биографии увековечивают ложь, не давая возможности потомкам узнать правду».

А Линкольн – У. Херндону

Кто они, Рузвельты?

I

Президент обычно известен американскому народу. Он – конституционное олицетворение страны. Франклин Делано Рузвельт, четыре раза принимавший присягу президента, уже по одной этой причине вызывал жгучий интерес соотечественников. Они хотели знать все: почему он пришел в Белый дом, что он знал, умел и, конечно, откуда родом. О многом газеты и радио рассказали уже в его первую избирательную кампанию в 1932 году, но интерес не ослабевал. По мере роста популярности президента отдельные группы в Соединенных Штатах, связанные деловыми, религиозными или национальными узами, объявляли, что ФДР, как по принятой в Америке манере сокращали его имя и фамилию, – «наш».

В 1935 году взволновалась американская еврейская община – разнесся слух, что президент из евреев. Редактор еврейского органа «Джуиш кроникл», что в Детройте, Ф. Сломович направил запрос Ф. Рузвельту. Президент не замедлил с ответом; письмо редактора датировано 4 марта 1935 г., ответ Рузвельтом написан 7 марта.

Он сообщил Сломовичу: «Благодарю вас за интересное письмо от 4 марта. Я не имею ни малейшего представления об источнике сведений, которые, как вы сообщаете, исходят от моего старого друга Чейза Осборна. Мои познания о происхождении семьи Рузвельтов в Соединенных Штатах ограничиваются тем, что все ее ветви, очевидно, восходят к Клаусу Мартенсену ван Рузвельту, который приехал из Голландии незадолго до 1643 года – я даже не знаю точно года. Я не имею ни малейшего понятия, где он жил в Голландии и кто его родители.

Всего тридцать – сорок лет назад на одном из островов у берегов Голландии проживала семья, носившая эту фамилию, а несколько таких семей обитало в самой Голландии. Однако, откровенно говоря, у меня никогда не было ни времени, ни желания проследить генеалогию нашей семьи по ту сторону Атлантики до ее отъезда сюда, то есть примерно триста лет назад.

Пусть в отдаленном прошлом Рузвельты были евреями или католиками, или протестантами, меня больше интересует не это, а были ли они хорошими гражданами и верили ли в бога. Надеюсь, что это так»¹.

Тем и исчерпывались познания Ф.Рузвельта о своей родословной, по крайней мере высказанные публично. Впрочем, американский президент – символ единства нации, а Соединенные Штаты – тигель национальностей. Носил же Рузвельт титул «почетного индейца» и появлялся в бытность президентом на людях в пышном головном уборе из орлиных перьев.

Американские историки, в том числе биографы Ф. Рузвельта, следуют его примеру и рассказывают о предках президента только с того момента, когда первый ван Рузвельт ступил на берег Америки в Новом Амстердаме в 40-х годах XVII столетия. Клаус и его сын Николас мало известны, за исключением того, что доподлинно установлено их существование и что они являлись общими предками двух ветвей рода Рузвельтов, одна из которых дала в XX веке президента Теодора Рузвельта, а другая – Франклина Рузвельта. Старший сын Николаса – Иоанн был родоначальником первой, младший – Иаков (1692–1776 гг.) – второй. От сына Иакова, Исаака, родившегося в 1726 году, пошла династия предприимчивых дельцов и в общем посредственных людей. В некрологах каждый мужской представитель семьи последовательно именовался «джентльменом старой школы», имена старших сыновей на протяжении нескольких поколений выбирались с вызывающим консерватизмом – Исаак (1726–

1796 гг.), Джеймс, Исаак, Джеймс, и, наконец, только в конце XIX века традиция была сломлена – на свет появился не Исаак, а Франклин.

«Мой сын Франклин – из рода Делано, а совсем не из рода Рузвельтов», – говорила его мать Сара Делано. Быть может, в какой-то мере ее увлечение генеалогией семьи – Делано любили проследить свое происхождение от Вильгельма Завоевателя! – сказалось на отказе от традиционного чередования имен в семье. Каковы бы ни были претензии Делано на знатность происхождения, путь этого рода в Америке немногим отличался от пути Рузвельтов. И те и другие любили говорить о врожденном аристократизме. Пусть так, если иметь в виду аристократизм денежного мешка.

Первый Исаак Рузвельт основал сахарный завод, находившийся в районе нынешней Уолл-стрит в Нью-Йорке. Чтобы вести прибыльно дело в тогдашней колониальной Америке, нужно было обходить различные ограничения, установленные английскими властями. Значительный капитал, нажитый Исааком, положивший начало состоянию Рузвельтов, – критерий соблюдения им законов метрополии и его революционности, каковой они гордились Франклин Рузвельт отлично понимал мотивы, по которым Исаак оказался среди пламенных революционеров, поднявшихся на войну за независимость в конце XVIII века. Когда в 1939 году американские газеты указали на историческую связь семьи Рузвельтов с Англией и Францией, Ф. Рузвельт счел необходимым исправить создавшееся впечатление. Он заметил по поводу статьи Э. Линдли, в которой проводилась эта точка зрения: «Если бы автор более основательно изучил вопрос о «семейных узах», он бы понял, что семья Рузвельтов, торгуя сахаром с Вест-Индией, была вынуждена на протяжении многих лет бороться с английскими и французскими интересами на этих островах и из-за этого они в большей степени стали революционерами в 1776 году, а не по причине недовольства тори»². Современный маститый биограф Ф. Рузвельта Ф. Фрейдль уместно замечает: «ФДР добавил французов просто ради красного словца; нет сомнений, что Исаак извлек наибольшие барыши из контрабандной торговли с ними». Как бы то ни было, революционность Исаака принесла немалые дивиденды: он был избран в состав первого сената штата Нью-Йорк и голосовал за ратификацию конституции. Исаак-«патриот» закончил свой жизненный путь президентом первого банка Нью-Йорка³.

Джеймс Рузвельт (1760–1847 гг.), его сын, продолжил дело отца уже с дипломом Принстона. Исаак был непримиримым лишь в денежных вопросах; принадлежность его друга Абрама Уолтона к тори не помешала Джеймсу жениться на дочери этого закоснелого роялиста. Джеймс, пробыв один срок членом легислатуры штата Нью-Йорк, разочаровался в политике и посвятил свою жизнь наследственному делу сахарозаводчика, а также занялся коневодством и спекуляциями земельными участками. Второй Исаак Рузвельт (1790–1863 гг.) был доволен собой, браком с богатой женщиной, был поглощен ботаникой и разведением лошадей.

Отец Франклина – Джеймс Рузвельт родился в 1828 году. Большая часть его жизни прошла в доме семьи в Гайд-парке, на реке Гудзон, на полпути между Нью-Йорком и Олбани. Он был известен в местном кругу как спокойный джентльмен, озабоченный главным образом поддержанием уютного и теплого домашнего очага. Отдавая дань буржуазной респектабельности в Гайд-парке, Джеймс Рузвельт был совершенно иным в деловом мире Нью-Йорка, где он был не из последних если не по капиталу, то по предприимчивости. От матери он унаследовал прочные доходы в ряде угольных и транспортных компаний, где он был президентом или вице-президентом.

Джеймс Рузвельт – среди тех, кто стоял у колыбели американского монополистического капитала. Тогда где же сказочное состояние? Американские историки, указав – в конце жизни он имел 300 тыс. долл., с редким единодушием говорят: Джеймс был эксцентричным человеком. Его интересовали не конечные результаты – деньги, а процесс их приобретения.

Материальные стремления Джеймса будто бы не шли дальше обеспечения безбедного существования обитателей дорогого дома в Гайд-парке. Если так, то хлопоты Джеймса просто необъяснимы.

Всю жизнь он носился с обширными проектами. Вскоре после гражданской войны Джеймс вместе с несколькими дельцами создал крупнейшую в США монополию по добыче битуминозного угля «Консолидейтед коул компани», а в 1868 году он стал ее президентом. Кризис 1873 года подорвал дела компании, и разгневанные держатели акций в 1875 году вывели Джеймса из состава правления. Новые руководители концерна вскоре обеспечили обещанные высокие прибыли. Неудача не обескуражила Джеймса: с 1872 года он – президент Компании железных дорог Юга. С друзьями он решил монополизировать железнодорожную сеть юго-востока страны. Они были почти у цели, все линии находились в руках компании, но очередной кризис уничтожил даже проблески надежды на прибыли. Компания обанкротилась.

В 80-х годах Дж Рузвельт со своими неутомимыми друзьями затевает еще более грандиозное предприятие. Лессепс тогда руководил прорытием канала между Атлантическим и Тихим океанами. Джеймс Рузвельт выступает его соперником. В 1887 году возникает Компания морского канала Никарагуа, которая получает концессию у правительства крошечной республики. В 1889 году Дж Рузвельт становится ее президентом и добивается принятия конгрессом закона об инкорпорации компании. Его друг президент Кливленд охотно подписал закон. С капиталом в 6 млн. долл. компания приступила к предварительным работам. Зная предшествующие предприятия, связанные с именем Джеймса, итог ясен – кризис 1893 года уничтожил все.

В Соединенных Штатах поговаривали, что неудачи отца создали стойкое предубеждение у Франклина Рузвельта против биржевых и иных спекуляций. Судить об этом трудно, ничто в жизни и деятельности Франклина Д. Рузвельта не подтверждает этого: он уживается с мультимиллионерами. Но он люто ненавидел экономические кризисы, которые приносили столько бедствий и навсегда закрыли перед отцом дверь в общество избранных принцев экономики.

Опыт по материнской линии не мог не подтвердить в глазах Франклина правильности этого. Отец его матери, – Уоррен Делано многие годы занимался торговлей с Китаем. Уже на склоне лет, в 40-х годах, Ф. Рузвельт как-то рассказывал: «Мы друзья с Китаем мно-о-огие годы. Часть этих добрых чувств я отношу за счет миссионеров. Я лично связан с Китаем, мой дед бывал там – в Сватоу и Кантоне в 1829 году и даже заезжал в Ханькоу. Он сделал то, о чем мечтал тогда каждый американец, – миллион долларов, а когда вернулся на родину, то вложил его в железные дороги Запада. За восемь последующих лет он потерял все, вплоть до последнего доллара. Ха-ха-ха! В 1856 году он опять отправился в Китай, оставался там на протяжении всей войны (гражданской войны в США. – Н.Я.) и заработал еще миллион. На этот раз он вложил его в угольные копи, и первые дивиденды были выплачены через два года после его смерти. Ха-ха-ха!...»⁴ Это правда: У. Делано в Гонконге занимался опиумной торговлей. В Соединенных Штатах тогда шла гражданская война и госпитали остро нуждались в опиуме. Достойное оправдание недостойной практики!

Слов нет: Уоррен Делано был дельцом крутой закваски, хозяином дела и собственной семьи, насчитывавшей одиннадцать детей. Сара Делано выросла в изысканной роскоши, но под строгим надзором отца. В 1880 году в доме Теодора Рузвельта в Нью-Йорке она встретила Джеймса Рузвельта. Ей было 26, Джеймсу – 52. Она хорошо знала светскую жизнь людей своего круга, он отвечал ее представлениям о джентльмене.

Отец Сары уважал Джеймса Рузвельта, был партнером в делах и соседом – его дом был недалеко от Гайд-парка и реки Гудзон. Уоррен Делано был республиканцем, он говорил: «Я не настаиваю, что все демократы – конокрады, но, по-видимому, все конокрады – демо-

краты». Совместные деловые предприятия с демократом Джеймсом притупили партийную предубежденность Уоррена, но предрассудки не могли не ожить, когда было замечено, что Джеймс бывает в доме, собственно говоря, ради Сары.

Не только партийная приверженность, но и здравый смысл говорил: Джеймсу 52 года, он вдовец, от покойной первой жены Ревекки Хоуленд у него был сын, родившийся в 1854 году, в тот год, когда увидела свет Сара. «Нет и еще раз нет», – попробовал сказать Уоррен. Сара была послушна, как всегда, но кротко напомнила, что отец много раз отказывал тем, кто предлагал ей руку и сердце, а 26 лет – уже возраст для женщины. В октябре 1880 года Джеймс и Сара вступили в брак. В приданное она принесла около миллиона долларов.

30 января 1882 г. в жизни семьи свершилось великое событие – родился мальчик, названный Франклином, именем, которое носил скончавшийся незадолго перед этим сын брата Сары.

II

Франклин Делано Рузвельт родился в то время, когда хозяевам Америки прогресс представлялся синонимом капитализма и ему не предвиделось конца. В очаровательной долине Гудзона лучшие земли у реки занимали тринадцать имений, каждое в среднем по двести гектаров, среди них Гайд-парк Рузвельтов. Их хозяева вели размеренную жизнь, напомиравшую быт английских помещиков средней руки. Занимались сельским хозяйством, и не ради забавы – с полей снимался обильный урожай, а скот был отличной породы. Но интересы мужской половины поглощали не эти в конечном счете пустяки – в ста с небольшим километрах к востоку кипел громадный Нью-Йорк, на Уолл-стрит вершились судьбы Америки. Все вращалось в замкнутом кругу: когда отец Франклина отправлялся на работу, он ехал на Уолл-стрит, когда возвращался домой, он приезжал в Гайд-парк, где соседями были все те же люди; недалеко от Рузвельтов жили Вандербильды и Асторы, Роджерсы и Огдены – цвет делового мира, неслыханные богачи.

С первых шагов в большом мире мать и отец не уставали твердить сыну, что он принадлежит к избранным, элите американского общества. Особых наставлений не требовалось: вещи и окружавшие люди самим своим существованием каждодневно напоминали маленькому Франклину об этом: хорошо обжитой просторный дом в Гайд-парке, тогда к нему еще не были пристроены оба крыла с узкой верандой, вокруг громадные, отлично сформированные деревья – вязы, клены, каштаны, буки. На всю жизнь в память Франклина запали эти деревья – неотъемлемая принадлежность Гайд-парка. Дальше, за лужайками, простирались обработанные поля, аккуратные пастбища для скота. Почти все, что можно было увидеть из окна детской на втором этаже дома по эту сторону реки, принадлежало Рузвельтам.

Отец очень рано объяснил сыну, что красота – не дикие заросли, а исправленный руками человека пейзаж. Человек живет плодами земли, но и имеет обязанности перед ней. Закопченный город не укладывался в педагогическую схему. Скорее это напоминало повторение постулатов джефферсоновской демократии. Аграрная идиллия... Т. Джефферсон, однако, был рабовладельцем.

Уже маленький мальчик без труда установил, что в мире существует социальная иерархия. Он, отец, мать незримо, но четко осязаемыми границами отделялись от гувернанток, те, в свою очередь, отличались положением от поваров и слуг в доме, а последние не желали иметь ничего общего с кучерами и сельскохозяйственными рабочими. Когда чета Рузвельтов скользила зимой по заснеженным дорогам в щегольских русских санях (сделанных первоначально для Наполеона III и вывезенных Джеймсом из Парижа в 1862 г.), сомнений быть не могло: они принадлежали к высшему свету.

В Америке все трудились, но вознаграждались по-разному. Во всяком случае, Франклин привык не видеть ничего необычного в том, что труды отца давали возможность содержать Гайд-парк. Если семья ехала куда-нибудь, то покупались не билеты, а брался салон-вагон, независимо от того, шла ли речь об отдыхе или деловой поездке. Джеймс Рузвельт, выезжая по делам, иногда брал с собой мальчика. Мягкий перестук колес, слабое покачивание салон-вагона, объясняющий все и вся старик отец оставили неизгладимое впечатление у Франклина. Езда в поезде со скоростью, редко превышавшей 50 км в час, станет одним из любимых видов отдыха президента Соединенных Штатов.

В детстве Франклин мало бывал со сверстниками, его жизнь в основном проходила среди взрослых. Брат был старше на 28 лет и питал к нему отцовские чувства, престарелый отец не чаял души в сыне и с болезненной ревностью следил, чтобы Франклин не делил свои привязанности с кем-нибудь еще. Джеймс Рузвельт мог служить образцом джентльмена в понимании своего класса. С изысканными манерами, приветливым взглядом глубоко

ких голубых глаз и всегда имеющий под рукой пятьсот золотых долларов, Джеймс не мог не привлекать к себе мальчика. Деловые занятия отца, естественно, лежали вне круга семейных интересов. Франклин знал отца дома. Джеймс со значительным уважением к личности маленького собеседника объяснил ему, что приличествует джентльмену: тактичное поведение в обществе и обязательно спорт (летом – верховая езда, велосипед; зимой – коньки и буер на льду Гудзона).

Мать боготворила мальчика. Она завела дневник и на протяжении двадцати лет записывала мельчайшие подробности о каждом его поступке, чуть ли не о каждом шаге и жесте.

Велик соблазн уже тогда найти в крошечном мальчике, одетом по тогдашней моде в юбочку, черты гениальности или по крайней мере объявить, что родители чуть ли не с пеленок готовили сына к выдающейся политической деятельности. Все это, конечно, вздор. Франклин рос обыкновенным мальчиком, а политика в глазах дельцов была малопочтенным занятием. Как-то отец привез пятилетнего сына в Белый дом и представил президенту Г. Кливленду. Президент выглядел усталым и измученным. Положив руку на голову мальчика, он сказал: «Мой маленький мужчина. Я выскажу тебе странное пожелание. Пусть ты никогда не будешь президентом Соединенных Штатов».

После выборов 1932 года Сару Делано Рузвельт спросили, думали ли когда-либо в семье, что Франклин станет президентом. Она с горячностью воскликнула: «Никогда, никогда! Последнее, о чем я могла когда-либо подумать, – это то, что мой сын будет занят политикой!» Наверное, она была искренна. Профессия государственных деятелей и все, что связано с государством, не выглядели привлекательно в глазах буржуа. Подростком Франклин объявил отцу, что станет военным моряком и поедет в военно-морскую академию в Аннаполисе. Джеймс Рузвельт сначала пришел в ужас, а затем яркими красками нарисовал бедность жизни офицера в блестящем мундире по сравнению с достатком бизнесмена в скромном сюртуке. Нетрудно сделать выбор.

Когда Франклину было около семи лет, мать энергично взялась за его обучение. До четырнадцати лет он получал домашнее образование. В его жизни царил строгий режим, установленный родителями: подъем в семь, завтрак в восемь, до полудня два-три часа уроков. Отдых с двенадцати до второго завтрака в час и вновь занятия до четырех часов дня. Руководящим принципом воспитания была не мелочная опека, а культивирование чувства ответственности и уверенности в себе.

Маленький Франклин безумно любил животных. Хорошо. Он получил от родителей в подарок шотландского пони и породистого сеттера. Радость мальчика была безграничной, но ему ласково сообщили, что оба животных отныне полностью вверены его попечению, на нем лежит и уход за пони. «Безумно трудная работа», – признался взрослый Франклин Д. Рузвельт.

Джеймс и Сара тщательно охраняли маленький мирок сына от треволнений большого мира, которые дети в Америке знают чуть ли не с пеленок. Кто-то язвительно заметил, что знакомство Франклина с Гекльберри Финном не пошло дальше рукопожатия с Марком Твеном. О жизни и быте простого люда он знал только понаслышке. Однако усвоил – им нужно повелевать, что распространил на детей, игравших с ним. Мать упрекнула: «Зачем приказывать!» «Но если я не буду приказывать, ничего не сделают», – возразил сын.

Рейнхардт, первая гувернантка Франклина, довольно успешно обучила Франклина немецкому языку и дала начальные школьные знания. Занятия с Рейнхардт прервались, она отправилась в психиатрическую больницу. Ее место заняла мадемуазель Сандоц, приехавшая из Швейцарии учить юных американцев из состоятельных семей. У нее были смутные представления о социальной справедливости и твердое знание родного французского языка, которому она изрядно научила своего питомца.

Несмотря на все усилия матери, Франклин оказал успешное сопротивление ее попыткам идеального воспитания в стиле маленького лорда Фаунтлероя. Его так и не смогли научить играть на пианино и рисовать. Мальчик проявил незаурядную изобретательность, изыскивая предлоги, чтобы избежать ненавистных уроков музыки. Эксплуатация родительских чувств зашла далеко: перспектива посещения церкви, особенно в холодные зимние дни, вызывала у него недомогание, и правдивый сын сообщал об этом маме еще с вечера. К двенадцати годам приступы болезни стали столь регулярными, что Сара поставила диагноз – «воскресная головная боль». Маленьким американцам по сей день ставят в пример хрестоматийную религиозность Рузвельта еще с детства.

Когда наступало лето, семья обязательно отправлялась в Европу. Они были космополитами, Рузвельты. В три года сын познакомился с Европой. Очень скоро Париж, Лондон, Германия, на курортах которой отец постоянно лечил сердце, стали не менее знакомы Франклину, чем Нью-Йорк. Быть может, даже больше. Во время одной из поездок в Германию, когда Франклину было десять лет, родители для усовершенствования в немецком языке отдали Франклина на шесть недель в народную школу. Он был на год старше одноклассников. Мать нашла саму мысль поучиться в немецкой школе забавной, хотя и сомневалась, выучится ли он там чему-нибудь. Франклину необычайно понравилось ходить в школу с толпой, как он выразился, «обезьянок», учить там все по-немецки.

В Гайд-парке была школа, но у Джеймса и Сары никогда даже не возникало мысли о том, что их сын может учиться в ней вместе с детьми простого люда. Четырнадцать лет вместе со своим учителем он совершил поездку на велосипедах вдоль Рейна. В 1939 году Франклин Рузвельт говорил: «Мальчиком я знал Германию значительно лучше, чем Францию и Англию. Во всяком случае, я относился с большей теплотой к более известной мне Германии, чем к Англии и Франции».

Не нужно упускать: он знал только высший свет европейских столиц, где Рузвельты чувствовали себя среди равных. Пытливый мальчик вплотную рассмотрел министров и герцогов, адмиралов и титулованную знать. Не в деле, конечно, а на светских раутах, охоте, курортах. Говорили там чаще по-французски, Франклин бойко отвечал, когда спрашивали. Даже в 1944 году Рузвельт произнес речь по-французски на церемонии передачи эсминца Франции. Было отмечено хорошее произношение.

Основательное знание двух иностранных языков отличало Рузвельта от американских политиков.

Он много читал. Ему не было еще и десяти лет, когда четко определились интересы: в первую очередь Франклин читал и перечитывал все, что относилось к морю. Мать с недоумением следила за тем, как сын брался за серьезные книги. С девяти лет всем журналам Франклин предпочитал «Сайнтифик америкэн», едва ли увлекательный для подавляющего большинства его сверстников. Как-то в дождливый день Сара застала его за чтением словаря. Способность Франклина запоминать прочитанное была поразительна. Однажды мать читала сыну вслух книгу, в то время как он разбирал свою коллекцию марок – с десяти лет он стал самозабвенным коллекционером. Видимое невнимание Франклина вызвало у нее резкое замечание. Сын немедленно повторил последние фразы, добавив с очевидным оттенком высокомерия: «Мне было бы стыдно, если бы я не мог делать двух дел одновременно». Близкие всегда не переставали удивляться тому, как Ф. Рузвельт буквально проглатывал книги.

Не только удовлетворение ненасытного книжного голода питало любовь к морю. Вскоре после рождения Франклина родители купили небольшой участок земли (около двух гектаров) на полюбившемся им канадском острове Кампобелло в заливе Фанди, вблизи Ист-порта, штат Мэн. Здесь, на берегу холодного бурного океана, они построили летний домик. Девятилетний Франклин был вне себя от радости, когда отец купил семнадцатиметровую яхту «Хаф мун», первую в серии яхт, носивших это название. Его нельзя было ника-

кими силами заставить покинуть суденышко. Когда голова Франклина начала возвышаться над штурвалом, он многие часы проводил на борту яхты, а мать была единственным пассажиром.

Шестнадцати лет Франклин стал владельцем собственного судна – семиметровой яхты «Нью мун». На ней, иногда один, иногда с друзьями, Франклин многие годы детально исследовал бесчисленные бухточки, узнал капризные течения, приливы и отливы опасных вод залива Фанди. Море осталось его страстью до смерти.

Гротон, Гарвард, Элеонора и юриспруденция

I

Эндикот Пибоди принадлежал к одной из богатейших семей Новой Англии, компаньонов дома Морганов. Его отец представлял интересы концерна в Англии. Эндикот Пибоди получил образование в этой стране, завершив его в Кембридже. Там на него произвели глубокое впечатление английская система образования избранных для служения избранным, реформистская деятельность тори и каноны англиканской церкви. По возвращении в Соединенные Штаты молодой Пибоди объявил семье, что решил не переступать порога контор менял, а предпочитает кафедру. Он стал священником, но, проведя полгода в городке горняков в штате Аризона, понял, что его поймут только избранные.

В 1883 году в маленьком городке Гротон, в шестидесяти километрах от Бостона, он основал школу, дабы готовить в ней молодых людей «в основном христианского склада». Земельный участок для школьных зданий предоставил богач Дж Лоуренс, за что был включен в наблюдательный совет вместе с Дж П. Морганом и другими представителями денежных интересов. Очень скоро о Гротоне разнеслась слава как о наиболее привилегированной школе Соединенных Штатов. Срок обучения был установлен шесть лет. Принимались двенадцатилетние мальчики и выпускались восемнадцатилетние юноши.

Четырнадцатилетний Франклин переступил порог школы и был принят сразу в третий класс. В 1934 году Франклин Рузвельт говорил: «Пока я жив, влияние доктора и миссис Пибоди означает и будет означать для меня больше, чем влияние любых других людей, за исключением отца и матери». Президент был далек от того, чтобы отдать простой долг вежливости. Он старался, чтобы все торжественные религиозные церемонии в Белом доме отправлялись Эндикотом Пибоди. В чем секрет успеха ректора у ученика Франклина?

Превыше всего Пибоди ставил служение стране, понимая его в духе либеральствующего тори конца XIX века. В бесчисленных горячих простых проповедях, хорошо гармонизировавших с его наружностью сильного человека из народа, он настаивал на том, что политика в Америке должна быть очищена от скверны, а гротонцы в жизни никогда не должны идти на компромисс со Злом. То было провозглашение абстрактно прекрасных истин христианства, но ректор, хотя ежедневно и пожимал перед сном руку каждому из 110 воспитанников, как-то забывал сообщить им поодиночке или всем вместе, как претворить в жизнь заманчивые принципы.

Слабая связь школы с жизнью привела к тому, что к 1936 году из тысячи выпускников Гротона лишь десять нашли себя в политике (среди них Ф. Рузвельт, С. Уэллес, Дж Грю, А. Гарриман, Д. Ачесон). Успеху на политическом поприще мало способствовала привычка, по словам одного гротонца, приобретенная в школе, «во время разговора с малознакомым человеком пристально смотреть на два дюйма выше головы собеседника». С большим трудом Франклин избавился от манеры гротонца, определенно излишней для политика.

Жизнь ученика в школе напоминала ту, которую Пибоди видел в колледжах Кембриджа и Оксфорда. Каждый воспитанник получал небольшую клетушку в два на три метра, в которой стояли койка, стол, стул, а вместо шкафа – крючки на стене. Подчеркнуто простой быт, частично спартанский – холодный душ по утрам и умывание ледяной водой, дополнялся правилом: к ужину являться в вечернем костюме, в рубашке с крахмальным воротничком и в лакированных туфлях.

Пибоди чистосердечно полагал, что введение системы старшинства среди учеников, принятой в английских колледжах, создаст в Гротоне подобие большой семьи. Система при-

несла неизбежные результаты: безмерную тиранию старших над младшими. Отпрыски приличных семей проявили незаурядную изобретательность: новичков «дисциплинировали», заставляя гнуться в три погибели, и в таком виде запирали в тумбочках для обуви. Это был обычный метод воздействия. Если же старшие ученики находили, что тот или иной мальчик не подходит к «тону» школы, он подвергался «накачиванию»: несчастного тащили в ближайший туалет, запрокидывали голову над раковиной и наливали в рот воду до тех пор, пока жертва не начинала захлебываться.

К Франклину эти воспитательные меры никогда не применялись. Напротив, очень скоро он стал относиться к неудачникам с плохо скрытым презрением. В письме домой он сообщает: «Сын Биддлов просто сумасшедший, новичок и глупец. Его уже несколько раз запирали в тумбочку и неоднократно грозили накачать».

С первых шагов в школе Франклин инстинктивно взял правильный тон с товарищами, что как раз для него было нелегкой задачей. Он пришел в класс шестнадцатым на третий год обучения, когда отстоялись симпатии и антипатии. Однако он быстро схватил основное в школьной жизни – не выделяться – и счел разумным во всех случаях быть на стороне большинства, не примыкая к считанным бунтовщикам.

В первые месяцы Франклин горячо взялся за дело и стал одним из лучших учеников. Вскоре он обнаружил, что это вернейший путь пасть в глазах товарищей. В конце года, получив наконец первую двойку, он торжествовал. Расчетливый мальчишка отписал домой: «Сегодня заслужил первый неуд и очень рад этому, так как до сих пор считалось, что у меня нет чувства школьной корпорации. Старая психопатка Барбаросса вклеила мне двойку за болтовню в классе». Отныне табель Франклина украшали тщательно дозированные неуды, но не в таком количестве, чтобы открыть перед ним двери кабинета ректора для назидательной беседы – для этого требовалось шесть двоек. Он учился, имея средний балл Б (соответствует четверке).

Система педагогических воззрений Пибоди не отличалась большой сложностью (перечисляются в порядке важности): религия, формирование характера, спорт и науки. Франклин приложил большие усилия к тому, чтобы стать футболистом. Поздно развившийся юноша оказался слабым и не достиг сколь-нибудь заметных успехов. Он остался вне коллектива – славу приносил только спорт.

Программа Гротона была не только своеобразна, но и архаична. Пибоди мечтал о том, чтобы готовить пополнение для правящей Америкой элиты. На его взгляд, было необходимо ввести в круг консервных и цинковых королей, магнатов железа и маргарина отлично образованных людей. Поэтому гротонцев усердно учили латинскому и древнегреческому, французскому и немецкому языкам. В наши дни идеологи американской буржуазии настаивают на том, что их страна прошла незаурядный путь; в конце XIX века Пибоди был куда более трезвым – ученики получали основательные знания истории почти исключительно европейских стран.

Пибоди стремился насаждать конформизм, выпускники должны были быть связанными единством взглядов. Он повторял: «Мне не нравятся юноши, которые думают слишком много. Множество людей думают о множестве вещей, без которых мы можем обойтись»¹. Следовательно, прежде всего и превыше всего – церковь, посещением ее начинался и заканчивался каждый день. Франклин с годами приобретал все больший интерес к религии. По-видимому, сама обстановка школы – все четыре года, несмотря на кажущуюся общительность, он был, в сущности, одинок – толкала его на это. Плюс влияние Пибоди. Едва ли Франклин поддержал бы суждение Аверелла Гарримана, который как-то заметил отцу о Пибоди: «Знаешь, ректор был бы просто очарователен, если бы не был таким ужасным христианином». Франклин без особых настояний ректора принимал участие в церковной

работе в окрестных деревушках и посвящал часть своих каникул занятиям с детьми бедняков. Пибоди организовал для них лагерь вблизи Гротона.

В Гротоне Франклин приобрел некоторое умение вести полемику. В последний год его пребывания в школе учебные диспуты были далеки от академизма. С начала 1897 года в Соединенных Штатах поднялась волна шовинизма – готовилась война против Испании. Успех предстоящих сражений должен был решить флот. Франклин к этому времени основательно изучил работы адмирала А. Мэхэна, теоретика примата морской мощи, что-де и обеспечивает статус мировой державы.

Франклин оказался необычайно активным в школьных диспутах: «Решено, что США должны увеличить военно-морской флот», «Решено, что США должны немедленно аннексировать Гавайские острова» и на другие ура-империалистические темы.

Героем Франклина был Теодор Рузвельт. Весной 1897 года он пишет родителям: «Кузен Теодор прочитал нам отличную лекцию о своих приключениях, когда он был в полицейском управлении. Больше часа он держал весь зал в напряжении, рассказывая, как полиция убивает, о ее свершениях в Нью-Йорке». Быстрый на расправу Теодор восхитил юношу, а коль скоро Франклин почитал его за пример, вероятно, уже тогда у него начало складываться убеждение: государство немыслимо без сильных карательных органов.

В июне 1899 года семнадцатилетний Франклин окончил Гротон. Рассудительный юноша вступал в жизнь. Незадолго перед выпуском он надел пенсне, найдя, что оно идет ему больше, чем очки, а мужественность подчеркивала сигарета. Памятный подарок – сорокатомное собрание сочинений Шекспира. Расставаясь с Франклином, Пибоди записал в его аттестате: «Он был честным учеником и весьма удовлетворительным членом коллектива на протяжении всей учебы».

Когда в 1932 году, сразу же после избрания президентом, Ф. Рузвельт оказался в лучах прожектора прессы, неукротимый ректор публично заявил: «Сейчас порядочно написано о том, что за мальчик был Франклин Рузвельт в Гротоне. Я считаю, что написано больше, чем стоило бы, учитывая впечатление, которое он оставил в школе. Он был тихим, обыкновенным мальчиком, несколько способнее своих товарищей, был замечен в своем классе, но отнюдь не был блестящим учеником. Физически он был слаб и поэтому не мог достичь успеха в спорте. Нам всем он нравился».

II

Гарвардский университет находится в Кембридже, недалеко от Бостона, по ту сторону Чарлз-ривер. Хотя университет гордится своими традициями, он неотделим от жизни и истории Бостона, «Афин Америки», или «пупа земли», как зовут свой город бостонцы. В стенах Гарварда встречались выпускники привилегированных школ со всех концов страны. Среди принятых осенью 1900 года были и гротонцы, в том числе Франклин Рузвельт.

Университет бурлил кипучей жизнью, но в ней не растворялся кружок тех, кто пришел из закрытых, частных школ. Они были связаны больше с наиболее уважаемыми семьями Бостона, чем с пестрым по социальному происхождению студенчеством. Недаром недовольные именовали Бостон «социальной пиявкой» Гарварда. Строгая дифференциация поддерживалась системой студенческих клубов для избранных, через которые юноши вступали в высший свет города.

Франклин поселился с приятелем-гротонцем Л. Брауном в трехкомнатной квартире, расположенной в Уэстморли-корт, районе дорогих пансионов и фешенебельных клубов, прозванном «золотым берегом». Нарочитая простота быта Гротона позади – мать позаботилась о том, чтобы изысканно обставить квартиру.

Сара Делано могла уделять все свое время сыну – 7 декабря 1900 г. скончался 72-летний отец. Сара переехала в Бостон. Разумная женщина, она только искала духовной близости, а жила в нескольких кварталах от квартиры Франклина. С годами в ее характере развилась властность, а убеждение Сары, что на ее долю выпало осуществить волю Джеймса – воспитать сына для той же жизни и карьеры, что проделал отец, поставило перед Франклином трудную проблему. Он с честью решил ее: без ущерба для материнских чувств юноша закрыл свою душу перед Сарой. Он принимал в доме матери вереницы гостей и бывал в других домах, танцевал, обедал, ужинал, веселился на пикниках, но учтиво менял разговор, стоило Саре обратиться к излюбленной теме – месте Рузвельтов в жизни. Мать, естественно, не испытывала удовлетворения, приходилось радоваться хотя бы тому, что путь борьбы за душу сына не закрывался. Она упорно вела ее до глубокой старости, даже в бытность Франклина президентом.

Университет принес новые заботы – Гарвард не Гротон – и усугубил знакомые юноше трудности: как жить и быть с товарищами, можно ли достичь успехов в спорте. Ему не удалось занять сколько-нибудь видного положения в спортивной элите, хотя он честно зарабатывал синяки в жарких футбольных схватках. Самый уважаемый клуб Гарварда «Порцеллиан» по неизвестным причинам закрыл двери перед ним, пришлось довольствоваться менее известным – «Флай клуб». Неудача не просто обескуражила Франклина, а оставила кровоточащую рану.

Франклин записался на множество курсов, в первую очередь в области гуманитарных наук: английская и французская литература, латинский язык и геология, палеонтология и ораторское искусство, прослушал около дюжины курсов по истории. Немало усилий затратил юноша, вникая в государственное право и экономику.

В 30-х годах Ф. Рузвельт заметил по поводу курса госправа: «Он был похож на электрическую лампу, только без шнура». Что касается экономики, то Рузвельт имел обыкновение говорить: «Четыре года я зубрил экономику в университете, и все, чему меня научили, оказалось неверным». Рузвельт заслужил славу мыслящего политического деятеля, быть может, потому, что студентом перестал посещать лекции по философии через три недели.

Сохранившиеся курсовые работы Рузвельта пронизаны здраво консервативными взглядами. Он сокрушался, когда Теодор Рузвельт в 1902 году вмешался в забастовку горняков, ибо это означало, писал студент, «усиление исполнительной власти в ущерб конгрессу,

что прискорбно». Озорной поступок, когда Франклин вместе со всей группой сбежал из аудитории по пожарной лестнице во время лекции близорукого профессора-историка, был исключением, а не правилом его поведения, отмеченного конформизмом.

Он в поте лица заслужил свой средний балл успеваемости «чуть лучше посредственного». Преподаватели единодушно считали, что студент никак не тянул на четверку с минусом. Когда ему пришлось распрощаться с мечтой о лаврах спортсмена, Франклин решил отличиться на второстепенном по университетским представлениям, но все же достойном поприще – в журналистике.

В Гарварде издавалась студенческая газета «Кримсон». С осени 1900 года он стал сотрудничать в ней и очень быстро выделился из шестидесяти восьми студентов, пробовавших отдалиться древнейшему ремеслу. Стал почти профессионалом. Неписаная этика «Кримсона» строжайшим образом запрещала обращение к ректору университета за интервью. Перед президентскими выборами 1900 года Франклин добился невозможного. В 1913 году Ф.Рузвельт подробно рассказал репортеру, как это произошло:

– Кто вы? – спросил ректор.

Я ответил и без проволочек задал вопрос.

– Я пришел спросить вас, господин ректор, за кого вы собираетесь голосовать: за Маккинли или Брайана?

Только тогда я понял, в какое положение попал, и вознес пламенную молитву, чтобы дверь открылась сама собой и укрыла меня в спасительной темноте. Но я пришел за ответом и остался в кабинете, а г-н Элиот снова и снова пристально разглядывал меня.

– Зачем вам это нужно? – наконец промолвил он.

– Мне нужно ваше сообщение для «Кримсона», – ответил я.

Элиот сдался, сообщив сенсационную новость: он собирается голосовать за республиканцев – У. Маккинли в президенты и Т. Рузвельта в вице-президенты. «Нью-Йорк телеграф» напечатала интервью ФДР 30 ноября 1913 г. Шли годы. Когда в 1945 году увидело свет популярное прекрасно иллюстрированное издание «Истинный ФДР», то этот эпизод нашел место в разделе «Редактор-крестоносец», где было сказано: «Еще первокурсником он пробился к ректору Гарварда Элиоту и спросил его, как же он будет голосовать за Маккинли и империализм»².

Однако в 1931 году в частном письме Ф.Рузвельт писал: «Каким-то образом случилось так, что мне в течение ряда лет приписывают честь получения интервью у ректора Элиота, как он будет голосовать осенью 1900 года. В действительности интервью добился Альберт У. Деруд, ныне юрист, работающий в Нью-Йорке, и по праву честь должна принадлежать ему, а не мне»³. Поразительные курьезы памяти. В 1931 году Ф.Рузвельт лучше помнил события 1900 года, чем в 1913 году! Но наверняка он всегда помнил – в те годы Франклин жил в тени Теодора Рузвельта, гордился этим и неизменно приглашал других разделить радость по поводу того, что сам происходит из прославленной в США семьи.

Начало журналистской известности Франклина положило именно его умение обращаться с вице-президентом, а затем президентом Теодором Рузвельтом. Весной 1901 года, вспоминал как-то Ф. Рузвельт, «я позвонил дяде, чтобы узнать, когда я могу повидать его. «Не приезжай, – ответил он. – Я встречу с тобой, когда буду у вас с лекцией по курсу государственного права профессора Лоуэлла». Дядя по-родственному сообщил племяннику точный день и час лекции. Об этом Франклин первым в университете оповестил со страниц «Кримсона». Летом 1901 года он был избран одним из пяти редакторов газеты.

Весной 1902 года в Гарварде побывали двое боров – Англия тогда вела войну в Южной Африке. Они рассказали о страданиях женщин и детей своего народа. Франклин с двумя товарищами поспешили на помощь далеким борцам. Они учредили «Фонд помощи бурам»

и в мае 1902 года отослали в Кейптаун 336 долл. Бостонские газеты с большой теплотой описали отзывчивое сердце одного из редакторов «Кримсона».

В 1903 году Франклин на круглые тройки окончил университет и торжественно прошествовал в шапочке и мантии вместе с другими выпускниками в Сандерс-театр, где состоялась церемония вручения дипломов. Итак, бакалавр. Куда идти учиться дальше? Аспирантура или юридическая школа? Франклин предпочел первую, хотя всерьез никогда не рассчитывал получить ученую степень магистра искусств. Выбор решили привходящие обстоятельства: летом 1903 года его избрали главным редактором «Кримсона» и он остался еще на год при университете.

Из-под пера главного редактора вышли все передовицы. ФДР объяснял первокурсникам: нужно серьезно относиться «к обязанностям, университету, своей группе и самому себе. Чтобы быть на высоте, нужно быть всегда активным. Возможности почти не ограничены: спорт – дюжина видов его – и руководство спортом, литературная работа в газете университета и прессе вообще, филантропическая и религиозная деятельность и многое, многое другое». Об учебе в пространном перечне ни слова.

Возможно, близость Л. Брауна, теперь капитана футбольной команды Гарварда, а быть может, точный учет интересов известной Франклину группы студентов придали газете сезонно-спортивный характер с футбольным уклоном. После одного из матчей «Кримсон» сокрушался – болельщики из университета «не поддерживали надлежащими криками свою команду». На следующем состязании главный редактор сам подавал пример, отметив в письме матери: «Я чувствовал себя круглым идиотом, размахивал руками и ногами на глазах тысяч хохочущих зрителей».

Франклин знал, чего добиваться. По доброй воле он проходил школу конформизма. Дядя Тедди подавал пример. Став президентом после убийства Маккинли, Теодор Рузвельт в 1903 году наставлял выпускников Гротона: «Мы даем вам много и поэтому имеем право многого требовать от вас». Эти мысли были созвучны настроениям молодого Франклина. Размышляя об истории своей семьи, он открыл в курсовой работе: «Основная причина жизненной неспособности Рузвельтов – их демократический дух. Они никогда не думали, что, родившись в состоятельной семье, могут засунуть руки в карманы и наслаждаться жизнью. Напротив, они считали, что, появившись на свет в обеспеченной семье, они не имели никаких оправданий не выполнить свой долг перед обществом. Эта мысль внушалась им с раннего детства, и Рузвельты оказывались хорошими гражданами». Хотя нельзя не признать своеобразной трактовку понятия «демократия», идеи Франклина ясны: он не собирался сидеть сложа руки, а был полон решимости добиться места под солнцем. Какого?

Рексфорд Тагвелл многие годы работал под руководством президента Ф. Рузвельта, его имя для Тагвелла свято. В обстоятельной биографии ФДР, увидевшей свет в 1957 году, Тагвелл отмечает: «Нельзя не заключить о Франклине уже во время пребывания в Гарварде, что еще более верно в отношении президента Рузвельта: он никому не позволял проникать в свою внутреннюю жизнь. Это относилось к его матери – Саре Делано, Элеоноре, равно как и к другим – Латроггу Брауну, приятелю еще с Гротона, жившему вместе с ним в Гарварде и оставшемуся другом в Вашингтоне. Часто говорят, что скрытность – характерная черта скромного англичанина. Обучение Франклина в детские и юношеские годы, в котором принимали участие отец, наставники, Пибоди и его друзья, вело именно к этому. Нельзя проявлять эмоции, могущие выдать душевное волнение. Он выносил боль, трудности и неудачи с завидным стоицизмом, рано научился не преисполняться энтузиазмом, но и не впадать в отчаяние. Однако его скрытность далеко превосходила ту, которая является результатом воспитания... К моменту окончания Гарварда его скрытность стала поистине безграничной»⁴.

Давно замечено, что наиболее искусно маскируют свои истинные устремления те, кто внешне безгранично откровенен, покладист. Американский исследователь внешней поли-

тики президента Ф. Рузвельта поражался его ловкости, качествам изощренного дипломата не в похвальном смысле. Доискиваясь причин, как и почему сложились такие черты у ФДР, он дошел до лет ученичества – Гарварда, о которых написал: «Ясно, что за маской доброжелательности и конформизма, которые проявлялись на важнейших этапах его карьеры, крылся импульс несогласного, стремящегося порвать с принятыми нормами, что проявилось в экспериментах нового курса»⁵.

Стране это еще предстояло познать, а первой испытала качества Франклина мать. Хотя Франклин как-то избегал следовать советам матери в отношении учебы и она это заметила, Сара Делано безгранично верила, что знает душу нежного и любящего мальчика и заранее будет знать имя его избранницы. Властная мать полагала, что будет не только присутствовать, но и принимать участие в выборе сына. Она серьезно заблуждалась.

III

Франклин давно знал Элеонору. Двухлетняя Элеонора получала неизъяснимое удовольствие, разезжая на спине пятилетнего Франклина по детской в Гайд-парке. По-видимому, то был момент наибольшей близости за все годы, предшествовавшие брачному союзу двух отдаленных родственников рода Рузвельтов – она приходилась ему кузиной в пятом колене. Детство Элеоноры, дочери Эллиота, младшего брата Теодора Рузвельта, было прямой противоположностью безмятежным юным годам Франклина. Мальчик царствовал в семье, девочка была парией.

Отец без памяти любил дочь, но когда Элеоноре было всего шесть лет, он перестал жить с семьей. Очень красивый мужчина, спортсмен, Эллиот был горьким пьяницей. Люди, знавшие семью, полагали, что догадывались о причине, по которой Эллиот погряз в отвратительном пороке, – характер жены. Анна Холл, внешне прелестная женщина, была нелегким человеком. Она на свой лад воспитывала дочь. Элеонора в раннем детстве была отправлена в школу при монастыре. Там она как-то невинно солгала и была с позором изгнана. В глазах матери крошечная девочка была закоренелой преступницей.

Мать изощрялась в выдумывании прозвищ Элеоноре, наконец, закрепилось «бабуся». «Какой смешной ребенок, – показывала мать гостям на дочь, – она так старообразна». Анна сурово наказывала Элеонору за малейший проступок, внушая девочке, что она постоянно позорит мать. Это подрывало уверенность в себе и без того застенчивого ребенка. Элеонора твердо была убеждена, что она, как и каждая нехорошая девочка, дурнушка.

В этой обстановке образ существующего, но незримого отца вырос до гигантских размеров. При редчайших встречах с дочерью, своей «маленькой, златокудрой Нелл», он весь светился радостью и счастьем. Девочка страстно, болезненно тянулась к отцу. Он властвовал над всеми ее помыслами. «Когда бы я ни мечтала, – говорила на склоне лет Элеонора, – случалось как-то так, что мы были вместе. Я жаждала остаться в мире грез, в котором я была героиней, а он героем».

В восемь лет Элеонора потеряла мать, умершую от дифтерии. Но она не очень скорбела: «Все затмевало одно – вернется отец, и очень скоро я буду с ним». Анна предусмотрела такую возможность: перед смертью она распорядилась, чтобы дочь и сын были отданы на попечение бабушки. Спустя два года Элеонора узнала, что отец умер. Она осталась сиротой в жизни, но в мечтах отец был по-прежнему рядом. Только взрослой перед ней открылась истина – отец был разнузданным кутилой. Открылась и роль Т. Рузвельта, который в хлопотах о будущем Элеоноры пригрозил по суду признать его невменяемость и заставил перевести состояние на ее имя. Понятно, что мать не слишком любила дочь такого человека...

Пятнадцати лет ее отправили учиться в Англию в школу под руководством француженки мадемуазель Сувестр. Три года пролетели, как один день, диковатая американка превратилась в веселую европейскую девушку. По возвращении в Соединенные Штаты Милая Элеонора попала в дом родственников своей матери. Имение семьи Холлов Тиволи было расположено, как и подобает, в бассейне Гудзона, чуть выше по реке от Гайд-парка. Обитавшая в нем семейка вызывала, несомненно, патологический интерес, но жизнь в ней была невероятно тяжела для молодой девушки.

Развеселый дядюшка Вэли был пьян до изумления днем и ночью, проявляя склонность к буйству во хмелю. Другой дядя – Эдди был немногим лучше. В нью-йоркском доме Холлов жила тетюшка Пусси, дама зрелого возраста, все еще имевшая бесчисленных любовников. Она не замедлила заверить Элеонору, что девушка – первая дурнушка среди женщин в роде Холлов – несомненно останется старой девой, и бурно переживала при племяннице удачу и неудачу своих многочисленных любовных связей. Холлы были блестящими светскими

людьми, жившими далеко не по средствам, все поведение которых вызывало у Элеоноры жгучий страх перед будущим.

Обстановка в доме, призналась много лет спустя Элеонора, «закалила меня, как закаливают сталь». Она определила младшего брата в Гротон, а сама зачастила в филантропические общества, коими изобиловал Нью-Йорк.

Весной 1902 года Франклин встретил ее в поезде. Они ехали в свои загородные дома. Франклин нашел, что Элеонора прекрасная собеседница, а люди, знавшие ее в юности, считали, что ни одна фотография не дает настоящего представления о прелестной девушке. Они начали регулярно встречаться.

Франклин влюбился в Элеонору, она ответила взаимностью. В нем и его семье, объясняла Элеонора, «я обрела такое чувство уверенности, какого никогда у меня не было раньше». Он предложил ей руку, она с благодарностью приняла. Осенью 1903 года Франклин рассказал матери все.

Она была потрясена. Впрочем, сопоставив факты, Сара поняла, что все произошло на ее глазах. Оставалось лишь поражаться коварству двадцатидвухлетнего Франклина и девятнадцатилетней Элеоноры. Мать все же пыталась расстроить брак. Она напомнила сыну, что его отец женился первый раз тридцати трех лет, когда он «стал человеком, сделавшим имя и добившимся положения, и мог кое-что предложить женщине».

Письмо сына матери проливает свет на некоторые особенности его характера: «Любимая мамочка, – писал он, – я понимаю, какую боль я причинил тебе, и ты знаешь, что я никогда бы не сделал этого, если бы мог поступить иначе!.. Я знаю себя, знаю давно, и я знаю, что не могу иначе думать. Результат: сейчас я самый счастливый и удачливый человек в мире. Дорогая мамочка, знай, что ничто и никогда не может изменить то, чем мы всегда были друг для друга. Только теперь у тебя двое любимых и любящих детей»⁶. Мать сначала не поддавалась рассчитанному красноречию сына, однако «по этому важнейшему вопросу ее послушный сын, который в течение многих лет делал все, чтобы удовлетворить ее желания, выставил свой подбородок из рода Делано и проявил больше упорства, чем она»⁷. После длительной борьбы Сара признала себя побежденной.

Растущая привязанность к Элеоноре, в дополнение ко многим другим обязанностям, подвела черту под занятиями в Гарварде. Франклин не получил степени магистра искусств и осенью 1904 года, распрощавшись с Гарвардом, поступил в юридическую школу Колумбийского университета в Нью-Йорке. Повторилась знакомая история. В среднем тройки, пара провалов на экзаменах на первом году обучения. Он не испытывал ни малейшего увлечения правовыми науками. Куда интереснее было слушать дядю Тедди, теперь президента США, в Белом доме. Франклин при каждом удобном случае наносил родственные визиты, почтительно набираясь мудрости у говорливого президента.

17 марта 1905 г. Теодор Рузвельт приехал в Нью-Йорк, чтобы принять парад в день св. Патрика и выдать замуж племянницу Элеонору. Влюбленная пара выбрала для бракосочетания удобный для президента день. Величественный Теодор доминировал на церемонии, хотя невеста была на голову выше своего дяди. Семьдесят пять полицейских, охранявших президента, внушительно дополняли толпу приглашенных.

Глядя на Теодора Рузвельта, торжественно шествовавшего под руку с Элеонорой, один из родственников не мог не съязвить: «Когда он идет на свадьбу, то он хочет быть невестой, а когда он присутствует на похоронах, то он хочет быть трупом». Да, казалось, что гости собрались для встречи с президентом, а не на бракосочетание, мастерски проведенное Э. Пибоди, приехавшим из Гротона. Приданое невесты составило 100 тыс. долл.⁸.

Отблеск величия президента лег на молодую пару, и во время трехмесячной поездки по Европе они буквально купались в отраженных лучах его славы. В явном расчете, что

его слова дойдут до ушей дяди, Франклин пишет матери: «Все только и говорят о дяде Теодоре как о самом выдающемся деятеле современной истории, в результате относятся к США очень уважительно и почти с любовью».

В Англии их познакомили с Сиднеем и Беатрисой Уэббами; Франклин обсуждал с Сиднеем методы обучения в Гарварде, а Элеонора рассмотрела с Беатрисой проблему слуг. Молодоженов поразила Венеция. Она нашла, что юбки дамских купальников коротковаты. Он телеграфировал матери: «Между прочим, можно купить примерно за 60 тыс. долл. обстановку, деревянную отделку и мозаичные полы старого дворца. Если хочешь приобрести, телеграфируй». Он надеялся найти применение мозаике и старому дереву при перестройке дома в Гайд-парке. Сара высмеяла идею.

Осенью они вернулись в Нью-Йорк. Через два года, когда Сара закончила постройку двух домов, стоявших рядом на 65-й улице, молодые супруги въехали в свой дом. Пошли дети: первой родилась Анна в мае 1906 года, в последующие десять лет пять сыновей, один из них умер грудным. Семейную традицию восстановили – первенца назвали Джеймсом. Наверное, вздохнули, что имя отца Франклин, а не Исаак. Сара занялась домом сына, рассматривая детей как своих, а потом уже Элеоноры. Попытки молодой матери поднять бунт против свекрови-самодержицы успеха не имели. Франклин, проводивший мало времени дома, не видел в этом ничего странного.

Элеонора пыталась, как умела, быть ближе к мужу. Она взялась учиться управлять маленьким «фордом» и разбила машину о столб. Не лучше пошли дела и с верховой ездой. Много времени молодая женщина употребила на обучение игре в гольф. Наконец она решилась выйти на зеленую лужайку с мужем. Франклин, понаблюдав за ней несколько минут, тепло посоветовал навсегда бросить праздное занятие. Она послушалась.

Элеонора была образцом тогдашнего воспитания дочерей богатых родителей. Ей никогда не пришлось нянчить своих детей или готовить пищу. Она не представляла дома по крайней мере без пяти слуг, не умела одеться без горничной, а без повара молодые супруги, наверное, умерли бы с голоду. При всем том она была ужасающе невежественна. Даже через сорок лет Элеонора испытывала чувство неловкости, припоминая, как во время медового месяца она не смогла объяснить любознательному англичанину разницу между федеральными и местными властями в США.

Однажды Элеонора сидела перед туалетом, выбранным для нее Сарой, и горько рыдала. «Мой пораженный молодой муж спросил, что же случилось со мной. Я ответила, что мне не нравится жить в доме, который не был частью меня, для которого я ничего не сделала и который не такой, как я себе его представляла»⁹. Франклин пожал плечами. Он просто не понимал. Дома он оказался душевно близоруким и не проявил острой наблюдательности, какую показал в политике. Франклин просто разграничил семейную жизнь и игру в покер в клубе, где обычно пропадал до глубокой ночи. Всему свое время.

IV

В 1907 году Ф. Рузвельт завершил учебу в юридической школе. Он так и не получил диплома юриста – просто решил не держать экзаменов, ограничившись испытаниями в нью-йоркской коллегии юристов. Он поступил младшим клерком-практикантом в почтенную юридическую фирму «Картер, Ледиард и Мелбурн», помещавшуюся в Нью-Йорке, Уолл-стрит, 54. Условия были обычными: в первый год практикант не получал жалованья, со второго года ему положили очень скромное содержание. Франклин спокойно относился к тому, что не получил диплома юриста. Ректор Колумбийского университета много лет спустя взялся дразнить Рузвельта: «Вы никогда не сможете назвать себя интеллигентом, если не вернетесь в Колумбийский университет и не сдадите экзаменов по праву». На это Рузвельт ответил со смехом: «Мой пример показывает, что юриспруденция, в сущности, не имеет значения»¹⁰.

Гражданское право при ближайшем знакомстве оказалось крайне скучным делом, имевшим мало общего с великими юридическими принципами, о которых Франклин слышал в университете. Абстрактные схемы не будили мысль. ФДР положительно возненавидел работу за письменным столом в конторе, но очень охотно вел дела в суде, встречался с истцами, ответчиками, свидетелями. Хотя юридическая фирма «Картер, Ледиард и Мелбурн» обслуживала крупнейшие корпорации, младшему клерку Рузвельту давались дела по силам. Он сталкивался с людьми, которых просто не могло быть ни в Гайд-парке, ни в Гро-тоне, ни в Гарварде, вплотную увидел нужду и бедность.

Ему часто приходилось вести дела по искам отдельных лиц к крупным корпорациям. Однажды в зале суда его противником оказался коллега по юридической школе. Он взялся вести дело женщины, вчинившей иск о возмещении ущерба на 300 долл. крупной корпорации. Иск был плохо обоснован, действительный ущерб едва ли превышал 18 долл., но адвокат вел дело из расчета того, что 50 процентов выигранной суммы будет передано ему в качестве гонорара. В связи с ведением дела Рузвельт отправился на квартиру адвоката. Его не было дома, бедность смотрела из углов, а жена адвоката высказала Франклину все, что думала о нем. Он ушел, оставив предложение поладить на 35 долл. и чек на 150 долл. в долг. Юридические познания Ф. Рузвельта не увеличивались, но он глубже познавал собственную страну.

Хотя адвокат Ф. Рузвельт и не снискал особых лавров, некоторые дела он выиграл остроумно. Дело было так. Противник Франклина, необычайно опытный адвокат, славился редким умением убеждать присяжных заседателей. Рузвельт, слушавший его речь, увидел, что собственные шансы на успех равны нулю. Но он заметил тактическую ошибку противника – речь затянулась более чем на час. Присяжные поглядывали на часы. Ведь им предстояло еще выслушать речь Рузвельта. Он встал и произнес: «Господа! Вы знаете материалы дела. Вы также выслушали моего коллегу, выдающегося адвоката. Если вы верите ему и не верите материалам дела, тогда вы должны решить в его пользу. Больше мне нечего сказать». Присяжные удалились и через пять минут вынесли вердикт в пользу клиента Рузвельта. Франклин выиграл, сосредоточив внимание на форме и полностью игнорируя существо. Прием небесполезный в политике.

Он жил, как в тумане, скорее автоматически выполнял работу, постоянно думая о другом. О чем? Как-то он открылся клеркам в конторе – уйду в политику: сначала член легислатуры штата, затем заместитель морского министра, оттуда в губернаторы штата Нью-Йорк. «Любой, кто занимает этот пост, – наставительно произнес Франклин, – если ему повезет, имеет хорошие шансы стать президентом». Эта крутая дорога в свое время привела Теодора Рузвельта в Белый дом. Тогда ФДР подражал ему во всем.

В политических ползунках

I

В начале 1910 года Дж Мак, прокурор округа Датчес, штат Нью-Йорк, заехал в контору «Картер, Ледиард и Мелбурн» подписать бумаги. Между ним и Франклином завязалась беседа. Горячий приверженец демократической партии, Мак предложил юному юристу выставить свою кандидатуру на выборах в легислатуру штата Нью-Йорк. Ф. Рузвельт, не раздумывая, согласился. Через несколько дней он съездил в город Пугкипси, где был представлен местным лидерам демократов. ФДР в общем понравился: политические дельцы учли обаяние фамилии Рузвельтов, а также сообразили, что у Франклина можно выудить в партийный фонд изрядную по масштабам провинциальной организации сумму.

Партийная принадлежность для Франклина в то время была, в сущности, безразличной. В 1898 году, когда республиканец Т. Рузвельт был избран губернатором штата Нью-Йорк, Франклин писал из Гротона домой: «Мы дико обрадовались, узнав об избрании Тедди». В 1900 году Франклин – член гарвардского клуба республиканцев, активный участник факельного шествия в поддержку кандидатур республиканской партии на президентских выборах – Маккинли и Рузвельта. В 1904 году, первый раз принимая участие в выборах, Франклин отдал голос за дядю Тедди. Не высокие мотивы, а порядок поступления предложений – первой оказалась демократическая партия – определил партийное лицо Ф. Рузвельта. Он стал демократом.

Приготовления к кампании не были сложными, разве что пришлось сначала умиротворить дядюшку Тедди. Отныне безработный государственный деятель Т. Рузвельт мог одной неуместной фразой уничтожить политическое будущее Франклина. Теодор обещал промолчать о племяннике в политических выступлениях, хотя и не одобрил выбора им партии. Когда в округе стала известна кандидатура демократов, местная газета «Пугкипси игл» 11 октября 1910 г. заметила: «Демократы сделали новое и ценное открытие – они сыскали Франклина Д. Рузвельта... Мистер Рузвельт окончил Гарвардский университет и делает первый шаг в политике. Полагают, что его вклад в избирательную кампанию значительно превышает четырехзначную цифру, отсюда ценность открытия... Мы уверены, что сенатор Шлоссер не будет обеспокоен выдвижением мистера Рузвельта». Ф. Рузвельт передал в избирательный фонд 2500 долл.

Он всегда ассоциировал себя с силами прогресса. В кампании 1910 года прогресс олицетворял единственный в округе ядовито-красный автомобиль фирмы «Максвелл» без ветрового стекла, с исполинскими медными фарами. Франклин взял его напрокат. Ретрограды, лишь взглянув на машину, уверенно предсказали жалкий конец всего предприятия: автомобиль перепугает лошадей, и фермеры, а они составляли большинство избирателей, в отместку провалят Рузвельта на выборах. Франклин, однако, верил в прогресс.

Он украсил автомобиль флагами, сел в него и отважно двинулся навстречу судьбе. С какой скоростью? Биографы расходятся в показаниях по этому важному для потомства пункту. А. Шлезингер консервативно считает, что автомобиль «передвигался со скоростью двадцать миль в час». Ф. Фрейдль, как и надлежит глубокому знатоку жизни ФДР, придерживается золотой середины: «Они могли покрывать двадцать две мили в час». А Барнс в своей книге, признанной в США лучшей политической биографией Рузвельта, утверждает: машина «ехала со скоростью двадцать пять миль в час и привлекала большое внимание»¹.

Биографы точно установили одно обстоятельство: когда поблизости оказывалась группа фермеров с лошадьми, «максвелл» уместно отказывал. Приходилось запрягать лошадей, чтобы вызволить кандидата в сенат из беды. Дело не обходилось без шуток. Избиратели воочию убеждались, что будущий сенатор в их руках, и до конца использовали возможность указать непрактичному горожанину на преимущество лошади перед автомобилем. Рузвельт неизменно оказывался внимательным и вежливым слушателем.

То была деревенская идиллия, сельская пастораль. Стояло нежаркое бабье лето, окрасившее в яркие цвета рощи по обочинам дорог. Выезжали из Гайд-парка рано поутру и весь день проводили среди избирателей. Короткие речи на перекрестках, в ригах и просто перед зеваками. Рузвельт быстро приобретал навыки американского политика: автоматическая улыбка до ушей, крепкое рукопожатие. «Зови меня запросто – Франклин, а я тебя буду звать...» Том, Джон, Билл и т. д. Или: «Я не оратор, конечно, но мои друзья...» На одном из собраний, будучи представленным, Франклин начал: «Я не Тедди...» Естественно, смех. «Вчера плутоватый мальчишка сказал мне: он знает, я не Тедди. Я спросил его: почему? Он ответил: «Потому, что вы не показываете зубов». Всеобщее ликование толпы. При всем этом Франклин действительно оказался из рук вон плохим оратором. Элеонора под конец кампании решила послушать политическую речь мужа. Он говорил с громадными паузами, и любящая женщина с ужасом думала о том, что раз прерванная речь больше не возобновится.

Содержание выступлений Рузвельта не отличалось большой глубиной. Он обрушился на «боссизм» (захват власти кучкой продажных политиканов) в органах управления штата. Один из них, Л. Пэн, в округе Чатэм вписывал имена умерших в избирательные списки. Когда обман раскрылся, он объяснил, что не видит в этом ничего худого: ведь он знал, как бы они проголосовали, будучи живыми. Рузвельт не подчеркивал партийных граней, настаивая, что в борьбе за «чистые» нравы в политике он ищет поддержки «хороших» республиканцев.

Город Пугкипси проблемы не представлял – в нем всегда побеждали демократы; камнем преткновения были сельские округа площадью 25 тыс. кв. миль. Фермерам, обычно голосовавшим за республиканцев, и уделил основное внимание Рузвельт, затеяв свое автомобильное турне. Республиканцы, сначала сбросившие со счетов молодого кандидата, спохватились поздно. Лишь в конце кампании они выдвинули против Франклина обвинение в том, что он служит в юридической фирме на Уолл-стрит, обслуживающей гигантские корпорации. «Ну и что, – рассудила консервативная часть избирателей-республиканцев, – тогда этот молодой демократ не испорчен идеями Брайана и ближе к нам, чем к своей партии».

Хотя злые языки утверждали, что Рузвельт победил только потому, что в день выборов шел дождь и многие избиратели-фермеры поленились съездить на участки, его успех отражал наступление демократической партии по всей стране. Теперь ей принадлежало почти три пятых мандатов в палате представителей, большинство в обеих палатах легислатуры штата Нью-Йорк, а В. Вильсон был избран губернатором штата Нью-Джерси. Рузвельт победил Шлоссера 15 708 голосами против 14 568 (в 1908 г. Шлоссер имел большинство в 2070 голосов).

Друзья Рузвельта высоко оценили его успех: лишь второй раз со времен гражданской войны в округе избирался кандидат от демократической партии. Коллеги Франклина на Уолл-стрите с понимающей улыбкой слушали о том, что двадцативосьмилетний политик собирается схватиться со столетним драконом коррупции властей штата. Один из них лукаво написал ФДР: «Если поздравление от «биржевой клики» не ранит ваши нежные политические чувства, тогда я шлю вам мои сердечные поздравления», на что Франклин ответил: «Уолл-стрит в целом вовсе не так плох, как я выяснил за четыре года пребывания там».

II

Легислатура штата Нью-Йорк работала в крошечном городке – Олбани, столице штата. Депутаты – сенаторы и члены палаты представителей штата – получали скромное вознаграждение – 1500 долл. в год. По этой и другим причинам законодатели не жили в Олбани, а съезжались лишь на время сессии, снимая недорогие комнаты. Жены и дети оставались дома. В январе 1911 года Рузвельты всей семьей переехали в Олбани, Франклин за 400 долл. в месяц арендовал трехэтажный дом. ФДР был доволен новым жильем. С характерным для него в те годы снобизмом он заметил: «Приятно жить в трехэтажном, а не шестиэтажном доме».

Случая отличиться на политическом поприще долго искать не пришлось. В те годы сенаторы от штата Нью-Йорк выбирались не населением, а членами легислатуры. Партийная машина организации демократической партии в городе Нью-Йорке – Таммани – предложила кандидатуру У. Шихана. Этот делец с довольно темным прошлым сам напросился в кандидаты, щедро оплатив будущие услуги Таммани. Честолюбивый Шихан считал, что пребывание в «клубе миллионеров», как еще называли в те годы сенат, очистит его от скверны сомнительных сделок и превратит в респектабельного престарелого джентльмена.

Кандидатура Шихана по разным мотивам вызвала оппозицию среди группы депутатов-демократов легислатуры от сельских округов. Франклин оказался среди них; он прекрасно понимал, что выступление против Таммани придется по сердцу избирателям его округа, в большинстве своем республиканцам. Франклин обрушился с горячими филиппиками на Шихана и партийного босса Таммани Ч. Мэрфи. Отважный, но отнюдь не опрометчивый шаг – Таммани не контролировала избирательный округ Ф. Рузвельта.

Оппозиционеры нашли дом Рузвельтов удобным для совещаний, и хозяин очень быстро вышел в лидеры группы. Репутация дома Рузвельтов как гнезда заговорщиков закрепила за ним это положение, да и газетчикам было удобно брать интервью – адрес был известен. Правда, сигарный дым из библиотеки – там-то и дислоцировалась штаб-квартира борцов за правду в рядах демократической партии – заставил перевести детские со второго этажа на третий. Но домашние неудобства были ничто по сравнению с политическим опытом, который стремительно набирал Франклин. Элеонора досыта наслушалась политических споров: гости засиживались далеко за полночь, и хозяйке, естественно, приходилось подкреплять их силы.

Титаническая битва вылилась в яростную брань. Юный сенатор оказался на высоте; что до существа спора, начатого на словах как «чистая политика» против «боссизма», то «вместо великого сражения противоположных сил борьба стала напоминать войну в изображении Льва Толстого – запутанные схватки людей и отдельных групп»². Исход десятидневного сражения оказался плачевным: оппозиционеры сошлись на кандидатуре судьи Дж. О’Тормана, куда более тесно связанного с Таммани, чем Шихан. Обе стороны торжествовали победу.

Подводя итоги, Ф. Рузвельт сообщил избирателям: «Есть только одно средство. Ч. Мэрфи и ему подобных нужно выкорчевать с корнем, как вредные сорняки... Тем из вас, кто любит охоту, больше не надо ездить в скалистые горы Канады или джунгли Африки, в штате Нью-Йорк охота получше... И она идет, хищники уже начинают падать. Американский гражданин вновь сражается за свою свободу». Таммани не замедлила с ответом. Доверенный агент Мэрфи поставил в известность газеты, что речь идет о «глупеньком хвостовстве ограниченного и самодовольного парня... который столь же равен политике, как равна цирку зеленая горошина». Кое-кто из членов оппозиционной группы, имевших денежные

интересы в пределах досягаемости Таммани – в городе Нью-Йорке, порядком поплатился за свободомыслие. Ф. Рузвельт записал в актив известность далеко за пределами штата.

Черту под борьбой против Шихана подвел президент Франклин Д. Рузвельт, который, рассказав о ней министру труда Фрэнсис Перкинс, закончил: «Теперь и вы знаете, каким отвратительно низким парнем я был, когда впервые вступил в мир политики»³.

Современники не рассмотрели неприглядных качеств в сенаторе Ф. Рузвельте, они находили его разве что ужасающе аристократичным для поборника прогресса. Франклина считали высокомерным, в газетах обычно помещалась единственная фотография ФДР – в цилиндре, пенсне, с кислой, презрительной миной. На самом деле облик сверхуверенного политика скрывал очень честолобивого, легкоранимого и застенчивого молодого человека. Он искренне иной раз отклонял приглашения выступить с речью, ссылаясь на свое неумение складно говорить на людях.

Как обычно случается с такими людьми, он был излишне настойчив по пустякам в словесных дуэлях в сенате. Председательствующий, выслушав его какой-то очередной горячий призыв к чему-то, свирепо закричал: «Ладно, сенатор Рузвельт добился своего. Ему нужен всего-навсего заголовок в газетах, а теперь займемся делом».

Политический облик Ф. Рузвельта во время двухлетнего пребывания в сенате остался неопределенным. После некоторых колебаний он высказался за предоставление права голоса женщинам, боролся за качество молока для детей в бедных семьях и лучшее обслуживание иностранных моряков в порту Нью-Йорка, решительно выступил против профессионального бокса и состязаний по бейсболу по воскресеньям. Он был даже против ограничения рабочей недели для юношей от 16 до 21 года 54 часами. Франклин настаивал, что профсоюзы не должны прибегать к бойкоту в трудовых конфликтах, и считал закономерным подавление стачек силой. В то время стал ощущаться недостаток в людях для национальной гвардии. Она использовалась для разгрома стачек, и оказалось очень трудным пополнить ее ряды. Желающих служить в организации, запятнавшей себя карательными функциями, было немного. Франклин оказался среди тех, кто поддержал в легислатуре предложение в стиле дяди Тедди об учреждении специальных подразделений полиции штата для борьбы с рабочим движением.

Каким образом такой послужной список мог закрепить за Ф. Рузвельтом репутацию прогрессивного сенатора? Все зависит от места и времени, а главное – он быстро изменял свои взгляды в соответствии с обстановкой. То было время стремительного роста левых настроений в Соединенных Штатах, подъема борьбы против засилья монополий. Что правящие классы должны были считаться с этим, вне всякого сомнения, доказывает принятие антитрестовского законодательства. По крайней мере на словах конгресс был против отвратительных злоупотреблений баронов-разбойников монополистического капитала. Иначе поступить было нельзя – Америка бурлила. Происходившее в США не было изолированным феноменом, а отражало кризис капитализма во всем мире. В те годы по всей планете распространялось убеждение – нельзя больше терпеть наглую капиталистическую эксплуатацию.

Джек Лондон, создавший в 1907 году «Железную пята», а в 1910 году – «Революцию», воспевал классовую борьбу и единство пролетариата. Бунтарские идеи будоражили духовный мир Америки, сметая старый консерватизм и наивный провинциализм. Дело явно шло к поляризации сил на политической арене Соединенных Штатов, и, хотя марксизм был очевидно слаб в Новом Свете, бурное возрождение хотя бы джэксонианства и деятельность «разгребателей грязи» от Л. Стеффенса до Т. Драйзера прогремели очищающей бурей в психологическом климате американского общества. На подступах к избирательной кампании 1912 года социалисты набирали силу. На всю страну звучали пламенные речи лидера американских социалистов Ю. Дебса, влияние боевых элементов в рабочем движении США стре-

мительно нарастало. Имена Уильяма Д. Хейвуда, Чарлза Е. Рутенберга, Уильяма З. Фостера и др. стали хорошо известными. Владимир Ильич Ленин в статье «Успехи американских рабочих», написанной в 1912 году, отметил такой факт: тираж американской социалистической газеты «Призыв к разуму» достиг миллиона экземпляров. «Эта цифра, – подчеркнул В. И. Ленин, – миллион экземпляров социалистической газеты, которую бесстыдно травят и преследуют американские суды и которая растет и крепнет под огнем преследований, – показывает нагляднее, чем длинные рассуждения, какой переворот близится в Америке»⁴.

Руководители как демократической, так и республиканской партий чувствовали знание времени. В. Вильсон летом 1912 года говорил: «Существует громадное скрытое недовольство, которое способно найти выход. Республиканцы выставят Тафта, и, если демократы не выставят кандидата, который сможет быть принят народом как выразитель его протеста, возникнет радикальная третья партия, и в результате выборов мы будем недалеко от революции»⁵. Дядюшка Тедди не мог тягаться в тонком политическом анализе с В. Вильсоном, совсем недавно сменившим кафедру истории в Принстонском университете на губернаторское кресло, но он давно понял, что рано ушел с политического поприща. Т. Рузвельт открыл кампанию по выборам себя в президенты. «Мы за свободу, – кричал он на митингах, – но мы за свободу угнетенных...» Выстрел фанатика, взбудораженного решимостью Т. Рузвельта сломать традицию – никогда еще президент не выбирался на третий срок, – не остановил его. С пулей в груди он прохрипел: «Я произнесу эту речь или умру». Тедди произнес эту речь, но, появившись в качестве кандидата в кампании 1912 года, фатально расколол республиканскую партию – теперь от нее выступали два кандидата.

Спор политических исполинов по американской мерке, разумеется, был близок Франклину – он уже присмотрелся к В. Вильсону. Сильнейшее брожение умов также не обошло его стороной, звон идейного оружия раздавался по стране. Хотя оружие было совсем некачественным, гром стоял от океана до океана. Франклин внес свою лепту. 1912 год отмечен его первым выступлением политико-философского характера, в котором он пытался объяснить причины широкого недовольства и расцвета, хотя и позднего, радикальных идей в Америке.

Выступая 3 марта 1912 г. в Трое, штат Нью-Йорк, он отметил, что «конкуренция полезна лишь до определенного момента, ныне мы должны добиваться сотрудничества, которое начинается там, где кончается конкуренция». ФДР, тщательно избегая социалистических терминов, предпочел назвать сотрудничество скорее «борьбой за свободу общества, чем за свободу индивидуума». В этой элегантной терминологии Ф. Рузвельт и представил глубокий конфликт между монополиями и народом, что марксистам известно как противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения продуктов Труда.

Опасаясь возможных упреков в радикализме, он тут же объяснил, что «сотрудничество» применительно к монополистической практике выглядит следующим образом: «Если мы назовем этот метод регулированием, люди возденут руки в ужасе и закричат: «антиамериканизм» или «опасно», но если мы назовем тот же процесс сотрудничеством, те же мудрецы заявят: «прекрасно сделано». Сотрудничество в этом виде делает монополию несвоевременной. Теперь мы понимаем, что не размеры треста сами по себе являются злом. Трест – зло, поскольку он монополизировал в интересах немногих и до тех пор, пока это продолжается; общество должно изменить эту практику». Подобную философию радушно встретила бы Национальная ассоциация промышленников.

Теория Рузвельта подкреплялась практикой. Важнейшей частью «сотрудничества» в интересах общества он считал сохранение естественных ресурсов. В речи в Трое он указал: «Если мы можем предсказать сегодня, что государство (иными словами, народ в целом) скоро будет диктовать данному человеку, сколько деревьев он может вырубить, тогда почему мы не можем, не став радикалами, заявить, что настанет время, когда государство будет

заставлять фермера возделывать посевы, выращивать скот или лошадей? Ведь если я, допустим, имею ферму в сто акров и она у меня не используется и зарастает травой, разве я не уничтожаю свободу общества (под которой мы имеем в виду счастье и благосостояние) в такой же мере, как это делает сильный мужчина, болтающийся без дела и отказывающийся работать»⁶.

Под знаком сохранения естественных ресурсов в доступных ему масштабах штата Нью-Йорк прошла деятельность сенатора Рузвельта в 1912 году. Он пригласил главного лесничего США Г. Пинчо, который прочитал лекцию легислатуре о необходимости сохранения лесов. Пинчо показал старую китайскую картину, относившуюся к 1500 году. Очаровательная зеленая долина, к которой только прикоснулся топор лесоруба, и современный фотоснимок той же долины. Раскаленные солнцем камни, безжизненные холмы и песок, гонимый ветром.

Настояния Рузвельта провести широкие меры по сохранению естественных ресурсов, в первую очередь лесов, в штате Нью-Йорк в общем оказались не слишком успешными: могущественные лесные и деревообделочные компании выступили против. «Я не могу понять, – огорчился Франклин, – почему люди, которые имеют денежные интересы в том или ином деле, никогда не видят дальше шести дюймов под собственным носом».

Людские ресурсы входят в понятие естественных ресурсов, и поворот Рузвельта в сторону поддержки социального законодательства объясняется именно этим, хотя толчком к нему явилось широкое недовольство трудящихся. В конце двухлетнего пребывания в сенате он поддержал многие законопроекты, улучшавшие условия труда. Теперь Ф. Рузвельт был за 54-часовую неделю для юношей. На заключительной стадии обсуждения перед голосованием не хватало кворума: сенатор – сторонник этого билля – спокойно спал дома. За ним послали, а чтобы предотвратить закрытие заседания, что означало бы провал законопроекта, Франклин взял слово.

Он прибег к типичной обструкции: начал читать подробную лекцию по орнитологии. Жизнь птиц ФДР изучил с детства и знал предмет превосходно. Раздраженное замечание одного из присутствующих, что это не имеет отношения к биллю, Франклин отвел, заявив: «Я пытаюсь доказать, что сама природа требует меньшего рабочего дня». Тем временем заспанный сенатор появился в зале заседания, и законопроект был принят.

В эти годы, преодолев упорное сопротивление Сары, желавшей видеть Гайд-парк таким же, как при жизни мужа, Франклин прикупил земли и начал ежегодно засаживать склоны от дома к реке деревьями – от тысячи до четырех тысяч ежегодно. В основном тополь и сосна. Друзья не связывали это с его теоретическими воззрениями, а рассматривали увлечение посадками как проявление заботы о земле, обычной в аристократических семьях.

III

В 1910 году Вудро Вильсона избрали губернатором штата Нью-Джерси усилиями полковника Дж Харви, близкого к дому Морганов. Мультимиллионеры возвели консервативного профессора истории на первую ступень лестницы в Белый дом. Считается, однако, что к 1912 году монополисты разочаровались в ершистом политике и двигали в президенты более покладистого деятеля. Ф. Рузвельт душой и сердцем был с В. Вильсоном, получившим славу самого прогрессивного губернатора в Соединенных Штатах. Осенью 1911 года он совершил паломничество к Вильсону и обещал сделать все, чтобы обеспечить ему поддержку в штате Нью-Йорк. Если учесть отношения Франклина со всемогущей Таммани, то обещание было самонадеянным.

В конце июня 1912 года демократы наводнили Балтимор, там собрался их конвент, чтобы «назначить будущего президента». Франклин сколотил небольшую, но очень шумную фракцию в делегации штата Нью-Йорк. Мэрфи, контролировавший большинство представителей штата, игнорировал ее. Несколько дней в громадном зале, арендованном для конвента, бушевали страсти. Первоначально в качестве кандидата лидировал Ч. Кларк из штата Миссури. Но сторонники Вильсона вели громадную работу, выбросив лозунг: «Выдвинуть Вильсона, и все тут!» Голосование сменялось голосованием без решающего результата. Агенты Кларка наняли около двух с половиной тысяч человек, которые заполнили галереи зала. Их усилия – вопли и свист в пользу Кларка в течение часа – были оплачены. Привратники, стоявшие у дверей, были подкуплены: в зал не допускались лица, не носившие значка сторонников Кларка.

Ф. Рузвельт проявил прекрасное знание тонкостей американской политической борьбы и распорядительность. В решающий день – проводилось уже 46-е голосование, оказавшееся последним, – он провел своих людей в зал. У каждого красовался на груди жетон с именем Кларка. Не успели еще произнести с трибуны имя В. Вильсона, как дико завывавшая толпа ринулась вперед, призывая голосовать за него. Впереди шествовал приплясывающий Франклин, размахивая громадным плакатом «Штат Нью-Йорк!» Мэрфи и его единомышленники остались на местах, они-то знали, что демонстранты не представляют партийной машины штата. В колонне неизвестных лиц, заполнивших проходы, были видны рассыльные в ливреях из отелей, поспешно завербованные самозванцами. Вильсон был выдвинут на пост президента от демократической партии.

Теперь предстояло подумать о собственных делах. Избрание В. Вильсона президентом было все же проблематичным – за право занять кресло в Белом доме боролись Тафт, добивавшийся переизбрания, Теодор Рузвельт и Юджин Дебс. Нужно было застраховать себя на случай неудачи В. Вильсона. Франклин начал кампанию за переизбрание в сенат штата Нью-Йорк. Она оказалась полной противоположностью прошлой, Франклин заболел брюшным тифом и мог воздействовать на избирателей лишь пламенными обращениями с ложа страданий.

Отсутствие кандидата на митингах, однако, с лихвой компенсировала кипучая деятельность его нового друга и горячего обожателя. В жизнь Ф.Рузвельта в 1911 году прочно вошел 40-летний Луи Хоу, сохранивший до самой смерти (1936 г.) горячую привязанность Франклина.

Л. Хоу в те годы был корреспондентом газеты «Нью-Йорк геральд» в Олбани. Низкорослый, на редкость уродливый, он был неудачником, хотя мечтал о большой политике. Он свято верил в миссию великого человека в истории. Обладающий незаурядным, едким умом, Л. Хоу давно понял, что он сам не достигнет успеха на политическом поприще, и на том утешился. Он стал вызывающе подчеркивать свое уродство: «Я один из четырех самых без-

образных людей в штате Нью-Йорк, если можно назвать человеком то, что осталось от меня. Я высох и скрючен, как герои Диккенса. Мои глаза выпучены, ибо я много видел. Когда дети встречают меня на улице, они в страхе убегают». Нет ничего удивительного в том, что, когда Хоу, как злой тролль из сказки, с вечной сигаретой, торчавшей из саркастически сжатого рта, появился в доме Рузвельтов, Элеонора была шокирована. Она возненавидела его неопрятный костюм, маслянистый блеск глаз, отвратительные манеры и не могла понять, что может быть общего у мужа с ним.

Франклин, однако, быстро разглядел драгоценные качества Луи: гибкий ум, проницательность, дьявольскую работоспособность и полную неприспособленность к жизни. Рузвельт доверил ему ведение своей избирательной кампании. Хоу был в восторге: наконец нашелся великий человек, ради которого стоило жить и трудиться. В обожании Хоу, однако, проскальзывал сарказм.

Хоу с блеском провел избирательную кампанию Рузвельта, серьезно считая, что отныне ему предстоит лепить президента. Каждый фермер – избиратель Рузвельта получил от него личное письмо, они были отпечатаны на ротаторе, но так, что выглядели написанными на пишущей машинке. Сенатор спрашивал мнение фермера, какой именно закон следует провести в легислатуре в целях охраны интересов производителей. Рыбаки на реке Гудзон также получили личные послания кандидата. Хоу наводнил избирательный округ различными обещаниями, посылая соответствующие объявления Рузвельту с припиской: «Поскольку вы дали эти обещания, я думаю, что вам следует, хотя бы от случая к случаю, знать, в какие дела я вас втянул», а именно введение стандартной бочки в качестве меры для яблок и слив и т. д.

5 ноября 1912 г. на выборах победил В. Вильсон, а в штате Нью-Йорк прошел сенатор Ф. Рузвельт. Президент взял его заместителем морского министра. Его сторонники в штате Нью-Йорк недоумевали: не проведя обещанного закона о стандартной бочке для яблок, прогрессивный сенатор променял Олбани на Вашингтон. «Это – козни врагов ваших прогрессивных идей. Прошу вас, оставайтесь в старом штате Нью-Йорк. Вы нам нужны», – заклинал избиратель-фермер.

Вновь назначенный министр морского флота Дж Дэнниелс решил навести справки о своем заместителе у сенаторов от штата Нью-Йорк. Сенатор Э.Рут поджал губы: «Вы что, не знаете Рузвельтов? Где бы один из них ни правил, он желает быть первым».

Морское министерство

I

В 20-х годах подавляющее большинство американских историков, писавших книги об администрации Вильсона, вообще не упоминали о заместителе морского министра. Курсы истории США совершенно не пострадали от этого пропуска. В наши дни картина, естественно, иная: профессиональные историки склонны заново переоценить события, и Ф. Рузвельт своими позднейшими заслугами отвоевал весьма заметное место среди деятелей администрации В. Вильсона, оттеснив даже тех, кто в 1913–1920 годах занимал более высокие посты.

Итак, в марте 1913 года Франклин, которому едва минуло тридцать лет, занял пост заместителя морского министра. Он уселся за тот же стол, за которым пятнадцать лет назад другой Рузвельт – воинственный Теодор планировал начальные кампании испано-американской войны. Параллель между жизненным путем дяди и племянника напрашивалась сама собой, и Франклин был не из тех, кто упустил бы возможность подчеркнуть это. Через пару дней после вступления в должность, воспользовавшись отсутствием в Вашингтоне министра, он созвал в кабинет журналистов. Сияющий государственный деятель бросил: «Теперь делом занялся один из Рузвельтов. Вы помните, что случилось в прошлый раз, когда один из них был на этом посту?» Рузвельты сняли в Вашингтоне «маленький Белый дом», то самое здание, в котором жил Теодор, дожидаясь, пока семья убитого президента Маккинли освободит Белый дом.

На первый взгляд, Рузвельты были очень богаты – годовой доход Франклина и Элеоноры достигал 27 тыс. долл. Из них 5 тыс. долл. – жалованье заместителя морского министра и 7,5 тыс. долл. – доход от выгодно размещенного приданого Элеоноры. Для большого дома – они жили на широкую ногу – 27 тыс. едва хватало. Приходилось поддерживать репутацию семьи в светском обществе Вашингтона и держать иногда до десяти слуг. Франклин знал, где и что тратить, к этому времени Сара научила сына бережливости, и он экономил на себе. Он предпочитал обедать дома, так выходило дешевле, по несколько лет носил один и тот же костюм, ездил на трамваях – расходы на такси представлялись ему излишними. Семья приобретала только подержанные автомобили. И это была не показная скромность – Рузвельты действительно едва сводили концы с концами.

Многие в Вашингтоне, зная Франклина, предрекали, что его карьера в морском министерстве долго не продлится. Дж. Дэниелс был человеком совершенно иного склада: ровно на двадцать лет старше Франклина, он был его полной противоположностью. За плечами Дэниелса было трудное восхождение по политической лестнице. Он начал с редактора газеты в маленьком провинциальном городке. Внешне бесхитростный, старомодно одетый, Дэниелс имел славу пацифиста, сторонника «сухого закона» и горячего поклонника аграрного радикала Дж. Брайана, ставшего в правительстве Вильсона государственным секретарем. Адмиралы с первого взгляда невзлюбили унылого пуританина-министра.

Франклин нашел его «самым забавным деревенским парнем» и на первых порах обращался к Дэниелсу с изумительно бестактными записками. Дэниелс прекрасно видел все, что проделывал заместитель. Но Франклин был его любовью с первого взгляда, и старый политик, отлично знавший людей, смотрел в будущее: Дэниелс умел ладить с конгрессом, ФДР понимал флот. Что до честолюбивых надежд заместителя, то министр всегда сумеет направить их в нужную сторону. И хотя Франклин бывал иной раз чрезмерно инициативен, они

отлично сработались с Дэниелсом, На протяжении семи с половиной лет совместной работы в морском министерстве между ними не было серьезных конфликтов.

Дэниелс мягко подшучивал над честолюбием заместителя, а Франклин с годами привязался к старику. Как-то раз они сфотографировались вместе на балконе здания морского министерства, выходящего фасадом к Белому дому. Когда принесли карточки, Дэниелс спросил:

– Франклин, почему вы улыбаетесь от уха до уха, выглядите столь удовлетворенным, как будто весь мир принадлежит вам, в то время как я стою спокойный и счастливый, но на моем лице нет такой улыбки?

Франклин ответил, что он не видит особой причины, ему хотелось пристойно выглядеть перед объективом.

– Тогда я скажу, – лукаво закончил Дэниелс. – Мы оба смотрим на Белый дом, и вы, происходя из Нью-Йорка, говорите себе: «Когда-нибудь и я буду жить в этом доме», а мне, южанину, приходится довольствоваться тем, что есть¹.

Расхохотались и разошлись. С годами их отношения стали напоминать те, которые существуют между отцом и сыном. До смерти Ф. Рузвельта (Дж Дэниелс пережил его на три года) они оставались друзьями, часто встречались и вели оживленную переписку.

Оказавшись в морском министерстве, ФДР был безмерно счастлив. С детства он любил море и флот, вся его предшествующая жизнь оказалась подготовкой к теперешней работе. В свое время он с головой окунулся в политические дела в сенате штата Нью-Йорк, однако штат не располагал флотом. Теперь под его началом практически оказались военно-морские силы США, а тогда флот и морская пехота доминировали над небольшой армией. Ф. Рузвельт выступал за еще больший флот. Он был воспитан на теории морской мощи Мэхэна и в практической деятельности призывал пойти дальше, чем рекомендовал сам теоретик.

В январе 1914 года Ф. Рузвельт поучал соотечественников: «Наша национальная оборона должна охватывать все Западное полушарие, ее зона должна выходить на тысячу миль в открытое море, включать Филиппины и все моря, где только бывают американские торговые суда. Для удержания Панамского канала, Аляски, американского Самоа, Гуама, Пуэрто-Рико, морской базы Гуантанамо и Филиппинских островов мы должны располагать линкорами. Флот нам нужен не только для защиты собственных берегов и владений, но для охраны наших торговых судов в случае войны, где бы они ни находились»². Между тем в США ужасались размерами флота и морской пехоты. Они насчитывали 65 тыс. личного состава и обходились налогоплательщикам в 144 млн. долл. в год. Даже Дэниелс, не говоря уже о Брайане, считал, что флот чудовищно раздут.

Наиболее влиятельная организация, ратовавшая за большой флот, – Морская лига США – горячо приветствовала молодого заместителя морского министра. Лига, собственно, представляла интересы магнатов стали и судостроительной промышленности, королей финансов, ибо флот был тогда крупнейшей кормушкой государственных заказов. С ними у Рузвельта наладились сердечные отношения. Его пригласили председательствовать на ежегодном собрании лиги, а ее планы обсуждались в кабинете заместителя морского министра.

В 1914 году Соединенные Штаты напали на Мексику, американские войска высадились в Веракрусе. Ф. Рузвельт счел возможным публично заявить: «Я не хочу войны, но я не знаю, как избежать ее. Рано или поздно Соединенным Штатам придется вмешаться и разобраться в политической неразберихе в Мексике. Я считаю, что нужно сделать это немедленно». Такие заявления могли бы звучать в устах главнокомандующего, каковым по конституции является президент. Тем не менее ни В. Вильсон, ни Дж Дэниелс не сочли необходимым одернуть заместителя морского министра, предлагавшего пойти столь далеко. Почему?

Р. Тагвелл объясняет: «Трудно сказать – то ли этого буйного Рузвельта, использовавшего любую возможность для письменных и устных выступлений в целях всестороннего

развития полной империалистической доктрины, для осуществления которой был необходим «флот, не имеющий равных», просто выслушивала небольшая аудитория, разделявшая его взгляды (а в этом случае он едва ли создавал серьезные затруднения для вышестоящих), или ему сознательно давалась воля, ибо Вильсон не возражал, чтобы и эта точка зрения выражалась свободно наряду с более пацифистскими взглядами Дэниелса. Президенты часто прибегают к таким приемам. Сам заместитель морского министра, когда он стал президентом, вне всякого сомнения, не имел соперников в искусстве запускать чужими руками пробные шары»³. Если так, а Р. Тагвеллу нельзя отказать ни в любви к Ф. Рузвельту, ни в знании его, тогда оппозиция заместителя морского министра к ведению дел администрацией Вильсона предстает в ином свете. Скорее, он был не только дисциплинированным, но и понятливым служакой.

Ф. Рузвельт столкнулся с проблемой, которой не знал раньше, – организованным рабочим движением. Он вел дела военной судостроительной и судоремонтной промышленности, насчитывавшей перед первой мировой войной 50 тыс. рабочих, многие из которых входили в цеховые профсоюзы АФТ. Рузвельт очень быстро научился ладить с лидерами профсоюзов и добился того, что за время его пребывания в министерстве на верфях не случилось ни одной серьезной забастовки.

Споры с поставщиками не могли не укрепить репутацию Ф. Рузвельта как прогрессивного деятеля, причем она возрастала прямо пропорционально его усилиям в пользу большого флота. Он хотел больше кораблей, но рамки расходов определялись ассигнованиями конгресса. Необходимость получить наибольшую отдачу с каждого доллара приводила к тому, что заместитель морского министра яростно сопротивлялся монополистической практике взвинчивания цен. Политически это было нетрудно объяснить иными мотивами – якобы врожденной неприязнью ФДР к трестам. Добытую славу не приходилось делить ни с кем: в отличие от других министерств, в морском был только один заместитель министра.

В Вашингтоне вплоть до Второй мировой войны вспоминали, что, используя свой пост, Рузвельт заставил флот покупать очень плохой уголь из шахт, в которых имели денежные интересы его родственники. Он объяснял расширение круга поставщиков, которое действительно имело место, необходимостью сбить абсурдные монопольные цены на уголь. Биографы Рузвельта с негодованием отрицают эти инсинуации, ссылаясь на то, что, как только Рузвельту доложили о плохом качестве угля, он немедленно приостановил действие соответствующих контрактов.

Рузвельт назначил Хоу помощником и все семь с половиной лет получал от него квалифицированную помощь и здравые советы, в первую очередь в вопросах труда. Он оказался просто неоценимым в политическом лабиринте Вашингтона. Хоу учил способного администратора искусству возможного, а главное – умению выжидать и не связывать себя участием в непопулярных мероприятиях.

Пуританин Дж. Дэниелс усердно служил богу своему и посему, а также в интересах укрепления воинской дисциплины запретил употреблять спиртные напитки даже в офицерских кают-компаниях на кораблях. Моряки расценивали это как неслыханное покушение на святые традиции флота, иные даже утверждали, что выбита сама основа морского боевого духа. Когда был отдан приказ, Рузвельт оказался в уместной командировке. Язвительный Хоу сообщал ему из Вашингтона: «Я знаю, как вы сожалеете о том, что не находитесь на месте и не можете разделить славу (приказа). Конечно, я сообщу корреспондентам только следующее: вы не в Вашингтоне и, естественно, ничего не знаете».

Адмиралы предпочитали иметь дело с заместителем, а не с самим министром. Рузвельт тешил себя иллюзией, что он с большей легкостью нашел с ними общий язык, чем Дэниелс, лукавые царедворцы поддерживали его в счастливом заблуждении – обычно они задерживали представление различного рода раздутых требований, пока Дэниелс был в Вашингтоне.

Стоило ему уехать, как толпа просителей осаждала исполняющего обязанности министра – ф. Рузвельта. Он же серьезно считал себя флотоводцем. Когда выяснилось, что заместитель морского министра не имел флага (президент и министр имели), Ф. Рузвельт немедленно приказал по собственному рисунку изготовить таковой. Отныне, стоило ему ступить на палубу военного корабля, гремел салют из 17 орудийных залпов, а на мачте взвивался личный флаг. И все же заместитель морского министра не был всесилен, ему так и не удалось заставить моряков принимать приказы от Хоу.

«Знаете, что случится, если Хоу появится на корабле? – заявил Рузвельту какой-то капитан, которому он сообщил о намерении послать Хоу с инспекционной поездкой. – Как только он ступит на борт, его схватят, разденут и отмоют с песком и мылом». Хоу был равнодушен к оценке моряков: военные не имели голоса на выборах, между тем организованное рабочее движение – сила в политике. С его лидерами Хоу считался.

Рузвельт вызывал профессиональное уважение. Он неоднократно брал командование военными кораблями и показал умение проводить быстроходные эсминцы в тяжелых водах. Молодой ФДР хорошо узнал на флоте молодых офицеров – Уильяма Д. Леги, Уильяма Ф. Хэлси, Гарольда Р. Старка и Хасбенда Э. Киммеля; все они (за исключением Киммеля, опозорившего свои седины в Перл-Харборе) вели в бой американский флот в годы Второй мировой войны.

Наконец, Рузвельт хорошо понял значение флота во внутренней политике как средства рекламы. С 1913 года в день национального праздника 4 июля военный корабль ежегодно бросал якорь на Гудзоне, около Гайд-парка и города Пугкипси. В том же 1913 году новый линкор «Норе Дакота» получил приказ отметить день 4 июля у города Истпорт, штат Мэн. Офицеры корабля проклинали мудрецов, оторвавших их от семей в праздник, – они обычно оставались в этот день на базе. Однако поблизости от Истпорта на островке Кампобелло находился заместитель морского министра.

В палящий летний зной офицер с линкора в парадном мундире с эполетами, придерживая палаш, шел по улице Истпорта. Он должен был доложить ФДР о прибытии линкора. Навстречу бежал парень в открытой рубашке и широких фланелевых брюках. Искренне позавидовав ему, офицер закричал: «Эй, ты, как найти этого типа Рузвельта?» Парень оказался ФДР. Он просил передать капитану, что поднимется на борт и произведет смотр экипажа. И хотя он не одет должным образом, следует произвести салют в честь заместителя морского министра. Обывателей порадует грохот орудий.

Когда на корабле вспыхнули молнии холостых орудийных выстрелов, они убедились в мощи флота США и всемогуществе заместителя морского министра.

II

Среди благ, которые несет с собой в Соединенных Штатах занятие крупного поста в системе федерального правительства, участие в руководстве «разделом добычи» дает возможность вознаградить за верность старых единомышленников и приобрести новых друзей. Победившая партия проводит раздачу постов в системе федеральных властей.

Просителей из родного штата оказалось великое множество, и их обуревал такой завистливый голод власти, что Рузвельту пришлось использовать хорошие отношения и с министром почт А. Бюрлсоном, и с министром финансов У. Мак-Аду. Боссы Таммани очень быстро разглядели за готовностью Рузвельта хлопотать по таким делам отнюдь не наивное желание прослыть благодетелем, а хорошо рассчитанный план – выдвигать своих людей, готовить почву для себя. Таммани заподозрила недоброе – возникновение соперничающей политической организации под контролем Рузвельта.

Тут в штате разразился скандал, весьма заурядный для американской политической жизни. «Простачок Билли» – У. Сульцер, проведенный Таммани в губернаторы, взбунтовался. Еще недавно послушное орудие в борьбе против сенатора Рузвельта, «простачок Билли», переименовав здание ратуши в «народный дом», обрушился на Ч. Мэрфи и его присных. Рузвельт из-за кулис поощрял свободомыслящего губернатора, но Сульцер переоценил силы. Таммани без большого труда доказала, что губернатор пустил средства из избирательного фонда в спекуляции на бирже. Дело обернулось худо для Сульцера, и он бросился за защитой к Рузвельту, прося, чтобы тот ходатайствовал перед Вильсоном о заступничестве. Хоу стоял на страже интересов ФДР, и «простачок Билли» получил от заместителя морского министра изящный и бессодержательный ответ (a nice pussy-footed answer). Сульцер был отстранен от должности и привлечен к уголовной ответственности.

Конечный результат скандала оказался неожиданным. Добрые граждане штата преисполнились отвращения к грязным махинациям не только Таммани, но и демократов вообще. Падение Мэрфи и торжество республиканцев представлялись неизбежными.

Рузвельт решил, что пробил его час, и попросил Вильсона поручить ему восстановить пошатнувшийся престиж демократической партии в штате. Вильсону было нетрудно понять, куда метил не по годам бойкий ФДР – стать губернатором ключевого штата.

Ободренный кажущейся поддержкой президента, ФДР инспирировал слухи о том, что он будет выдвинут губернатором штата Нью-Йорк. Скоро об этом заговорили газеты. Рузвельт надеялся достичь губернаторского кресла на волне негодования по поводу продажности клики Мэрфи. Таммани, однако, собрала силы. 23 июля 1914 г. председатель важнейшего комитета по ассигнованиям палаты представителей Дж. Фицджеральд, выступая по поручению двадцати конгрессменов, представлявших город Нью-Йорк, негодовал: «Клеветники, заявляющие, что они говорят от имени администрации, изображают нас как наймитов жуликов, грабителей и авантюристов». Вильсон, давно простивший Таммани Балтимор, отчетливо усмотрел дилемму – двадцать голосов в палате представителей или один честолюбивый заместитель морского министра.

На следующий день американцы прочли в «Нью-Йорк таймс» заявление Вильсона: «Я питаю самые добрые чувства к мистеру Фицджеральду и никогда не одобрял характеристики конгрессменов от Таммани как наймитов жуликов, грабителей и авантюристов». С надеждами на пост губернатора пришлось расстаться. ФДР сделал мину при плохой игре, опубликовав негодующее опровержение распространившихся слухов о том, что собирался когда-либо баллотироваться на эту должность.

Несмотря на уроки Хоу, Ф. Рузвельт все еще был зеленым политиком. Воспользовавшись отъездом в отпуск своего наставника, Франклин по горячим следам за опровержением

выступил с заявлением, что намеревается выставить свою кандидатуру в качестве сенатора от штата Нью-Йорк. Луи он послал телеграмму. Извиняясь, Франклин сослался на то, что «еще не научился владеть собой», а также сообщил, что этого требуют «важные политические соображения». Под ними он вновь имел в виду поддержку Вильсона, который пообещал исправиться и на этот раз быть за Рузвельта.

Хотя Хоу томили тяжкие предчувствия, ФДР удержу не знал: он открыл энергичную кампанию в демократической организации штата. Боссы Таммани сохранили каменное спокойствие и, поразмыслив, выдвинули свою кандидатуру – посла США в Германии Дж Герарда. Защита им интересов американских граждан в Европе в связи с начавшейся Первой мировой войной получила самую широкую известность в Соединенных Штатах. Герард, естественно, не мог покинуть Берлин и через государственный департамент справился у президента, стоит ли ему соглашаться. Из Вашингтона ответили утвердительно.

Франклин так и не разобрался в создавшемся положении. Он с азартом задавал своему сопернику риторические вопросы: если Герарда изберут, будет ли он подчиняться Мэрфи, или, если война затянется, где сенатор сочтет необходимым исполнять свои обязанности – в Вашингтоне или в Берлине. Посольство США в Германии отмалчивалось. «Трудно вести кампанию против кротов», – жаловался Франклин на митингах. По совету Мэрфи его кандидаты «отказываются вылезти из нор и изложить свои принципы в соответствии с духом открытой избирательной кампании». ФДР пытался изобразить себя кандидатом, одобренным администрацией. Он прибегал к бесстыдной лести в адрес правительства. «Между мэрфизированным Олбани и вильсонизированным Вашингтоном разница столь же велика, как между долиной и горными пиками»⁴, – сообщал он. Все напрасно.

Он проиграл. Герард получил на первичных выборах в октябре 210 765 голосов, Рузвельт – 76 888 голосов. Все идет своей чередой, на выборах в сенат в ноябре республиканец нанес поражение Герарду.

Руководство партии проучило Ф. Рузвельта, ему указали на его место. Урок пошел впрок. Он понял, что без Таммани далеко не уйти, боссы Таммани, в свою очередь, пригляделись к ФДР в действии. Ставка на него не сулила крупного проигрыша. В кампании против Герарда, проведенной в одиночку, он выглядел совсем неплохо.

III

В канун той мировой войны правители Соединенных Штатов не уставали напоминать Старому Свету, что заокеанская республика достигла статуса великой державы.

Теодор Рузвельт в бытность президентом постарался пробудить мир к пониманию вновь обретенной мощи США. В 1907–1909 годах американский флот по его приказу совершил кругосветное плавание. Шестнадцать линкоров в громе оружейных салютов показали звездное знамя на всех океанах земного шара. Демонстрацией «белого флота» – линкоры сияли белой эмалевой краской – Т. Рузвельт гордился до конца своих дней. Администрация Вильсона, хотя и в меньших масштабах, продолжала его дело.

25 октября 1913 г. Ф. Рузвельт напутствовал участников очередной воинственной вылазки американцев – девять линкоров отправлялись в шестинедельное плавание по Средиземному морю: «Посылая вас представителями нынешнего флота США, мы надеемся показать Старому Свету, что достижения и традиции прошлого сохраняются и развиваются в интересах блестящего будущего». Отправка эскадры сопровождалась оглушительной риторикой самолюбования. Лишь немногие газеты высмеивали самодовольных организаторов плавания. Как заметила газета «Ньюс» (город Галвстон), «если эти линкоры и символизируют что-нибудь мыслящему человеку, то ему ясно одно: мы, как и большинство других наций, придерживаемся средневековых убеждений – необходимыми средствами решения международных споров являются все еще убийство и разрушение. На наш взгляд, просто издевательство демонстрировать линкоры перед другими народами как доказательство нашей доброй воли». Столичный житель Франклин Д. Рузвельт не мог разделять мнение редактора провинциальной газеты.

День начала войны в Европе – 1 августа 1914 г. – застиг ФДР за обычным занятием – пропагандой большого флота, хотя и в несколько необычных обстоятельствах. Конгрессмен Дж Ротермел раздобыл для своего городка Ридинга старый якорь с линкора «Мэн». Местные патриоты водрузили якорь на площади как символ мощи американского флота. Тут подоспели выборы, и его противник нагло заявил, что якорь вовсе не с линкора, а привезен бог знает откуда. Оскорбленный в лучших чувствах (переизбрание повисло на волоске) конгрессмен вызвал на помощь Ф. Рузвельта. Заместитель морского министра откликнулся на зов и в горячей речи заверил жителей городка в подлинности якоря: «Как вы могли подумать, что правительство славных Соединенных Штатов способно передать вам поддельный якорь», – и подчеркнул необходимость крепить морскую мощь США.

Исполнив свой патриотический долг (правда, конгрессмена так и не переизбрали), ФДР отправился в обратный путь в Вашингтон. В поезде он и узнал о гигантском пожаре в Европе. Горя желанием действовать, он прибыл в морское министерство, погруженное в сонную дремоту, – было время летних отпусков. Он с отвращением пишет Элеоноре: «Эти добряки, подобные У. Дж. Б. (Брайану. – Н. Я.) и Д. Д. (Дэниелсу. – Н. Я.), понимают столько же, что означает всеобщая война в Европе, сколько Эллиот (сын Рузвельта четырех лет. – Н. Я.) разбирается в высшей математике». И далее: «Мистер Дэниелс опечален главным образом потому, что его вере в человеческую натуру, цивилизацию и прочему идеалистическому вздору нанесен ужасающий удар. Поэтому мне приходится в одиночку браться за дело и готовить планы, что надлежит делать флоту»⁵.

По мнению американских историков, с первых дней войны в Европе Ф. Рузвельт творил просто чудеса в Вашингтоне, в то время как Дэниелс и другие пребывали в прострации. Два дела способному человеку не помеха: с середины августа до самого конца сентября он был занят известной нам кампанией по выборам себя в сенат США и неотлучно находился в

штате Нью-Йорк. Биографы, однако, так и не объяснили, почему он был готов пожертвовать любимым флотом ради места в сенате.

Лишь Р. Тагвелл, на правах старого соратника, берет на себя смелость предположить: «Он витал в облаках и просто не мог отказаться от борьбы за место в сенате. Даже его любовь к флоту не была помехой. Он оставил бы его без сожаления ради того, что считал политическим повышением – шагом вверх»⁶. Поражение в штате Нью-Йорк побудило ФДР глубокой осенью 1914 года заняться своими прямыми обязанностями в министерстве.

Симпатии Рузвельта всецело были на стороне держав Антанты. В самом начале войны он сообщил Дэниелсу свой прогноз: «Вместо длительной борьбы, я надеюсь, Англия примет в ней участие и вместе с Францией и Россией продиктует мир в Берлине!» Ошибся не один Рузвельт, конца войне не было видно. Хотя Соединенные Штаты объявили о своем нейтралитете, он рано стал ратовать за усиленную военную подготовку страны. Между тем Вильсон требовал от соотечественников быть нейтральными не только в действиях, но и в мыслях. Публично было трудно отстаивать дело Антанты – американская плутократия была преисполнена решимости пока набивать карманы, ожидая истощения сторон; что же касается вступления США в войну – будущее покажет.

Возможности Рузвельта не шли далее его функций заместителя морского министра. Он мог вносить предложения Вильсону – создать совет национальной обороны, ввести всеобщую воинскую повинность, Дэниелсу – немедленно приступить к строительству большого флота. Его не слушали. В начале 1915 года Франклин жаловался жене: «Я точно знаю, что совершу ужасно антинейтральный поступок». Он стал афишировать связи с английским послом Спринг-Рисом и атташе французского посольства Ла Буле. Заместитель морского министра пошел на рискованный шаг: злоупотребляя служебным положением, передал секретную информацию о состоянии американского флота сенатору Г. Лоджу и другим республиканцам, яростным критикам администрации Вильсона. Так он надеялся продвинуть морскую программу.

Германская подводная лодка 7 мая 1915 г. потопила «Лузитанию». Погибли 1200 человек, в том числе 124 американца. Инцидент решительно укрепил позиции Рузвельта. Государственный секретарь Брайан ушел в отставку. Шовинистическая пропаганда в США набрала силу. Предложение об увеличении флота и создании совета национальной обороны стало теперь исходить от Белого дома. Когда этот орган в августе 1916 года был учрежден, Рузвельт имел основание считать, что он внес свою лепту.

В рамках морского министерства Рузвельт не смог сделать много – его усилиями летом 1916 года был создан морской резерв в 50 тыс. человек, а группа резервистов приняла участие в маневрах флота. Рузвельт с трудом убедил командование флота взять на борт этих лиц, и, имея в виду преодоление препятствия, он любил говорить об организованном им учебном плавании, что повысило боевую готовность военно-морских сил. Газеты, приведя поименные списки – группа была невелика, доказали: на военных кораблях проветрились богатые друзья Ф. Рузвельта, его коллеги по яхт-клубам.

Фигура Ф. Рузвельта выросла главным образом благодаря его речам и статьям, посвященным подготовке флота. Он стыдил американцев – на жевательную резинку они тратят в год больше, чем на армию, а автомобильные покрышки ежегодно обходятся дороже флота. Воинственный заместитель морского министра, впрочем, шел в ногу с политикой администрации: 14 июня 1916 г. по улицам Вашингтона среди участников «парада подготовки» промаршировал сам В. Вильсон. В связи с событиями в Мексике – Панчо Вилья одержал новые успехи – президент приказал частям национальной гвардии занять позиции вдоль мексиканской границы.

Рузвельт, выступая на обеде морских резервистов в Нью-Йорке, заявил, что и они могут потребоваться на границе, хотя обедавшим так и осталось непонятно, что будут делать

моряки на суше. Они покрыли одобрителем ревом тост организатора банкета, обращенный к Ф. Рузвельту: «Я надеюсь, что присутствующие не обидятся, если слово «заместитель»... будет вычеркнуто перед титулом этого человека». Газеты серьезно писали, что из Рузвельта получится лучший морской министр, чем Дэниелс.

Конфликт между министром и его заместителем был в значительной степени создан газетчиками. «Мы должны вступить в войну», – часто возглашал Франклин, переступив порог кабинета Дэниелса для доклада. «Надеюсь, что этого не случится», – спокойно отвечал министр из-за стола. Обменявшись этими приветствиями, оба погружались в текущую работу.

Война в Европе не отменила календаря американской политики – в 1916 году происходили очередные президентские выборы. Демократическая партия вела их под лозунгом: «Он (Вильсон. – *Н. Я.*) удержал нас от вступления в войну». Соответственно говорил Рузвельт, искренне призывая к военной подготовке и неискренне превознося необходимость нейтралитета. Внутренняя коллизия во взглядах между администрацией и им определила необычайный интерес Рузвельта к истории. В одной из речей, обосновывая невступление в войну, он прочитал яркий отрывок из исторического сочинения, в котором содержались яростные нападки на В... Он объяснил, что цитата взята из памфлета Томаса Пейна, критиковавшего Джорджа Вашингтона за нейтралитет во время войны Англии и Франции в конце XVIII века.

Ф. Рузвельт раздобыл где-то рукопись меморандума Дж Монро, написанного в 1814 году, в котором доказывалась необходимость участия США в европейских войнах. Заместитель морского министра направил рукопись президенту. Дорожа местом, он не осмеливался иначе выразить свои взгляды.

Оживление страстей в связи с избирательной кампанией помогло личной политической судьбе Ф. Рузвельта. Еще в 1915 году, поняв, что его борьба с Таммани была донкихотством, Франклин прилагает усилия к примирению. Началось с пустяков. Сыновья тщеславного конгрессмена Дж Фицджеральда получили почетные места среди зрителей при закладке линкора «Калифорния» на Бруклинской верфи в Нью-Йорке. Ф. Рузвельт стал поддерживать проведение на различные посты в штате кандидатов Таммани. Во время кампании 1916 года Франклин уже открыто выступил заодно с лидерами Таммани.

Победил В. Вильсон: он был переизбран, получив 9 129 606 голосов против 8 538 221, отданного кандидату республиканцев Ч. Юзу. Успех сплотил демократическую партию: 4 июля 1917 г. Рузвельт – основной оратор на собрании, созванном Таммани в Нью-Йорке по поводу 141-й годовщины независимости Соединенных Штатов. Сара была встревожена, она заклинала сына не иметь ничего общего с грязными политиками. Разве не он поносил их много лет? «Не беспокойся по поводу речи 4 июля, – ответил сын матери, – ведь каждый в штате Нью-Йорк знает мою позицию». А чтобы не было сомнений, Франклин сфотографировался с боссами Таммани – Ч. Мэрфи и Дж Вурисом. Пенсне и галстук бабочкой заместителя морского министра отлично гармонировали с шутовскими регалиями, надевавшимися вожаками Таммани по торжественным случаям.

IV

Морское министерство в те годы помимо своих прямых обязанностей отвечало за администрацию в заморских владениях США, а также везде, где высаживалась американская морская пехота. Возникали различные проблемы, которые офицеры разрешали с военной прямоотой. Губернатор командор Т. Мур, например, посланный на Самоа, в 1907 году издал распоряжение № 6, отменившее «языческий и варварский обычай» лишения невест девственности их отцами. Эти и иные проблемы унаследовал Ф. Рузвельт.

Когда в 1915 году возникли новые трудности на Самоа, заместитель морского министра со свойственной ему проницательностью объяснил: флот должен следить за тем, чтобы «губернатором всегда назначался скромный и здравомыслящий человек». Он указал, что основная цель американских аннексий – оборона Соединенных Штатов, которые, в свою очередь, должны вооружаться, чтобы защищать свои заморские владения, дабы агрессор не мог помешать «великому гуманному делу, почти завершённому в Панаме на наши деньги в интересах всего человечества». Это в равной степени верно в отношении «Гавайских островов, Пуэрто-Рико и стран Центральной и Южной Америки, которые мы рассматриваем как придерживающихся тех же идеалов свободы, что и США».

Ф. Рузвельт стоял за расширение американских владений в этом районе. Поскольку Гуантанамо на Кубе было трудно оборонять с суши, он настаивал на захвате новых островов. Именно в эти годы США купили у Голландии острова, переименованные в Виргинские. Рузвельт был необычайно доволен и собрался быть первым американским государственным деятелем, посетившим новое владение США, чтобы поднять там американский флаг. ФДР настаивал на все новых захватах⁷.

Летом 1915 года американская морская пехота высадилась на Гаити. Хотя в стране сохранились президент и правительство, она была низведена до уровня протектората США. Всем правило из Вашингтона морское министерство, на заседаниях кабинета Дэниелса шутиливо-серьезно приветствовали: «Слава королю Гаити!» Оккупация породила массу проблем, которые было трудно решить из Вашингтона, и в январе 1917 года Рузвельт выехал туда с инспекционной поездкой.

По пути он остановился на Кубе, где в Гаване встретился с президентом М. Менокалом. Местный руководитель произвел на проезжего американца глубокое впечатление. «Он, очевидно, джентльмен, бизнесмен прогрессивного типа, и не один противник не поставит под сомнение его честность... Кубе, на мой взгляд, необходимо продолжение «упорядоченного прогресса», а не радикализм». Удовлетворенный, Рузвельт продолжил свой путь, а на Кубе через несколько дней разразилась революция. Обвинив германских агентов и в интересах спасения «упорядоченного прогресса», США направили на Кубу морскую пехоту, которая оккупировала остров до 1922 года.

На Гаити Рузвельт завоевал популярность правящей верхушки острова. Он упорно именовал свое посещение «визитом вежливости», хотя в заливе Порт-о-Пренс стояло около 50 американских военных кораблей, и старательно поддерживал фикцию «суверенитета» президента Дартиженава. Американские военные власти на острове получили урок от молодого заместителя морского министра. Президент и он должны были сесть в автомобиль для поездки по острову. Дартиженав первый ступил на подножку. Командующий американскими войсками на острове генерал-майор С. Батлер схватил его за шиворот и оттащил, чтобы дать дорогу Рузвельту. Он, однако, остановил старательного вояку, освободил дрожавшего президента и пропустил его вперед.

На острове Рузвельт интересовался главным образом «прогрессом», достигнутым под водительством морской пехоты. Он, как должно, выслушал сообщения о кровавых рас-

правах американской солдатни над местным населением, принял петиции об освобождении, но не освободил заключенных, а по возвращении в Вашингтон принял активное участие в составлении конституции для Гаити. Ее основной чертой было разрешение иностранцам владеть землей. Впоследствии поразительный документ прозвали «конституцией Рузвельта». Правда, ФДР всегда отрицал, что это положение было внесено по настоянию «Нэшнл сити бэнк».

Морская пехота успешно провела «плебисцит» на Гаити: в пользу конституции – 69 377, против – 355.

V

1 февраля 1917 г. Германия объявила неограниченную подводную войну. Искомый повод для вступления Соединенных Штатов в войну был под рукой. Ф. Рузвельт полагал, что время выжидания прошло. В 1939 году он рассказывал: «Была первая неделя марта... Я явился к президенту и сказал: «Президент Вильсон, разрешите вернуть флот из Гуантанамо, направить корабли в доки Нью-Йорка, с тем чтобы подготовить их к участию в войне после нашего вступления в нее». Президент ответил: «Мне очень жаль, мистер Рузвельт, но я не могу разрешить этого». Я продолжал настаивать, он без объяснения причин отказал, заявив: «Нет, я не хочу, чтобы флот переводился на Север». Я служил во флоте, поэтому отчеканил: «Так точно, сэр» – и направился к двери. В дверях он вернул меня, заявив: «Я хочу объяснить вам то, что не желаю говорить публично. Я не хочу чего-либо... в области военной подготовки, что было бы определенно истолковано будущими историками как недружественный акт в отношении центральных держав»⁸.

Впоследствии Рузвельт неоднократно подчеркивал, что в последние месяцы перед объявлением войны Германии (с 3 февраля 1917 г., когда США разорвали дипломатические отношения с ней) он готовил американский флот только на свой страх и риск. Однако он не делал ничего без санкций президента и морского министра. Битва с администрацией была выдумана самим Рузвельтом много лет спустя. Заявления Рузвельта такого типа: «С 6 февраля по 4 марта мы на флоте совершили такие поступки, за которые нас можно было и все еще можно заключить на 999 лет в тюрьму» – нельзя принимать всерьез. Серьезно другое – ФДР совещался в то время с критиками правительства Дж. П. Морганом, Т. Рузвельтом и др., обсуждая, как бы подтолкнуть его к решительным действиям, а эти люди могли многое.

18 марта 1917 г. пришли сообщения о потоплении германскими подводными лодками еще трех американских судов. 20 марта кабинет решил вступить в войну с Германией. 6 апреля конгресс объявил о том, что Соединенные Штаты находятся в состоянии войны с Германией.

Объем работы морского министерства решительно возрос – личный состав флота во много раз увеличился, достигнув к концу войны 497 тыс. человек. ФДР оказался среди военных руководителей громадного ведомства, что позволило ему неизмеримо пополнить опыт администратора. Хотя он и не избегал ответственности, а был только рад расширению функций министерства, Франклин попытался заговорить о вступлении в действующую армию. Вильсон и Дэниелс наотрез отказали: частично потому, что он был нужен на своем посту, а главным образом не желая способствовать дальнейшему росту популярности ФДР. С его речами, рассчитанными на завоевание национальной известности, администрация уже примирилась, в конечном счете, афишируя себя, он поднимал и престиж демократической партии. Но допустить повторения карьеры Теодора Рузвельта, который во время американо-испанской войны был в действующей армии, они не хотели. Военная слава в свое время прямо вывела Теодора Рузвельта в президенты.

У Франклина хватило здравого смысла отклонить предложение Морской лиги – открыть кампанию за смещение Дэниелса и назначение его морским министром. В то же время Рузвельт подстрекнул близкого к Вильсону журналиста У. Черчилля довести до сведения Белого дома о бюрократизме морского министерства. У. Черчилль выполнил поручение, присовокупив: если дела в министерстве не будут делаться быстрее, им займутся газеты и республиканцы. Это возымело действие: Вильсон приказал Дэниелсу быть энергичнее.

Своим величайшим достижением в годы Первой мировой войны Рузвельт считал установку минного заграждения через Северное море – от Англии до Норвегии, преграждавшего выход германским подводным лодкам в Атлантику. Полмиллиона мин, стоимость –

500 млн. долл. Рузвельту пришлось преодолеть многочисленные препятствия не только специалистов-моряков. Английский министр иностранных дел Бальфур указал, что вторжение в норвежские территориальные воды поднимет деликатные вопросы, регулируемые международным правом. Рузвельт возразил: «Если Норвегия не может выполнять свои обязанности по предотвращению прохода германских лодок через узкую полосу вдоль своего побережья, тогда представляется совершенно справедливым выполнить этот долг за нее». Несомненно, очень вольная трактовка международного права.

Работа началась лишь в августе 1918 года; до конца войны было установлено 70 тыс. мин, что обошлось в 80 млн. долл. Заграждение не успело сыграть сколько-нибудь значительной роли; скорее, введение системы конвоирования, улучшение приборов обнаружения подводных лодок и конструкций глубинных бомб имели куда большее значение, чем экстравагантный план заместителя морского министра. ФДР придерживался иной точки зрения. Много лет спустя с высоты трехэтажного Белого дома он считал, что «недовольство в германском подводном флоте стало возникать в начале октября 1918 года, оно перешло на крейсера и линкоры и оказало громадное воздействие на мятеж всего германского флота. Не будет преувеличением поэтому заявить, что заграждение в Северном море, начатое установкой мин американским флотом и буквально навязанное британскому флоту, внесло определенный вклад в мятеж германского флота, затем в восстание в германской армии и, наконец, в окончание мировой войны»⁹. Историки иначе объясняют эти события.

В военные годы Рузвельту пришлось много заниматься трудовыми конфликтами. Он был в составе правительственного комитета, решившего не повышать заработную плату более чем на 10 процентов. АФТ приняла обязательство придерживаться «открытого цеха» на время войны. Но профсоюз плотников, работавших на предприятиях, выполнявших заказы флота, выступил за «закрытый цех». Рузвельт пригрозил, что в таком случае он обратится к лицам, занятым на гражданской службе. Рузвельт вообще считал, что на время войны следует принять чрезвычайные меры. «Всеобщая повинность должна применяться ко всем мужчинам и женщинам, а не только к мобилизованным в армию и флот. Чем скорее поймут этот принцип, тем лучше», – писал он в 1917 году. Сам Рузвельт, как видно, не понимал, что означало бы претворение в жизнь указанного «принципа».

В апреле 1917 года журнал «Эра» писал, имея в виду его многочисленные выступления на этот счет: «Когда я читаю глупые и претенциозные суждения мистера Такого-то, который с гипертрофированным патриотическим пылом требует обязательной воинской службы для всех американских юношей, я вижу вдохновляющую наивность! Какой прекрасной проверкой тезиса было бы, если бы мистер Такой-то со своими пятью сыновьями вскарабкались по грязным ступенькам вербовочного пункта... и завербовались в армию. После года службы пусть они придут и скажут, что за преимущества они приобрели». ФДР немедленно направил статью помощнику генерального прокурора с пожеланием «запереть писаку и всю его банду в тюрьму в Атланте до конца их дней». Министерство юстиции официально ответило: нет закона, по которому можно привлечь к ответственности за подобного рода статьи.

В 1916 году Рузвельт, в пику Дэниелсу, сообщил комитету по военно-морским делам палаты представителей: «Я не думаю, что правительственные предприятия должны производить все для флота, исключив частные фирмы». В январе 1917 года министр и заместитель заняли противоположные позиции, давая показания в том же комитете по вопросу о чрезмерных прибылях судостроительных фирм. Рузвельт вовсе не считал прибыли из ряда вон выходящими. Хотя Дэниелс с цифрами в руках доказывал выгодность государственного строительства, Франклин сделал все, чтобы воспрепятствовать расширению производственных мощностей на государственных заводах и верфях, выдавая заказы монополиям.

Он настаивал: функция государственных предприятий в войну – дополнять частную промышленность, а в мирное время – служить сверх прямого назначения своего рода лабо-

раторией, в которой определяются издержки производства, с тем чтобы не переплачивать. Если так, тогда следующим логическим шагом было бы выступление против гигантских трестов в пользу свободной конкуренции среди поставщиков. Практика ФДР была противоположной. Морское министерство щедро раздавало заказы тем корпорациям, руководители которых знали Рузвельта. Возникавшие скандалы не были слишком заметными в оргии военной наживы, захлестнувшей Вашингтон. Один из знавших систему распределения контрактов морским министерством заметил: Рузвельт – «находка для любого, кто учился с ним раньше. Богатство или высокое социальное положение давали вес человеку».

Конечно, он был занят до предела. Но Рузвельт был молод, а война бешено ускорила темп жизни. Хотелось успеть все, и в лихорадочной атмосфере «войны за окончание всех войн» расцвел роман Франклина с Люси Мерсер. В 1913 году Элеонора пригласила 22-летнюю Люси работать своим секретарем. Женщина редкой красоты и такта быстро вошла в семью заместителя морского министра. К ужасу матери и глубокой скорби жены было замечено, что Франклин и Люси полюбили друг друга отнюдь не платонически. Семейная жизнь вошла в полосу суровых штормов. Летом 1917 года Элеонора, забрав детей, уехала в Кампобелло.

Она прислала письмо Франклину, жалуясь, что больше не нужна. «Глупая девочка, – ответил муж, – как ты можешь думать или у тебя возникает даже тень мысли о том, что я не хочу, чтобы ты была здесь, ведь ты знаешь, что я хочу этого! Но честно говоря, сейчас тебе нужно провести безвыездно шесть недель в Кампобелло». Тем летом Франклин, вероятно, был готов порвать с Элеонорой. Но возникли многочисленные препятствия: соображения карьеры, сильнейшее вмешательство матери. Она категорически заявила сыну: «Я стою за старые традиции и в семейной жизни», – добавив самое убедительное: если Франклин не порвет с Люси, она прекратит денежные дотации ему. Наконец, сама Люси. Для нее, убежденной католички, было немыслимым связать себя в лоне церкви с разведенным мужчиной, отцом пяти детей.

Семейная пропасть была как-то ликвидирована. Франклин, казалось, навсегда порвал с Люси. В 1920 году она сочеталась браком с У. Рутерфердом, на тридцать лет старше ее, принадлежавшим к избранным семьям Нью-Йорка. Но дружба Франклина и Люси не прервалась. Обо всем этом знали немногие. Элеонора до последних дней жизни ФДР питала крайнее озлобление к Люси¹⁰. Не простила она и Франклина. Собственно, с того момента, когда Элеонора обнаружила доказательство – любовные письма в почте мужа, она начинает искать самостоятельный путь в жизни, помимо семьи¹¹.

VI

Все же война доминировала над всем, хотя и была далеко от Вашингтона. Самые пыльные американские юноши уже были на пути к кровавым траншеям Франции; ФДР носил револьвер, выданный ему в 1917 году секретной службой. Пронесся слух, что германские агенты готовят покушения на руководящих американских деятелей. Если так, тогда жизнь заместителя морского министра была под угрозой.

ФДР доказывал свое мужество. Отправив летом в Кампобелло Элеонору с детьми, он, по собственным словам, конечно, в глухом одиночестве коротал ночи в опустевшем доме. И вот как-то ночью на первом этаже послышался подозрительный шум... На следующий день ФДР отчитывался в письме жене: «Мне показалось, что в дом забрались. Я с полчаса сидел в ожидании на верху лестницы с револьвером в руке. Виновником оказался код»¹².

Франклин Д. Рузвельт всей душой рвался принять участие в настоящих боях и сражениях. Ради этого он пожертвовал почти бесспорной возможностью теперь быть избранным губернатором штата Нью-Йорк. Отношения с Таммани наладились. Вильсон считал, что Рузвельту не следует отклонять предложение выставить свою кандидатуру на выборах губернатора. Франклин не хотел и слышать об этом. «Он остро чувствовал, что в его политической карьере недоставало чрезвычайно важного элемента. В то время как сотни тысяч американцев были в форме, он был в штатском. Он даже не побывал за океаном»¹³. Летом 1918 года ФДР настоял на выезде со специальной миссией в Европу – инспектировать американский флот в европейских водах, обсудить с правительствами держав Антанты различные вопросы.

Хотя можно было отправиться на комфортабельном транспорте, война требовала жертв. 9 июля 1918 г. ФДР поднялся на борт нового эсминца «Даер». Капитан уступил свою каюту высокопоставленному гостю, на мачте взвился флаг заместителя морского министра, и двадцать первое путешествие Франклина через Атлантику началось. Шли в составе конвоя, периодически меняя курс; очень часто объявлялась тревога: подводные лодки. Если сигнал тревоги звучал ночью, на мостике эсминца неизменно появлялся ФДР в пижаме, готовый лично вести корабль в бой. Днем он разгуливал по кораблю в форме собственного изобретения – защитного цвета бриджах и кожаной куртке. Плавание в конвое не принесло особых тревог, кроме ложных. Правда, как-то на эсминце случайно выстрелили из четырехдюймового орудия и снаряд просвистел над самыми головами стоявших на мостике.

Ужасы войны ожидали «Даер» у Азорских островов, куда эсминец, отделившись от конвоя, зашел за топливом. Вблизи островов испортилась машина, и около часа, пока ее чинили, эсминец дрейфовал. По прибытии в порт капитану сообщили, что получена радиogramма с судна в 50 милях, преследуемого подводной лодкой. Рузвельт сослался на этот факт в докладе Дэниелсу как на доказательство необходимости прислать на базу на Азорских островах «охотников» за подводными лодками. И все. Элеоноре он написал, что «подводная лодка была поблизости от порта, но не решилась атаковать!»

Чем дальше уходил памятный день, тем ближе, по словам ФДР, оказывалась к «Даеру» зловещая субмарина. Уже осенью 1918 года он утверждал, что с лодки видели «Даер», но не напали, побоявшись связываться с эсминцем. В 1920 году со слов ФДР история описывалась в газетах так: «Даер» превратился в линкор, «германская подводная лодка появилась у одного его борта, затем исчезла. Потом ее увидели с другого борта, и она окончательно скрылась из виду». Газеты были склонны усматривать в этом эпизоде боевое крещение заместителя морского министра. Дабы запечатлеть навек исторический день, ФДР нанял художника, написавшего картину «Американский эсминец «Даер», флагман заместителя морского

министра, в гавани Понта-дель-Гада, Азорские о-ва, июль 1918 года». Картину повесили на видном месте в доме в Гайд-парке.

В конце июля Рузвельт прибыл в Англию, где провел переговоры в адмиралтействе о координации действий флотов США и Англии. 29 июля его принял король, и в тот же день он впервые встретился на обеде с У. Черчиллем, тогда морским министром Англии. Расставшись, оба начисто забыли о встрече, и лишь в годы Второй мировой войны им напомнили, что они лично знакомы. Ллойд Джордж в беседе с ФДР пожаловался на то, что стачки затрудняют военное производство. Рузвельт заверил собеседника, что «английские профсоюзы не возбуждают симпатий у нашей АФТ, а твердая политика английского правительства встретит самое горячее одобрение со стороны США».

Он «обозрел» заботу о раненых, в том числе американцах, в Англии. С большой похвалой отозвался о семье Асторов, устроивших у себя госпиталь на 1100 коек, который «сейчас заполнен едва на четверть, но, конечно, пополнится с прибытием новой партии... Они превратили свой итальянский садик в прекрасное маленькое кладбище для американцев, умирающих в госпитале». Заметки вскользь визитера из-за океана с завидными нервами и абсолютным присутствием духа. Что поделать, война!

31 июля ФДР оказался наконец у фронта во Франции. 4 августа он побывал на позициях американской 155-миллиметровой батареи. Оглушительный взрыв заставил некоторых из группы броситься на землю, но то был только выстрел хорошо замаскированного орудия рядом.

Боевой день запал в память ФДР на всю жизнь. 11 декабря 1944 г. он продиктовал воспоминания о нем: «Посмеявшись вместе с расчетом, мы подошли к орудью. Офицер-артиллерист нацелил его на французскую железнодорожную станцию в 12 милях. Я дергал шнур: самолет-корректировщик сообщил, что в первый раз был недолет, а другой снаряд угодил прямо на станцию, вызвав большое смещение. Я никогда не узнал, сколько убил гуннов!» Поездка по следам недавних боев – изрытые поля, расщепленные деревья, разрушенные деревни – очень взволновала ФДР. Он хотел видеть все, и сопровождавшим офицерам пришлось приложить немалые усилия, чтобы он не попал под вражеский огонь. Аdjутант, пытавшийся водить его по спокойным местам, впал в немилость у ФДР и едва не был уволен с флота.

Из Франции ФДР отправился в Италию, где необычайно расхвалил успехи англичан в борьбе с немецкими подводными лодками в Атлантике. Он предложил перенять их методы, а главное – взять английского адмирала командовать на Средиземном море. Получился дипломатический конфликт, дошедший до Вашингтона. 10 сентября Вильсон приказал Дэниелсу впредь заранее сообщать имена лиц, отбывших в Европу, ибо «ездит их без счета и они берут на себя смелость говорить от имени правительства».

Перед возвращением на родину Ф. Рузвельт побывал в Сен-Назере, где инспектировал американскую сверхтяжелую батарею: 14-дюймовые морские орудия устанавливались на железнодорожные платформы. Батарея захватила воображение Франклина: ее обслуживали моряки, она должна была принять участие в боях – орудия стреляли на 40 км. ФДР договорился с командиром, что он сможет рассчитывать на зачисление в батарею в чине капитан-лейтенанта. Намерение, по-видимому, было серьезным.

Вмешалась болезнь. На обратном пути Франклин свалился в инфлюэнце, осложненной воспалением легких. 19 сентября его на носилках снесли с корабля в Нью-Йорке и поместили в госпиталь. Только в середине октября он смог вернуться к работе. Первым делом ФДР бросился к Вильсону просить о зачислении в действующую армию. Президент лаконично объяснил: он опоздал – уже получено обращение Макса Баденского о заключении перемирия. 11 ноября 1918 г. Первая мировая война окончилась.

В июне 1921 года, прослышав, что в Гротоне составляется список выпускников школы – участников войны, который будет выбит на специальной доске в здании школы, Рузвельт писал ответственным за это дело: «Хотя я и не носил форму, мое имя следует поместить в первом разделе среди тех, кто «служил», в первую очередь потому, что я служил по ту сторону Атлантики, меня пощадили торпеды и снаряды и я, по существу, руководил боевыми делами флота в Европе, пока находился там». Он также подал заявление о вступлении в «американский легион».

VII

ФДР не пропустил грандиозного спектакля – Парижской мирной конференции. Он буквально вырвал у Дэниелса согласие на новую поездку в Европу, на этот раз с Элеонорой, формально для наблюдения за демобилизацией и отправкой в США личного состава флота и морской пехоты. Отдав дань Парижу, увидев или познакомившись с руководителями конференции, ФДР объездил Францию и побывал на Рейне, где стояли американские части. С полей сражения он увез груды трофеев – каски, корпуса снарядов и т. д. Ликвидация американского имущества во Франции повлекла за собой отчаянный торг с французами. Хотя они не взыскивали плату за землю под могилами американских солдат, как сплетничали в Вашингтоне, ФДР пришлось немало потрудиться, улаживая имущественные споры.

О больших политических вопросах, обсуждавшихся в Париже, ФДР знал только как наблюдатель со стороны. Его просто не пустили бы в высшие советы конференции, даже если бы он и захотел. Проницательный ФДР понял, что пугало до синевы миротворцев в Париже: революционный подъем во всем мире, Октябрьская революция и Советская власть в России. О происходившем в действительности в нашей стране ФДР, несомненно, имел самое предвзятое и смутное представление. Он охотно выслушивал басни о «зверствах» большевиков; российских контрреволюционеров тогда было множество в Париже. В письме ФДР Элеонора сокрушалась: нужно было бы назначить друга Т. Рузвельта генерала Л. Вуда «командовать в Сибири» вместо генерала У. Грэвса¹⁴.

По возвращении в США (вместе с Вильсоном в конце февраля 1919 г.) ФДР счел возможным в речи 1 марта даже заявить, что в Советской России проводится «национализация женщин в аморальных целях». Некто Э. Франк писала Ф. Рузвельту после его леденящего кровь выступления: «На завтраке в честь Лиги Наций в прошлую субботу вы с презрением отозвались о тех, кто не верит, что русские солдаты национализировали женщин. Если это правда, давайте говорить об этом с прискорбием, а не акцентируя внимание, – примерно так, как мы бы говорили об обычном случае линчевания у нас»¹⁵.

1 февраля 1919 г. миллионер Э. Догени рассказал журналистам, что величайшая опасность грозит Америке – социализм, коммунизм и большевизм. «Большинство профессоров в США, – указал он, – учат социализму и большевизму... Уильям Бойс Томпсон учит большевизму, и он еще может обратиться к Ламонта из дома Дж. П. Моргана. Вандерлип – большевик, Г. Кран – также... Генри Форд – еще один большевик (речь идет о крупнейших монополистах. – Н. Я.), они же составляют большинство среди сотни профессоров-историков, которых Вильсон брал с собой за границу». Догени был просто глуп, но революционный подъем в Соединенных Штатах, порожденный внутренними причинами, был налицо.

В войну американцев призывали жертвовать во имя великой миссии «спасения демократии», но по ее завершении народ воочию увидел, что защищалось, в сущности, право богачей наживать и бедняков – влачить жалкое существование. В 1914–1918 годах в стране появилось несколько десятков тысяч новых миллионеров, в то время как 90 процентов трудящихся не имели прожиточного минимума. Между тем волнующие вести приходили из других стран: в России власть взял трудовой народ; Европа бурлила; в Азии поднималось национально-освободительное движение. Народы, прошедшие войну, требовали лучшей жизни.

Соединенные Штаты не остались в стороне от этого процесса – в 1919 году волна стачечного движения охватила страну. Бастовал каждый пятый рабочий. 31 августа – 1 сентября 1919 г. была основана Коммунистическая партия США. Усилились протесты против политики Вильсона, принявшего участие в вооруженной интервенции в Советской России.

В те дни перехода от войны к миру, как никогда раньше, социалисты страстно говорили и яростно боролись за лучшее будущее. Победоносная Советская Россия олицетворяла весну человечества. Иные нетерпеливые в Соединенных Штатах были уже готовы, засучив рукава, приняться без промедления за строительство советской Америки. Монополистический капитализм не замедлил с ответом: искусно раздуваемый великий «красный страх» заползал в дома обывателей. Бюро расследований министерства юстиции, военная контрразведка, полиция, толпы «добровольцев» обрушились на инакомыслящих. Заподозренных в прогрессивных взглядах хватили повсюду, заточили в тюрьмы, депортировали, «В Америке, – говорил В. И. Ленин, – в этой стране, что раньше называлась самой свободной страной, – социалистами переполнены тюрьмы»¹⁶. Выступая с речью в ноябре 1918 года, В.И. Ленин подчеркивал: «Не забывайте, что в Америке мы имеем самую свободную республику, самую демократическую, но это нисколько не мешает тому, что империализм там действует так же зверски, что там не только линчуют интернационалистов, но что толпа вытаскивает их на улицу, раздевает донага, обливает смолой и зажигает»¹⁷. Эти преступления были не выходками отдельных озверевших громил, а государственной политикой правительства США, стремившегося в корне уничтожить «большевистскую заразу». Они вошли в американскую историю как «пальмеровские облавы» – по имени тогдашнего министра юстиции США М. Пальмера.

Хорошим тоном в буржуазной Америке были признаны бешеные нападки на коммунизм. ФДР был отменно воспитан и всегда считался со взглядами своего круга. Он не шел, да и не хотел идти наперекор течению, однако его не захлестнула волна истерии. Рузвельт полагал, что борьбу с левыми идеями не следует вести методами кавалерийской атаки, а ответом на них должно служить укрепление государства сверху донизу в рамках американского образа правления.

Выступая перед членами реакционнейшей организации «Рыцари Колумба» в августе 1919 года, ФДР сказал: «Ныне во всем мире существует беспокойство, в других странах куда больше, чем в нашей. В этом беспокойстве есть элемент стремления получить что-то за ничто». Что делать? ФДР указал, что необходимо приучать людей делать сбережения или приобретать акции, тогда все беды капитализма исчезнут сами по себе. Или, говоря его словами, «если бы каждая семья имела хотя бы стодолларовую облигацию США или акцию на эту сумму в любой законной корпорации, тогда разговоры о большевизме тотчас же прекратились и мы походя более демократически решили бы все наши проблемы». Оратор, однако, не объяснил, на что американец приобретет указанные облигации или акции.

Методы борьбы с радикализмом, широко применявшиеся тогда в США, не пришлось по сердцу ФДР. В декабре 1919 года, в то время, когда легислатура штата Нью-Йорк незаконно исключила из состава депутатов пять социалистов, директор государственного судостроительного завода в Бостоне обратился к Рузвельту с просьбой санкционировать увольнение четырех механиков «по соображениям безопасности». Заместитель морского министра, ознакомившись с делом, ответил в отношении трех из них: «Ни вы, ни я не можем выгнать человека с работы только за то, что он является социалистом. Случилось так, что социалистическая партия находится в официальном списке партий, допущенных к выборам почти во всех штатах». Что касается четвертого, то «утверждают, что он распространял революционную литературу на заводе, в которой пропагандировалась советская форма правления, что, по моему мнению, является ударом по нашей системе правления. Это совсем другое дело»¹⁸. Механик был выброшен за ворота завода.

Дабы навести порядок, ФДР неустанно требовал коренных изменений в системе правления США.

Изумленному комитету конгресса ФДР сообщил: хотя правительство и является крупнейшим бизнесменом в стране, «конгресс ведет свои дела так, что, по критериям частного предпринимательства, он бы обанкротился в одну неделю... Эта система по сравнению с нынешними условиями в Америке устарела по крайней мере на сто лет». Он призывал немедленно реорганизовать и органы исполнительной власти, а именно иметь меньше чиновников, но платить им больше, чем с лихвой окупит себя. Из 10 тысяч служащих в системе морского министерства «2 тысячам следовало бы быть либо в госпитале, либо в могиле, а я законом вынужден использовать их», – сокрушался Рузвельт.

Неотъемлемой частью реорганизованных по рузвельтовскому рецепту Соединенных Штатов должна была стать всеобщая воинская повинность. «Она нужна нам, – восклицал ФДР, – против анархии и большевизма, против классовой ненависти, против снобизма; она создает дисциплину, хорошее товарищество, порядок и более широкий американизм». Используя свое положение заместителя морского министра, Рузвельт стремился, устраивая бесконечные парады, довести до сознания американцев обаяние военной службы. Это нанесло порядочный урон его политической репутации, но ФДР просто ничего не мог поделать с собой – ему милы были медь военных оркестров и колонны марширующих солдат, даже когда в апреле 1919 года у Белого дома он принимал парад, проходивший без привычного грохота сапог, – демонстрировал свою готовность женский вспомогательный батальон флота. «Я твердо стою на том, – говорил Рузвельт 26 февраля 1920 г., – что, если мы не наведем порядка в нашем собственном доме и американскими конституционными средствами не сделаем собственное правительство столь же эффективным, как наши частные компании... распространятся доктрины, с помощью которых стремятся добиться изменений неконституционными методами».

ФДР не только говорил, но и действовал в рамках своих prerogatives заместителя морского министра. В конце Первой мировой войны в США еще не было коммерческого радиовещания, флот контролировал 85 процентов всех имевшихся радиостанций. ФДР вместе с Дэниелсом попытался провести через конгресс закон о том, что все радиовещание должно находиться в руках государства. Это не удалось, станции были проданы частной компании. Безуспешными оказались усилия ФДР подчинить новый вид вооруженных сил – авиацию – флоту. В апреле 1919 года Рузвельт представил государственному департаменту пространственный план организации управления совместного планирования из представителей военного, морского министерств и госдепартамента для разработки национальной политики США. Орган, сходный по функциям с предлагавшимся Рузвельтом, был учрежден в США в 1947 году (Национальный совет безопасности). В 1919 году его письмо по ошибке заслали в отдел латиноамериканских стран госдепартамента и непрочитанным сдали в архив.

В 1917 году Дэниелс улучшил содержание заключенных в военно-морской тюрьме в Портсмуте. В 1919 году Рузвельт назначил комиссию для устранения аморальных явлений – гомосексуализма в центре военно-морских сил в Ньюпорте. Обе реформы, начатые с благими намерениями, вылились в грандиозный скандал: ФДР был прямо обвинен в конгрессе, что тюрьма больше не исправляет, нераскаявшиеся преступники идут служить на флот, а члены назначенной им комиссии в ходе работы предоставляют себя, в провокационных целях или нет, в распоряжение лиц с указанными аморальными склонностями, о чем знает заместитель морского министра.

По завершении всестороннего расследования сенатским подкомитетом, где в большинстве были республиканцы, 20 июля 1920 г. «Нью-Йорк таймс» вышла с аршинным заголовком: «Вина за скандал во флоте возложена на Ф. Рузвельта. Подробности не годятся для печати». Негодующий ФДР отверг возводимые на него поклепы. Он объявил монументальное творение подкомитета плодом межпартийной борьбы, а друзьям в совершенно необычном для него тоне сообщил: «Тем, кто позорит меня, полностью воздастся по заслугам за

грязные дела, когда после смерти они перейдут в другой мир». Большого он не мог сделать в американских политических джунглях.

Подоспели другие осложнения – конгресс перевоевывал выигранную войну. Морское министерство обвиняли во многих промахах. Внимание исследователей, впрочем, привлекало не прошлое, а будущее – наживался политический капитал для выборов. Как бы то ни было, Дэниелс пометил в своем дневнике: «ФДР больше не *persona grata* у Вильсона». Президент, однако, теперь не имел большого веса.

Политический триумф по возможности

I

В 1919–1920 годах демократическая партия находилась в разброде. Ее кумир – Вудро Вильсон, еще недавно национальный лидер не только по должности, но и в духовной жизни, – был низвергнут с пьедестала и разбит параличом. В спальне Белого дома доживал последние месяцы тяжело больной старик, общавшийся с внешним миром через жену и врача – адмирала Грейсона. На его совести были непростительные деяния, и хотя в них были повинны правители США в целом, тем не менее они связывались с именем В. Вильсона.

Выступая с широковещательными декларациями о том, что в войне США ищут укрепления демократии, Вильсон оказался соучастником удушения прогрессивных движений во всем мире. Он послал американских солдат в нашу страну воевать против советских людей, и народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин с полным основанием в то время писал в ноте на имя В. Вильсона: «Мы имели дело с президентом архангельского набега и сибирского вторжения»¹.

В самих Соединенных Штатах администрация Вильсона запятнала себя гнусными «пальмеровскими облавами». В первый день нового, 1920 года в США было схвачено полицией 6 тыс. человек. Подобного полицейского произвола страна еще не знала. Хотя стопроцентные патриоты кричали, что только так можно спастись от «большевизма», а М. Пальмер даже полагал, что сыскная работа обеспечит ему президентское кресло в Белом доме, американский народ с нарастающим отвращением относился к запятнавшей себя демократической партии.

Люди искали выхода, который, в соответствии с традициями двухпартийной системы, им с готовностью указала республиканская партия. Правящие круги США считали, что на Парижской мирной конференции державы Антанты обделили Соединенные Штаты, а Вильсон якобы по своей профессорской близорукости, ослепленный мечтой об «американском веке», способствовал этому.

В конце 1919 года сенат отверг ратификацию Версальского мирного договора. Вильсон объявил, что президентские выборы 1920 года явятся «торжественным референдумом» по поводу ратификации. Он по-прежнему настаивал на вступлении США в Лигу Наций. Республиканцы – против. Разгорелась словесная дуэль. ФДР, внимательно следивший за развитием событий, не тешил себя надеждами, что его партия преуспее. Тем не менее он был верен ей.

Выступая в 1919 году на банкете национального комитета демократической партии в Чикаго, он произнес, по существу, свою первую большую политическую речь. Рузвельт попытался внести в межпартийную борьбу дух, созвучный времени. Он не стал тратить время на экскурс в область международных дел, а объявил, что республиканцы – «любимчики крошечной группы предпринимателей» и пекутся только о том, чтобы «облегчить участь тех несчастных, кто получает в год свыше миллиона долларов». Между тем «в условиях нынешнего кризиса демократическая партия остается партией... либерализма, идеализма, здравого смысла, созидания, прогресса и всего остального».

Усилия ФДР не пропали даром, о нем заговорили как о восходящей звезде, но он не мог изменить крен избирательной платформы демократов в сторону внешней политики. ФДР попытался выправить дело, взяв кандидатом в президенты от демократической партии Г. Гувера, который публично выступил за то, чтобы не делать Версальский договор предметом

партийной борьбы, ратифицировав его с оговорками. К этому времени Гувер был широко известен в США как организатор американской помощи Европе. «Он просто чудо, и мне бы хотелось, чтобы его сделали президентом США. Лучшего президента не сыскать», – отзывался ФДР о Гувере. Гувер, однако, наотрез отказался.

Теперь Рузвельт очень мрачно смотрел на исход выборов и в начале 1920 года не собирався принимать сколько-нибудь заметного участия в них. Он писал одному из своих обожателей: «Откровенно говоря, грядущей осенью я не хочу превращаться в раннего христианского мученика в год, который несет успех республиканской партии». Решение оказалось преждевременным.

В конце июня 1920 года конвент демократической партии собрался в Сан-Франциско. В числе делегатов был Рузвельт. С первого же дня он оказался в центре внимания. Во время хорошо подготовленной стихийной демонстрации в зале в честь Вильсона делегация штата Нью-Йорк осталась на месте. Демонстранты, заполнившие проходы, стыдили ньюйоркцев, но, послушные воле Таммани, те оставались на местах.

ФДР бросился к судье Дж. Махони, державшему знамя штата, и схватился за древко. Судья крепко держал знамя, но где пожилому толстяку было совладать с мускулистым ФДР. В начавшейся потасовке обоим бойцам подоспело подкрепление; судья и заместитель морского министра обменялись крепкими тумаками. ФДР, изрядно помятый, выбрался с трофеем и торжественно понес знамя штата. С тех пор историческая реликвия с надлежащей надписью красуется в кабинете дома в Гайд-парке. Эпизод этот не повредил отношениям с Ч. Мэрфи, ФДР на конвенте сидел рядом с ним, ведя дружеские беседы.

Только на 44-м туре голосования был избран кандидат в президенты – губернатор штата Огайо Дж Кокс. Делегаты устали, и им, собственно, было безразлично, кто будет предложен на пост вице-президента. Коксу назвали несколько фамилий, среди них Ф. Рузвельта. Хотя Кокс лично не знал ФДР, он остановил выбор на нем, исходя главным образом из того, что кандидат был из штата Нью-Йорк. Перед тем как представить кандидатуру конвенту, Кокс все же посоветовался с Ч. Мэрфи. Последний отлично понимал, что шансы на успех демократов невелики, и заявил посланцу Кокса: «Я не люблю Рузвельта. Его не слишком хорошо знают в стране, однако в первый раз кандидат в президенты от демократической партии оказался вежливым в отношении меня. Поэтому я готов поддержать и дьявола, если этого хочет Кокс. Скажите Коксу, что мы проведем Рузвельта при первом же голосовании»².

Перед закрытием конвента ФДР был утвержден кандидатом в вице-президенты. Он был выдвинут в значительной степени случайно и, возвратившись в Гайд-парк, сказал правду: «Я лично не имел никакого представления о том, что буду выдвинут, за тридцать секунд до этого».

Оставалось завершить дела в морском министерстве. Это отняло около месяца, а затем короткий отдых в Кампобелло. ФДР отправился туда из Бостона на эсминце «Хатфилд» и сам провел его через опасные воды. ФДР гордился рекордно коротким рейсом, запамätовав, что предвыборная кампания уже началась. Херстовская газета «Нью-Йорк джорнэл» оповестила, что кандидат в вице-президенты использовал военный корабль как собственную яхту и, чтобы доставить 165 фунтов своего живого веса в Кампобелло, сжег столько угля, сколько нужно для отопления домов 50 семей в течение целой зимы. ФДР не мог не вспомнить в этой связи Дэниелса: старик неоднократно порицал его за использование служебного положения. Члены семьи Рузвельта привыкли быть бесплатными пассажирами на военных кораблях.

8 начале августа 1920 года перед входом в морское министерство собралось свыше 2 тыс. служащих. Они были свидетелями трогательного прощания ФДР с Дэниелсом. Работники министерства преподнесли уходившему в отставку Рузвельту памятную серебряную чашу. ФДР сердечно поблагодарил Дэниелса за то, что тот «мудро учил его ходить по земле, в то время как он стремился взлететь к небесам».

9 августа речью со ступенек дома в Гайд-парке перед толпой соседей ФДР открыл свою избирательную кампанию. Он требовал, чтобы Соединенные Штаты не отгораживались стеной от остального мира, в области политики внутренней – «золотое правило для государственного служащего – работать с той же или даже большей заинтересованностью и эффективностью, чем он занимается своими личными делами. Нет никаких оснований для того, чтобы эффективность федерального правительства по крайней мере не соответствовала эффективности хорошо организованной частной корпорации».

Основным лозунгом республиканской партии на выборах 1920 года, выдвинувшей кандидатом в президенты сенатора от штата Огайо У. Гардинга, был призыв вернуться к «нормальным временам». На это ФДР сказал: «Некоторые люди теперь говорят: «Мы устали от прогресса, мы хотим вернуться назад, заниматься только собственными делами, восстановить нормальные времена». Они ошибаются. Америка не хочет этого. Мы не можем вернуться назад». После речи – в дорогу, в трехмесячную поездку по Соединенным Штатам.

Он дважды пересек страну от океана до океана, иногда выступая больше десяти раз в день. Всего – около тысячи речей. ФДР лично познакомился со всеми руководителями демократической партии на местах. Поездка проходила с большим комфортом: Ф. Рузвельт путешествовал в основном в салон-вагоне. С ним неотлучно были С. Эрли и М. Макинтайр, профессиональные журналисты, помогавшие в подготовке речей, Л. Хоу остался в Вашингтоне – ему пришлось задержаться в морском министерстве. Хотя Франклин много и энергично выступал, Макинтайр считал, что кандидат в вице-президенты относился к делу не слишком серьезно, скорее как спортсмен, а не как политик. ФДР иногда отдавал предпочтение партии в покер очередному выступлению.

Одним из основных аргументов республиканцев против вступления США в Лигу Наций было то, что Соединенные Штаты, выступая в одиночестве, будут просто «заголованы» в ней. Англия вместе со своими доминионами имела шесть мандатов в Лиге против одного американского. Рузвельт взял быка за рога. В речи 18 августа он заявил: «США имеют значительно больше, чем шесть английских голосов, которые будут с нами в любом споре. Можно ли, например, вообразить, чтобы Куба, Гаити, Сан-Доминго, Панама, Никарагуа и другие государства Центральной Америки голосовали по-другому, чем Соединенные Штаты?» Он оторвался от подготовленного текста и заверил потрясенных слушателей: «Вы знаете, что мне пришлось иметь дело с руководством двух маленьких республик Дело в том, что я сам написал конституцию для Гаити, и если я признаюсь в этом, то, на мой взгляд, она прекрасная конституция».

Гардинг немедленно использовал промах ФДР. Он заявил, что после избрания президентом он не будет «уполномочивать заместителя морского министра составлять конституцию для беспомощных соседей в Вест-Индии и пропихивать ее в их глотку острием штыков американской морской пехоты».

Запахло скандалом. ФДР не осознал еще ущерба, нанесенного не только своей партии, но и Соединенным Штатам.

23 августа в Сан-Франциско он повторил: «Ну и что, я правил Гаити или Сан-Доминго все прошлые семь лет». Поразительные признания совпали с кампанией либерального журнала «Нэйшн», который вот уже несколько месяцев публиковал статьи, разоблачавшие бесчинства, в том числе бессмысленные убийства мирных жителей американской солдатней на Гаити. Дэниелс попытался помочь Рузвельту, поручив провести расследование основательности обвинений «Нэйшн». Генерал морской пехоты, занявшийся расследованием, подтвердил правоту журнала. Рузвельт был вынужден выступить с опровержением, заявив, что его речь о Гаити была не так понята. На том он и стоял в дальнейшем³.

Чем дальше Рузвельт отъезжал от Новой Англии, тем больше в выборе тем для выступлений он полагался на местных политиков. Это завело его далеко. Примерно за год до того,

как салон-вагон Рузвельта вкатился на вокзал города Сентрейлия, штат Вашингтон, он был потрясен кровавым преступлением. Громилы из «американского легиона» напали на клуб профсоюза рабочих лесной промышленности. В стычке были убитые с обеих сторон; бывший фронтовик У. Эверест был схвачен полицией и посажен в тюрьму.

Ночью толпа линчевателей вытащила Эвереста из тюрьмы, кастрировала его и повесила на мосту. Еще живой Эверест пытался схватиться за край моста, ему каблуками раздробили пальцы, а затем он был освещен прожекторами и расстрелян. Суд, естественно, нашел виновными в кровопролитии профсоюзных руководителей в Сентрейлии. Они были осуждены на различные сроки тюремного заключения – от 25 до 40 лет каждый. Бесчинства легионеров в маленьком городке вызвали гневную реакцию. Ряд профсоюзов, включая крупнейший объединенный профсоюз горняков, в знак протеста исключили легионеров из своих рядов.

В конце августа 1920 года, выступая в Сентрейлии, ФДР указал, что рассматривает приезд в этот город как «паломничество к могилам героев-мучеников «американского легиона», отдавших свои жизни за святое дело американизма». С большим пафосом ФДР заявил: «Их жертва приковала внимание нации к ужасающей внутренней угрозе американским институтам. Их смерть не напрасна, ибо она подняла патриотов великой нации на борьбу за то, чтобы очистить страну от чужеземных анархистов, преступных синдикалистов и тому подобных антиамериканцев. Здесь, в присутствии покойных, почитаемых вами, я клянусь перед нацией, что мы преисполнены решимости продолжить эту патриотическую работу, чтобы от края до края наша земля горела под ногами тех, кто пытается силой уничтожить конституцию и американские институты».

Как бы не реагировали местные убийцы, сентенции ФДР вызывали, мягко говоря, недоумение.

Вновь и вновь на протяжении своего турне ФДР обращался к Лиге Наций. Он объяснял, просвещал и прямо требовал голосовать за демократов, дабы США могли вступить в Лигу. Лига, говорил ФДР, необходима для того, чтобы обеспечить Соединенным Штатам руководство миром. Без США Лига может превратиться в «священный союз», направленный против Соединенных Штатов. С США она будет служить «бастионом против распространения революционных идей из России», она даст возможность избежать «красного флага». Пытаясь довести до сознания обывателей значение создания Лиги Наций, ФДР сравнивал ее с пожарной командой. «Но команде нужен начальник, и США будут им».

Усилия Ф. Рузвельта в кампании 1920 года пропали даром для партии. Избиратели охотно приветствовали его лично, он определенно нравился, особенно женщинам, впервые в истории США получившим право голоса и принявшим участие в выборах. Но 6 ноября 1920 г. Гардинг получил 16 152 220 голосов против 9 147 533, отданных Коксу.

ФДР не впал в отчаяние, сообщив С. Эрли: «Благодарение богу, мы еще сравнительно молоды!» Одному из своих друзей, Л. Велу, Ф. Рузвельт писал после выборов: «Я боюсь лишь одного: старая реакционная клика так поведет дело, что многие либералы станут радикалами и это громадное большинство приведет к крайнему смятению в стране. Мы можем лишь надеяться, что этого не случится»⁴. ФДР оказался более проницательным, чем толпы республиканских лидеров, заполнивших Вашингтон. Другому своему стороннику, Т. Лингу, ФДР загадочно заметил: «Том, нашим годом будет 1932 год». Вероятнее всего, то были слова утешения в дополнение к золотым запискам со своими инициалами, которые ФДР преподнес каждому из ближайших соратников в память о минувшей избирательной кампании. Больше он ничем не мог вознаградить их. ФДР стал частным лицом.

II

Отечество из рук Дэниелса вознаградило Рузвельта серебряной чашей. Благодарность Уолл-стрит была более ощутимой: коллега по яхт-клубу бостонский миллионер Ван-Лир Блэк предложил ФДР занять место вице-президента и директора нью-йоркского отделения «Фиделити энд депозит компани оф Мэриленд», Бродвей, 120. Эта третья по величине в США финансовая корпорация занималась обеспечением поручительств при выпуске акций: она проверяла платежеспособность клиентов, их надежность и т. д. Последующие восемь лет, вплоть до избрания губернатором штата Нью-Йорк, Рузвельт занимал этот пост с окладом 25 тыс. долл. в год, что ровно в пять раз превышало его содержание в бытность заместителем морского министра.

Одновременно вместе с Т. Эмметом и Л. Марвином ФДР учредил юридическую фирму, разместившуюся в доме № 52 по Уолл-стрит. «Я рад вновь вернуться к настоящей работе, – пишет он Ф. Франкфуртеру. – Оба вида деятельности, по-видимому, прекрасно дополняют друг друга». Уже в конце ноября 1920 года служащие морского министерства изумленно поднимали брови, встретив в коридоре Рузвельта. Он явился в министерство по делам нефтяной компании «Ингланд ойл корпорейшн». Всего за год перед этим заместитель морского министра Франклин Д. Рузвельт добился подписания крупных контрактов на поставку нефти флоту этой компанией, обещавшей более низкие цены. В действительности нефть стала продаваться флоту даже дороже, чем другими поставщиками. Дэниелс послал Франклина объясниться с новым заместителем морского министра Вудбери, который куда как нелюбезно обошелся со своим предшественником. В министерстве знали, что, домогаясь контракта для «Ингланд ойл корпорейшн», ФДР хлопотал за своих друзей, да и сам, хотя точные данные на этот счет отсутствуют, был материально заинтересован в ее преуспевании. Беседа с Вудбери не удовлетворила ФДР. Он коротко выругался после нее в адрес преемника: «Мошенник и тупица!»

7 января 1921 г. Ф.Рузвельта удостоили высшей чести на Уолл-стрит. Был дан ответственный банкет, отмечавший вступление «молодого капиталиста», как теперь именовал себя ФДР, в круг избранных финансовых тузов. Основную речь держал президент федеральной резервной системы У. Гардинг. На обеде были издатель «Нью-Йорк таймс» А. Огс, один из руководителей «Юнайтед Стейтс стил» Э. Стеттиниус, президент «Дженерал электрик» О. Юнг, В. Виллард из «Пенсилвания рейлроуд» и прочие некоронованные короли Америки.

В новом качестве Ф. Рузвельт укрепил свое положение в различных организациях и получил приглашение занять новые посты. Он был членом наблюдательного совета Гарвардского университета, президентом морского клуба, председателем клуба бойскаутов Большого Нью-Йорка, находился среди основателей Фонда Вудро Вильсона, вошел в комитет помощи странам Ближнего Востока, был избран членом совета Американского географического общества и т. д.

Не была забыта и политика – он уже давно утратил славу «бунтаря» в партийной организации демократов в штате Нью-Йорк. Теперь он проповедовал: в единстве – сила, разумеется, под руководством Ч. Мэрфи. Ф. Рузвельт определенно готовился выставить на выборах 1922 года свою кандидатуру в сенат от штата Нью-Йорк.

III

В начале августа 1921 года Блэк предложил Рузвельтам отвезти их на своей яхте в Кампобелло. В густом тумане Франклин мастерски привел яхту к цели, но был крайне истощен трудным плаванием. На следующий день ловили рыбу с яхты.

Франклин потерял равновесие и упал в воду. Хотя он пробыл в воде несколько мгновений, страшный парализующий холод сковал тело. Его быстро вытащили, но он долго не мог прийти в себя, сотрясаясь от непроизвольной дрожи.

С утра 10 августа Франклин со старшими сыновьями катался по заливу в своей маленькой яхте «Вирео». Они заметили лесной пожар на одном из островков и сошли на берег, чтобы потушить его. Несколько часов в дыму, задыхаясь и кашляя, Франклин с сыновьями боролись с огнем. Наконец он был погашен. Пошатываясь от усталости, почерневшие от дыма, с ожогами и ссадинами, они стояли на пожарище. ФДР тут же заявил, что лучший способ восстановить силы – купание в холодной воде. Сказано – сделано, а затем в мокрых купальных костюмах – домой. Там ждала свежая почта. Франклин настолько устал, что не захотел переодеться, а уселся за газеты. Он чувствовал сильное недомогание и после раннего ужина отправился спать. На другой день состояние ухудшилось. Франклин с трудом встал, волоча левую ногу. Поднялась температура. Встревоженная Элеонора вызвала доктора, тот поставил диагноз – сильная простуда – и уложил в постель.

12 августа Франклин уже не мог встать. Болело все тело, к вечеру отказались служить ноги. Он был парализован по грудь и даже не мог взять в руку карандаш. Срочно приехал Хоу, он нашел Франклина в тяжелой депрессии. Едва сдерживая слезы, Луи сидел на кровати больного, массируя его ноги и спину, а Франклин механически повторял все одну и ту же фразу: «Я не знаю, что со мной случилось, Луи, просто не знаю». Элеонора и Хоу стали искать опытного врача, оказалось, что поблизости отдыхал знаменитый диагност д-р У. Кин из Филадельфии.

Почтенный седовласый врач осмотрел больного и нашел тромбоз сосудов нижней части туловища. Он порекомендовал усиленный массаж, а через два дня прислал счет за визит – 600 долларов! Массаж причинял Франклину невыносимые страдания и лишь ухудшил течение болезни. Много лет спустя ФДР признался своим близким, что в первые дни болезни он был на грани отчаяния: бог покинул его. Наконец он утешился мыслью о том, что провидение нанесло удар, но оставило его в живых для неизвестной цели. 25 августа другой врач поставил диагноз – детский паралич, полиомиелит.

Сара приехала из Европы и 1 сентября навестила сына. На другой день она писала брату: «Я немедленно прошла к мужественному, улыбающемуся, прекрасному сыну. Он сказал: «Я рад видеть тебя, мамочка, и подготовился к встрече». Он сам побрился и, кажется, полон интереса к жизни. Ниже пояса вообще не может двигаться. Его ноги нужно все время передвигать, так как они болят, если находятся долго в одном положении. Он и Элеонора решили сохранять бодрость, в доме царит атмосфера довольства, я последовала их достойному примеру...»

Луи Хоу в первую очередь думал о том, как бы заболевание ФДР не отразилось на его политической карьере. Франклин разделял тревогу Хоу и даже в самые тяжелые недели болезни продолжал политическую переписку, как будто ничего не произошло. Но больного нужно было перевезти в Нью-Йорк. Хоу сумел так погрузить носилки с Франклином в поезд через окно, что толпа, собравшаяся проводить ФДР, смогла найти его, когда он уже удобно устроился у окна. Зеваки собственными глазами убедились, что больной вовсе не плох. В Нью-Йорке ФДР поместили в больницу, а Хоу передал в печать сообщение, что легкий пара-

лич лишил подвижности ноги Франклина до колен. Между тем как раз в это время врачи серьезно опасались, что ФДР никогда не сможет даже сидеть.

Упрямец Хоу делал это не потому, что хотел поддержать больного, читавшего газеты. Хоу ни за что не хотел расстаться со своей мечтой – видеть ФДР президентом США. Он отклонил предложение занять высокооплачиваемый пост в частной фирме и посвятил себя целиком заботе об инвалиде. «Будь я проклят, но Франклин будет президентом, с ногами или без ног», – твердил он.

Мать, потрясенная болезнью сына, предприняла решительную попытку овладеть своим сокровищем. Беспомощность Франклина влила в энергичную женщину новые силы. Сначала мягкими уговорами, а затем хитроумнейшими маневрами она пыталась вырвать Франклина из опостылевшего ей политического Нью-Йорка и запрятать в тихом Гайд-парке. Она знала, что сын любит родной дом. Сара не уставала повторять, что уже сделала уступки: еще в 1915 году перестроила дом в Гайд-парке по желанию сына.

Тогда Франклин очень гордился тем, что сам был архитектором. Дом почти удвоился в размерах, к его южной части была пристроена библиотека, наполненная любимыми вещами Франклина. В числе реликвий стоял стол, за которым В. Вильсон составлял различные проекты Лиги Наций. Все, что собрал и чем дорожил Франклин – книги, старые рукописи, касавшиеся флота, картины маринистов и коллекция марок, – находилось в Гайд-парке. Сара постоянно напоминала об этом. Наконец, она пыталась уверить Франклина, что пора кончать с «демократизмом» – водиться с политиками без роду и племени, а нужно вернуться в круг, где достойно прожил и спокойно закончил жизнь незабвенный отец.

Бороться с Сарой было трудно, и едва ли Хоу один справился бы с ней, если бы не Элеонора. Они противопоставили Саре единый фронт, считая, что с уходом от дел Франклин уйдет из жизни. Хоу и Элеонора трепетно верили, что работа – лучшее лекарство против недуга. Усилия Сары выжить Хоу из дома ФДР успеха не имели. А она сделала все, даже убедила 15-летнюю Анну, что несправедливо ей, девушке, занимать небольшую комнату на четвертом этаже, в то время как отвратительный Хоу обосновался в отличном помещении на третьем с ванной, которая ему вовсе ни к чему. Попытка Анны объяснить с матерью кончилась только слезами дочери. Несчастье с Франклином сблизило Хоу и Элеонору. Теперь и она разглядела его драгоценные качества, в первую очередь беспредельную преданность Ф. Рузвельту.

Хотя Хоу и были присущи лучшие человеческие качества, он все же рассматривал семью Рузвельтов под углом зрения своей основной цели – сделать ФДР президентом. Если временно возможности Франклина как политика ограничены, тогда почему не попробовать на этом поприще Элеонору, чтобы имя Рузвельтов никогда не исчезало с политического горизонта, размышлял Хоу. Ион взялся делать политика из Элеоноры. Под руководством Хоу с ней произошла удивительная метаморфоза, хотя ученичество под его порой деспотической рукой было вовсе не легким.

Еще в 1917 году она впервые вышла за рамки семейных дел, занявшись организацией столовых для солдат. Зимой 1920/21 года Элеонора начала изучать стенографию, училась печатать на машинке и водить автомобиль, а также компенсировала недостатки прошлого воспитания – она стала готовить. Хоу приучал ее появляться на людях, в президиумах различных собраний организаций демократической партии штата Нью-Йорк и, наконец, публично выступать. Хоу обычно садился за спиной Элеоноры. После первых выступлений Хоу говорил ей в своей дружески грубоватой манере: «Вы были ужасны. Ведь не было ничего смешного, тогда почему вы хихикали? Говорите ровнее, и, ради бога, прекратите глупое хихиканье!»

Элеонора поначалу плохо владела собой на трибуне, иной раз заливалась истерическим смехом перед аудиторией. К 1924 году, однако, ее обучение вчерне завершилось: она

заняла видное место в кругах женщин-избирательниц, поддерживавших демократическую партию. Стратегически маневр Хоу был блестящим: через Элеонору Франклин стал известен половине избирателей – женщинам; как подступиться к ним – политические будды Америки точно не знали, ведь женщины только-только получили право голоса.

В эти годы вокруг ФДР сложился кружок доверенных помощников, в котором верховодил, разумеется, Хоу. Элеонора постепенно становилась глазами и ушами ФДР, рассматривая это как служение делу, но никак не проявление супружеских чувств. С 1918 года супруги спали в разных комнатах. Она не могла простить. С. Эрли и М. Макинтайр, сопровождавшие Рузвельта в предвыборной кампании 1920 года, были по-прежнему привязаны к нему. Хоу, чтобы подбодрить больного, организовал «Клуб золотых запонок» в память о подарке, преподнесенном ФДР своим сотрудникам в 1920 году. Они ежегодно собирались в Доме Рузвельтов в день его рождения. И совершенно незаменимой оказалась Мисси, Марджери Лихэнд, привлекательная женщина, ставшая личным секретарем Ф. Рузвельта. Она была на двадцать лет моложе ФДР.

IV

Франклин очень скоро осознал, что его поразили тяжкий недуг, справиться с ним можно, только мобилизовав всю волю. Доктор Р. Макинтайр, впоследствии врач в Белом доме, говорил: «Никто никогда не видел, чтобы он распускался». В феврале 1922 года ФДР наложили на ноги от бедра до ступни стальные ортопедические приборы весом примерно по два с половиной килограмма каждый. С ними, опираясь на костыли, он пытался заново научиться ходить. Жалкое, душераздирающее зрелище: он мог стоять только с посторонней помощью.

Во дворе около дома были сделаны поручни, и Франклин часами тренировался. Опираясь на руки и волоча ноги, он кое-как передвигался. Нетерпение сжигало его, усиленные упражнения грозили причинить больным ногам больше вреда, чем пользы. Правда, бесконечные физические тренировки необычайно развили грудь и руки. ФДР стал выглядеть выше пояса настоящим атлетом.

Врачи настоятельно рекомендовали для восстановления подвижности плавание. И он многие часы проводил в воде, повторяя: «Вода вовлекла меня в это дело, вода выведет меня из него». В Гайд-парке был сооружен бассейн. ФДР каждодневно обследовал ноги, пытаясь найти в них хоть искру жизни. Теперь он превосходно изучил анатомию, мог часами объяснять роль каждого мускула и испытывал громадную радость, когда, как ему казалось, он ощущал легкую дрожь в кончиках пальцев. Хотя он теперь не мог играть в гольф, своим друзьям каждый год ФДР обещал и, наверное, верил, что «на следующий год» обыграет их. О некогда любимом Кампобелло ФДР больше не упоминал и побывал там вновь лишь в середине 30-х годов.

При каждом удобном случае он пытался показать, что справился с болезнью. Но то, что наполняло законной гордостью сердце больного, а ФДР был таковым, вызывало уважение, смешанное с очевидным ужасом, здоровых людей. Жена одного из знакомых Рузвельтов оставила правдивое описание успехов ФДР в борьбе с болезнью: «По два-три часа он передвигался, опираясь на поручни, установленные во дворе. Он налегал на поручень, рука на руку, говорил, смеялся, волоча за собой ноги... Как-то вечером Франклин и Элеонора навестили нас. Двое мужчин внесли его в кресло и подвинули к столу. Он попросил их не возвращаться раньше 9.30. Мы решили, что он проведет вечер, сидя в столовой. Когда обед окончился, Франклин отодвинулся с креслом и сказал: «Смотрите, как я переберусь в другую комнату». Он опустился на пол и на четвереньках стал передвигаться, опираясь на руки и колени. Он сам забрался в другое кресло».

Целебным свойствам солнца ФДР верил больше, чем бесконечным патентованным средствам, которыми пичкали его врачи и которые рекомендовали доброжелатели. В 1923 году из Англии ФДР прислали еще один «чудодейственный эликсир». Франклин нашел, что с него достаточно. Он пишет одному из своих врачей: «Быть может, эликсир сделан из гланд обезьяны или высушенных глаз вымершего трехпалого носорога. Вы, доктора, несомненно, имеете воображение! Но почему вы еще не догадались дистиллировать останки фараона Тутанхамона? Такая сыворотка поможет некоторым нашим общим друзьям восстановить свои силы! А я еду во Флориду, и пусть мною займется природа, старая мать-природа!» Сначала на своей яхте, а затем на большой яхте «Ларуко», купленной на паях с Дж Лоуренсом, также страдавшим болезнью ног, ФДР предпринимает длительные летние путешествия по Мексиканскому заливу.

Три года подряд, с 1924 по 1926, «Ларуко» летом бороздила теплые воды у берегов Флориды. На борту яхты был установлен морской ритуал, «адмирал» Ф. Рузвельт вел судово-вой журнал и т. д. Он обычно избегал курортов, особенно Майами, предпочитая приставать в безлюдных местах. На яхте неделями проводили время гости, среди них бывали и коло-

ритные фигуры. Президент АФТ У. Грин, «очаровательная пара», как назвал их ФДР, – сэр Освальд и леди Мосли из Англии. В те годы Мосли еще не был лидером британских фашистов. Франклин поддерживал веселье на борту, но ему стоило громадных трудов казаться беспечным и счастливым. По словам Мисси, бывали дни, когда Франклин только к полудню, преодолев приступ депрессии, выползал на палубу с широкой вынужденной улыбкой.

Толпа гостей на борту яхты – вежливая тогда уловка друзей, а позднее биографов ФДР. По большей части они были на борту вдвоем – Франклин и Мисси. В 1925–1928 годах ФДР из 208 недель 116 не жил дома. Из последних – 4 недели он был с Элеонорой, 2 – с матерью, а 110 – в обществе Мисси. В них входит плавание на яхте. Более двух лет, тяжелых, когда он размышлял, как быть, мучительно старался стать на ноги. Она была больше чем только любовница – добрый друг⁵.

«Ларуко» требовала денег, и ФДР понял, что содержать яхту ему не по средствам. Продать ее не удавалось. Проблему разрешил свирепый ураган в сентябре 1926 года – яхта была сорвана с якоря и обрела вечную стоянку в сосновом лесу в нескольких милях от берега.

Сочетание воды, солнца и Мисси принесло пользу. Уже летом 1924 года Франклин мог стоять без посторонней помощи по плечи в воде. Осенью 1924 года Дж Пибоди обратил его внимание на заброшенный курорт – Уорм-Спрингс (Горячие Ключи) на юге США, в штате Джорджия, принадлежавший семье Пибоди. Там, на склоне холма поблизости от Сосновой Горы, били горячие минеральные источники, наполнявшие небольшой бассейн. Франклин приехал в Уорм-Спрингс. Местечко оказалось запущенным: полуразвалившаяся гостиница, несколько домишек. Ни одного медика в округе. Вода действительно оказалась чудесной. Насыщенная минеральными солями, она легко поддерживала тело, придавала необычайную бодрость. Уже через месяц лечения по собственной системе – многочасовые купания и солнечные ванны – ФДР заметно поправился, впервые с августа 1921 года он почувствовал ступни ног.

Досужие газетчики, прослышав об исцелении, роем слетелись в Уорм-Спрингс и опубликовали подробные статьи, в которых со значительными преувеличениями рассказывалось, как Рузвельт «выплаывает себе здоровье» в теплом бассейне. Ранней весной 1925 года ФДР вновь приехал в Уорм-Спрингс. Безлюдного местечка как не бывало – десятки парализованных людей, мужчин и женщин, заполняли естественный бассейн. ФДР, по существу первый исследователь целебных вод, принял живейшее участие в их устройстве и лечении. Он охотно показывал больным упражнения в воде, разработанные им самим, и больные послушно следовали его указаниям. Уорм-Спрингс ожил. В 1926 году по инициативе ФДР группа врачей-специалистов тщательно изучила пригодность Уорм-Спрингса как курорта для больных, перенесших полиомиелит, и вынесла положительное заключение.

В Уорм-Спрингсе закипела работа. ФДР не только взял на себя функции «главного врача», под его руководством местечко быстро преображалось. «Я даю бесплатные советы, – писал он, – архитектору и инженеру-планировщику по поводу переноса строений, сооружения дорог, посадки деревьев и модернизации отеля. Мы (т. е. компания плюс ФДР. – Н. Я.) разрабатываем новую систему водоснабжения, планы посадок, устройство пруда для рыбной ловли, а завтра проводим организационное собрание клуба Сосновой Горы, который объединит танцевальный зал, зал для чаепития, местечки для пикников и гольфа и различных видов спорта как в помещении, так и на свежем воздухе».

ФДР переполнял энтузиазм по поводу возможностей Уорм-Спрингса, и он начал переговоры о приобретении источников с прилегавшим участком земли. Требовалось около 200 тыс. долл. Хотя в 1927 году ФДР унаследовал от двоюродного брата 100 тыс. долл., покупка требовала большей части его личного состояния. В первый и единственный раз в жизни Элеонора заговорила с Франклином о деньгах. Она боялась, что на этой покупке он может потерять все и они не сумеют дать сыновьям образование. Франклин заверил жену,

что Уорм-Спрингс – перспективное дело, а если их и постигнет банкротство, «то мамочка наверняка позаботится о детях». 1 февраля 1927 г. Уорм-Спрингс перешел в руки «Джорджия Уорм-Спрингс фаундейшн», организованной ФДР. Был подобран медицинский персонал курорта, устроена лечебница, и уже до конца года там прошли курс 150 больных.

Уорм-Спрингс стал вторым домом Ф. Рузвельта. Он прикупил ферму в районе Сосновой Горы, имевшую около 600 гектаров. Там ФДР занялся разведением скота и любимым делом – лесопосадками. В 1932 году был закончен новый дом семьи Рузвельтов, потом получивший название «маленького Белого дома». ФДР горячо полюбил Уорм-Спрингс и в последующие годы провел в нем много времени. Он находил здесь отдых и обретал душевное равновесие, однако его заветная мечта – научиться вновь ходить – так и не осуществилась. Лечебные свойства источников оказались не безграничными.

Болезнь произвела глубокие изменения в психическом складе Ф. Рузвельта. Нельзя сказать, чтобы он стал другим человеком, но как сильно развившиеся руки в какой-то степени компенсировали немощ ног, так и физическая неподвижность дала могучий толчок интеллекту. Один из ранних биографов ФДР, Э. Линдли, по-видимому, схватил суть проблемы. Еще в 1931 году Э. Линдли писал: «Он вскоре обнаружил, что неспособность передвигаться таит в себе и выгоды, которые со временем стали необычайно ценными. Он раньше всегда беспокойно работал – часто вскакивал с места, метался туда и сюда просто из-за избытка физической энергии. Он всегда любил энергичные физические движения и, наделенный необыкновенными жизненными силами, редко уставал. Теперь, когда он был прикован к месту, вся энергия по необходимости сосредоточилась на работе, которой он занимался. Частично освобожденный от суеты, он полностью избавился от многих мелких раздражителей и нервного напряжения, что больше всего изматывает в городской жизни. Он имел отличный предлог не делать того, чего ему не хотелось, и в то же время не мог прибегнуть к обычной человеческой уловке – бежать от трудной проблемы. Приходили к нему, он не тратил сил на посещение различных совещаний»⁶.

В эти годы ФДР много читал, особенно книги по истории Америки. Элеонора взяла на себя труд подбирать необходимую литературу. Результаты оказались поразительными. Если книга по-настоящему заинтересовывала мужа, она отыскивала автора и приглашала домой. Беседы с авторами проясняли их идеи, и, по-видимому, ФДР черпал у них многое. По поводу этого сложилась легенда – ФДР-де много размышлял и в эти годы стал чуть ли не политическим философом. Большое упрощение. Прав американский историк Р. Хофштадтер, высмеявший миф о ФДР-философе, страдавшем униженным и оскорбленным. Хофштадтер заключил: «Для любого с происхождением и характером Рузвельта обращение к серьезным занятиям социальными науками или неортодоксальным взглядам было бы невероятно... Он мыслил эмпирически, жил эмоциями и был прагматиком». Это подтверждало неудачное знакомство ФДР с богиней истории Клио.

В середине 20-х годов он решил написать обширный трактат – историю Соединенных Штатов. Франклин находил, что все прочитанные им исторические сочинения страдали главным недостатком – в них не было центральной идеи, не освещалась эволюция американской нации, которая двигалась в определенном, пока неясном для него направлении.

ФДР начал писать. Времени ушло масса. Он не продвинулся дальше первых исследователей Американского континента. К своему разочарованию, он обнаружил, что совершенно не имеет писательского дара, и разумно остановился на четырнадцатой странице. Сохранившийся отрывок, испещренный бесчисленными исправлениями, – доказательство большой работоспособности и прискорбное свидетельство неспособности к связному рассказу.

V

Хотя ФДР стал инвалидом, Ван-Лир Блэк и не помышлял о том, чтобы он ушел с поста директора нью-йоркского отделения «Фиделити энд депозит компани оф Мэриленд». В первые месяцы болезни Рузвельт, естественно, вообще не работал, затем постепенно стал уделять все большее и большее внимание своим прямым обязанностям, дававшим ему 25 тыс. долл. в год. Сначала он регулярно появлялся в конторе фирмы два раза в неделю, затем три и, наконец, четыре. Существуют значительные разногласия в оценке степени пользы ФДР для фирмы и в том, оправдал ли он доверие Блэка, но несомненно одно – Рузвельт успешно использовал свои многочисленные знакомства для расширения ее клиентуры.

Он сумел привлечь в число клиентов компании У. Мак-Аду. «Фиделити энд депозит» в результате усилий ФДР и Л. Хоу стала держателем значительной части ценных бумаг штата Нью-Йорк. Используя свое давнее знакомство с лидерами АФТ, Рузвельт добился для своей компании ведения части дел этой организации. ФДР проявил поразительную гибкость. Ему удалось сделать клиентом компании Э. Догени – магната нефтяной промышленности. В деловой переписке Ф. Рузвельт отзывался о нем «как о хорошем друге». Вскоре после этого лестного отзыва Догени получил редкую «национальную известность» как изобличенный в даче взятки министру внутренних дел, участник многих афер при администрации Гардинга.

В 1928 году ФДР не без гордости сообщал, что за предшествующие пять лет годовой оборот нью-йоркского отделения увеличился с двух до четырех миллионов долларов. Трудно сказать, было ли это следствием общей спекулятивной конъюнктуры или личных успехов ФДР. Не были забыты и некоторые специальные интересы: сыновья руководителей Таммани получили выгодные должности в компании.

С 1920 года ФДР сотрудничал в юридической фирме с Т. Эмметом и Л. Марвином. Работа в ней – оформление всякого рода документов – не удовлетворяла Франклина. Он находил ее скучной, не дававшей простора для захватывающих дух операций и вообще «надоевшей до смерти», а Л. Марвин находил, что «большую часть времени Франклин отдавал политическим делам, написанию различных писем, связанных с ними. Я не помню, чтобы он активно занимался юриспруденцией». В 1924 году ФДР решил выйти из фирмы. Большинству знакомых и друзей он объяснил, что ему надоело возиться с бумагами. Он жаловался также, что не мог попасть в служебное помещение фирмы на Уолл-стрит, 52, куда вели крутые ступени, а ФДР не желал, чтобы кто-нибудь видел, как его вносят на руках. В письме к Блэку ФДР помимо указанных аргументов привел еще один: «Я не извлекаю ни одного цента от сотрудничества с ними».

В декабре 1924 года ФДР основал юридическую фирму, название которой «Ф. Рузвельт и О'Коннор» «начиналось с моего имени, а не кончалось им», как прежнее. Его контора разместилась в том же здании, что и «Фиделити энд депозит», Бродвей, 120. О'Коннор гарантировал ФДР доход не менее 10 тыс. долл. в год.

В 20-х годах Соединенные Штаты охватила лихорадка спекуляций. В погоне за наживой возникали, молниеносно вырастали и так же стремительно терпели банкротство самые разнообразные компании, акционерные общества и т. д., и т. п. Ловкачи набивали карманы, мелкие вкладчики-простаки разорялись. Хотя ФДР уже занимал два солидных поста, дававших ему 35 тыс. долл. в год, он с наследственной страстью дельца бросился в спекулятивные операции.

В связи с американскими займами Германии денежный рынок США наводнили германские ценные бумаги. Марку лихорадило, чудовищная инфляция, казалось, открыла безграничные возможности умелым дельцам для наживы. В это время возникла канадская корпорация «Юнайтед эуропиан инвесторс», скупившая акции 19 германских предприятий –

энергетики, взрывчатых веществ, машиностроительных заводов и т. д. Президентом ее с окладом 10 тыс. долл. в год стал Рузвельт. Корпорация действовала два года в период самой острой инфляции в Германии. Когда курс марки стабилизировался, ФДР продал свою долю – свыше тысячи акций – по 10 тыс. марок⁷.

В 1927 году Ф. Рузвельт вошел в состав правления «Интернэшнл германик траст компани», созданной для объединения американского и немецкого капиталов. Основная цель компании формулировалась так: «Обслуживать интересы лиц, поощряющих промышленное развитие Германии». Первое заседание правления состоялось в служебном кабинете ФДР. Далеко дело не пошло. Через полгода Ф. Рузвельт вовремя зышел из правления, честолубивое предприятие вскоре обанкротилось.

Рузвельт вступал в многочисленные финансовые объединения – «Компо Бонд корпорейшн», «Ассошиэтед банкерс корпорейшн», и промышленные компании – «Монтокал ойл компани», неудачно искавшую нефть, «Хадсон навигейшн корпорейшн» – эта компания поставила цель организовать транспортировку грузов от Нью-Йорка до Чикаго через систему каналов и Великие озера. Вместе с О. Юнгом и бывшим заместителем военного министра Б. Кроувеллом ФДР в 1923 году основал серьезное предприятие «Дженерал эр сервис». Они надеялись наладить сообщение на дирижаблях между Нью-Йорком и Чикаго. Результаты оказались самыми плачевными – дирижабли не выдержали конкуренцию самолетов. Обанкротилась блестящая, на первый взгляд, идея – продавать место для объявлений в такси, автобусах и трамваях. Рухнули планы создать сеть курортов в США, объединенных одной компанией. Хотя большая часть предприятий ФДР, не успев расцвести, терпела крах, некоторые из них приносили прибыль, не превышавшую несколько тысяч долларов в каждом случае, что, однако, не охлаждало его пыла дельца.

Лихое вторжение Франклина Д. Рузвельта в бизнес вызывало некоторую тревогу в респектабельных кругах финансистов. В конечном счете его главным вкладом было звонкое имя, которое использовали спекулянты, а их в США в те годы развелось великое множество. Эта тенденция ФДР подрывала самую базу ведения операций, основанных на доверии. Когда летом 1923 года ФДР связал себя с особенно сомнительным предприятием, генеральный секретарь Общества по распространению финансовой информации Ф. Андре писал Ф. Рузвельту: «Я заметил с большим огорчением, что Ваше имя используется при продаже новых выпусков акций, что хотя и преследует честные намерения, тем не менее является необычно рискованным с деловой точки зрения. Я не знаю, обращено ли Ваше внимание на то обстоятельство, что эти акции предлагаются публике по подписке как очень «надежные»... Чрезвычайно прискорбно, что Ваше славное и почитаемое имя стало использоваться для коммерческих сделок подобного рода». Рузвельт ответил: «Вы должны знать, как трудно для человека, занимавшегося той или иной общественной деятельностью, избежать, чтобы его имя не использовалось без его ведома в различных предприятиях, однако попытаюсь быть бдительным в этих делах»⁸. То были пустые обещания.

В Нью-Йорке богачи лакомились омарами, о чем знал Франклин по личному опыту. Он решил стать монополистом по поставке омаров. Расчет был, на первый взгляд, безупречен – монопольная компания ловит омаров, придерживает их на складе, а затем, когда цены подскочат, загребает барыши. Первая часть плана удалась, омары были изловлены и отправлены на склад. Труднее оказалось претворить в жизнь вторую часть блестящего плана. Недостаток омаров в меню не привел к повышению спроса на них и к соответствующему увеличению цен. Посетители фешенебельных ресторанов прекрасно обходились без блюд из омаров. Итог – 26 тыс. долл. чистого убытка для Рузвельта, самая большая потеря за все годы его занятия бизнесом. Он был изрядно наказан, а зловердный Хоу был не из тех, кто легко забывал. Отныне стоило ФДР заикнуться об участии в очередном сомнительном деле,

как Луи немедленно серьезно советовал поддержать благое начинание, инвестируя акции обанкротившейся компании по ловле и продаже омаров.

Омары изрядно подъели оборотный капитал ФДР, в другом предприятии он расточил толику своего политического капитала. В 1928 году Ф. Рузвельт с Г. Моргантау-старшим создали компанию магазинов-автоматов «Камко», а с Г. Моргантау-младшим – компанию «Фотоматон», установившую фотоавтоматы в магазинах, на железнодорожных станциях и в иных людных местах. Они искренне верили, что идут в ногу с технической революцией, что подтверждал неплохой доход от автоматов. С наступлением кризиса в 1929 году обе компании оказались на грани банкротства. И хотя Ф. Рузвельт с избранием губернатором штата Нью-Йорк ушел из директоров «Камко» и «Фотоматон», обвинение в том, что автоматы заменили людей и усугубили безработицу, не миновало его.

Больше того, президент Ф. Рузвельт в 1934 году обрушился «на эти несчастливые десять лет, характеризующиеся сумасшедшей гонкой за незаработанными сокровищами». Газета «Чикаго трибюн» злорадно осветила текущие дела «Камко»: «В свое время, чтобы привлечь неискушенных вкладчиков, компания обещала громадные прибыли. Ее акции котировались по 18 долл. Ныне можно купить пару ее акций за 25 центов, и компания просит о реорганизации за счет своих кредиторов... В 1928 году в числе ее директоров был Франклин Д. Рузвельт». Заслуженный упрек тому, кто не первый среди равных в деловом мире. Капитализм не терпит неудачников.

ФДР испытал все прелести равенства возможностей в стране «бога и моей», как именуют Соединенные Штаты те, кому там жить хорошо. О размерах извлеченного опыта судить невозможно. В январе 1925 года бизнесмен Ф. Рузвельт распродал с аукциона часть любимых картин художников-маринистов. Выручка – меньше 1 тыс. долл. «Я, – говорила Элеонора, – не имела никакого представления о его личном доходе». Франклин, в свою очередь, не знал ничего о денежных делах своей матери и не интересовался финансовыми возможностями жены, имевшей личное состояние. Придерживался этики дельцов и в семейных отношениях.

VI

Успешный делец или нет, ФДР оставался прежде всего политиком. И хотя в 1921–1928 годах он не добивался и не занимал какого-либо политического поста, имя Франклина Д. Рузвельта никогда не забывалось, напротив, с годами оно приобретало все больший вес и известность. Он охотно давал возможность использовать свое имя в различных кампаниях, местных и национальных, по самым разнообразным поводам – от председателя комитета по сбору средств для издания фотографий старинных домов в штате Нью-Йорк до председателя фонда «американского легиона». Все это сопровождалось тем, что в США называют «паблисити», – упоминанием о ФДР на первых страницах газет, публикацией его различных высказываний, даже самых банальных.

Так, Ф. Рузвельт, несмотря на болезнь, остался руководителем организации бойскаутов штата Нью-Йорк. Он призывал ветеранов войны идти работать со скаутами, требуя, чтобы организация штата насчитывала по крайней мере 100 тыс. членов. Пребывание в рядах скаутов, объяснял ФДР, учит быть лучшими гражданами и готовит к защите родины. Стопроцентные патриоты развили тезис дальше, предложив принимать в скауты только выходцев из «коренных» американских семей, на что ФДР возразил: «Тысячи и тысячи скаутов – американцы во втором поколении». Из них-то и нужно отштамповать стопроцентных американцев.

Президентство в американском строительном совете принесло ФДР два титула – «царя» и «диктатора» строительной промышленности. То было громадное преувеличение. Ф. Рузвельт, естественно, не мог оказывать сколько-нибудь значительного влияния на дела строительства, его функции сводились к даче советов, имевших больше политическое, чем деловое значение. Он был президентом совета с 1922 года и в последующие шесть лет пребывания на этом посту пытался выполнить одну задачу: ввести зачатки планирования в хаос строительного бума 20-х годов. Его усилия заручиться поддержкой правительства натолкнулись на ледяной прием министра торговли Г. Гувера.

Республиканская администрация свято блюла традицию «меньше правительства в бизнесе и больше бизнеса в правительстве». Кое-кто заговорил даже о «социалистических идеях» ФДР, грозящих поставить частную инициативу под контроль вашингтонских бюрократов. Это было слишком. Рузвельт объяснил, что он выступает за частную инициативу, но упорядоченную, что создаст равномерную занятость в строительной промышленности, а с ней связаны в той или иной степени 11 млн. человек, работающих по найму. Нельзя, говорил он, действовать по принципу «каждый заботится о себе, а дьявол позаботится об остальных». ФДР стремился доказать, что реальный труд – а не банковские и биржевые махинации – создал благополучие Соединенных Штатов.

Несколько заявлений: «Наша великая республика была буквально создана руками предков. Если бы пуритане, отцы-основатели, расселились на плимутском берегу и открыли бы конторы по купле-продаже недвижимой собственности, бюро по планированию застройки городов и иные теоретические учреждения, вместо того чтобы рубить лес и носить воду, я убежден, что наш прогресс как нации значительно замедлился бы». Или: «Я считаю, что мы должны сделать все для того, чтобы возродить (я назову так за неимением лучшего термина) дух гильдий. Несомненно, что удивительное мастерство в период расцвета гильдий объяснялось всеобщим признанием высокого места в обществе мастера. Как же мы можем ожидать ныне, что способные юноши станут заниматься производительным трудом, если мы сами считаем, что клерк, зарабатывающий в неделю 10 долл., стоит выше на социальной лестнице, чем квалифицированный рабочий, получающий 60 долл.?.. Надеюсь, что нам удастся убедить колледжи привить юношам понимание: нужно больше ума, чтобы

управлять двухтонным механическим молотом, чем механически складывать колонки цифр в конторских книгах».

Результаты подобного рода увещаний были близки к нулю для бизнеса, но политически они являлись неоценимым вкладом для укрепления репутации ФДР как человека, озбоченного национальными судьбами. Он делал политику на бизнесе.

В 20-х годах Ф. Рузвельт выступает в поддержку известного в демократической партии Альфреда Смита. Католик по вероисповеданию и «мокрый» по убеждению (т. е. сторонник отмены «сухого закона»), он стремительно восходил на политическом горизонте США. ФДР прочно приковал себя к его колеснице и уже в 1922 году был среди тех, кто горячо ратовал за переизбрание Смита губернатором штата Нью-Йорк, что и было достигнуто беспрецедентным большинством голосов. ФДР много говорил о том, что «дорогой Ал» – его друг чуть ли не со времен битвы против Шихана, да и в 1918 году он приложил руку, чтобы Смит в первый раз прошел губернатором штата Нью-Йорк. В действительности в 1918 году ФДР вместе с Хоу заняли крайне уклончивую позицию. Однако в начале 20-х годов Смит, шедший от успеха к успеху, охотно верил «дорогому Франку».

С приближением выборов 1924 года ФДР стал крайне необходим Смиуту. В этот год в США возникла сильная третья партия Лафоллета, сенатора от штата Висконсин. Партия называла себя прогрессивистской и вела несколько миллионов недовольных. Хотя это движение окончательно подорвало слабые шансы на успех демократов, ФДР с готовностью взял на себя функции руководителя кампании по выдвижению Смита кандидатом в президенты. ФДР домогался еще большей известности, состязание с Лафоллетом давало возможность потрясать нацию самыми прогрессивными речами. Помимо того, ФДР становился незамеченным партийным организатором, по крайней мере в штате Нью-Йорк. Ч. Мэрфи умер незадолго до выборов 1924 года, и Таммани остро нуждалась в жокае.

Таким образом ФДР оказался в авангарде избирательной кампании демократов. Современники усматривали в его неустанной работе на пользу А. Смита самопожертвование «дорогого Франка дорогом Алу», ибо болезнь лишала ФДР надежд на собственную политическую карьеру. Замечание ФДР в частных беседах: «Если бы не эти костыли, я бы сам принял участие в деле» – приводилось как доказательство вышеупомянутого верного служения. А если кто еще сомневался, тогда приводились отказы ФДР баллотироваться в сенат или даже в вице-президенты. Ответил же ФДР Л. Стивенсону: «Не хочу быть вице-президентом. Председательствовать четыре года при нынешнем составе сената – неблагодарная и совершенно бесполезная работа». Биографы ФДР судят о нем несколько по-иному. Взвесивший все «за» и «против», Ф. Фрейдель замечает: «Эта кампания была повторением его маневра 1922 года. Тогда он поддерживал Смита в собственных целях – восстановить себя в качестве ведущего политического деятеля штата. В 1924 году Смит дал ему возможность сделать это в масштабах страны»⁹.

Появление мужественного Франклина Д. Рузвельта на костылях на трибуне конвента демократической партии вызвало неистовый восторг. Несколько минут бушевала овация. Когда она стихла, ФДР сильным, звучным голосом рассказал о достоинствах А. Смита, этого «счастливого воителя» политических битв (термин заимствован у американского поэта У. Уордсворта), которого любят за прогрессивные убеждения «все и вся в нашей стране». ФДР убедил конвент в том, что он прекрасный оратор, но Смит так и не был одобрен кандидатом. После почти ста туров голосования он поручил ФДР снять его кандидатуру.

Демократы выдвинули другого кандидата. На выборах в ноябре 1924 года переизбрали республиканца К. Кулиджа, президента с 1923 года после смерти У. Гардинга.

Хотя выборы 1924 года воссоздали ФДР как активного политика – выступление на конвенте было первой его большой речью после болезни, – он был далеко не удовлетворен только личным триумфом. Его успехи лишь подчеркивали плачевное положение демокра-

тической партии. В 1924–1928 годах он упорно доискивается причин, по которым она не могла завоевать большинство.

В декабре 1924 года ФДР писал: «В 1920 году, когда нас прокатили на выборах, я сказал друзьям, что, на мой взгляд, нация не изберет демократа до тех пор, пока республиканцы не ввергнут нас в серьезную депрессию с большой безработицей. Я думаю, что этот анализ верен и сейчас». В 1926 году ФДР говорил в одной из своих речей: «Наше так называемое процветание со времен мировой войны случилось вопреки, а не в результате усилий политиков. Мы держим большую часть мирового золотого запаса, что обеспечило нам легкий, слишком легкий кредит. Строительство, улучшение транспорта, увеличение всех видов производства стали действительно необходимыми из-за износа в военные годы. Добавьте к этому новые потребности: дешевые автомобили, радио, различные электроприборы, рост производства электроэнергии, распространение хороших дорог и последнее по счету, но не по значению – увеличение покупательной способности расширением кредита, и тогда станет ясно, что республиканская партия, стоящая у власти, повинна в том, что она пытается присвоить под лживыми предложениями достояние, принадлежащее другим, в данном случае – американскому народу».

Экономического кризиса руководству партии не следует ожидать сложа руки. ФДР носился с планами ее решительной реорганизации. Разномыслие павших духом лидеров партии пугало ФДР. Он полагал, что она воспрянет, апеллируя к теням ее основателей – Т. Джефферсона и Э. Джексона.

ФДР считал, что восстановление принципов Т. Джефферсона внесет спасительные улучшения в американскую жизнь. В декабре 1925 года Ф. Рузвельт писал: «Нам будет трудно внести раскол в ряды республиканцев, пока продолжается период материального процветания. Они поставили все на экономический бум, который, однако, является не следствием их усилий, а объясняется экономической обстановкой послевоенного мира. Мы приближаемся к временам, аналогичным периоду 1790–1800 годов, когда Александр Гамильтон вел дела федерального правительства прежде всего в интересах торговых палат, спекулянтов и узкого кружка внутри национального правительства. Он свято верил в аристократию богатства и власти – Джефферсон вернул власть в руки рядового избирателя, настаивая на основных принципах и просвещении массы избирателей. Нам сейчас нужна такая же кампания просвещения, и, возможно, мы найдем другого Джефферсона».

Если ФДР думал так, а приведенные и многие другие его суждения не оставляют сомнения в том, что его убеждение в призрачности «процветания» было искренним, тогда он был суровым реалистом. Именно в эти годы американская компартия указывала, что «процветание» строится на песке. «Небо было безоблачно, – писал У. Фостер, – и лишь немногочисленные недовольные и потерявшие доверие коммунисты заявили, что «процветание» – это картонный домик, построенный на развалинах, оставленных Первой мировой войной»¹⁰.

Рузвельт не читал изданий компартии. Он взывал к принципам Т. Джефферсона и настаивал на том, чтобы подготовить демократическую партию к тем критическим временам, когда «процветание» рухнет. Вся риторика ФДР, уместно умалчивавшего о том, что Т. Джефферсон был рабовладельцем, отражала его глубокую тревогу, как бы в грядущее черное море краха «просперити» не рухнула генеральная американская политическая традиция – святость частной собственности, на чем и зиждется там государственность.

Когда после неудачи движения Лафоллета на выборах 1924 года к Ф. Рузвельту обратились с просьбой продумать, не следует ли сторонникам Лафоллета вступить в блок с демократической партией, он категорически отклонил идею. ФДР писал: «Демократическая партия – единственная прогрессивная партия страны, но она не является и, надеюсь, никогда не будет радикальной партией в США, что совсем иное дело». И далее: «Мы, конечно, не можем развиваться, если каждый новый шаг не делается по твердой и испытанной почве.

Слепо ринуться по пути, который некоторые наши радикальные друзья называют большой дорогой к Утопии, означало бы, что мы безнадежно погрузимся в зыбучие пески неразумных политических теорий и непрактичных доктрин правления. Это вовсе не будет прогрессом, а повлечет за собой лишь деморализацию. В результате мы добьемся только одного – столь же громадных страданий и несчастий для собственной страны, какие мы видели в некоторых других государствах, где были применены чисто теоретические концепции правления, прежде чем были проверены их разумность и возможность претворения в жизнь»¹¹.

В этих воззрениях, и только в них, следует искать разгадку так называемого либерализма и прогрессивных убеждений Франклина Д. Рузвельта. Он горой стоял за незыблемость института частной собственности как основы американской государственности. Его преимущество перед толпой заурядных буржуазных политиков было в том, что он чутко реагировал на происходившее вокруг и своевременно приходил к четким выводам в интересах своего класса в целом. Что до прогрессивных взглядов, то как могло быть иначе?¹² XX век стал тем временем, когда кондовые истины капитализма подверглись сокрушительным ударам со всех сторон.

ФДР прекрасно понимал, что противиться наступлению сил прогресса не только трудно, но просто невозможно. Он видел свою задачу в другом – попытаться оседлать гребень волны вместе с демократической партией, а чтобы удержаться там – реорганизовать ее.

Ф. Рузвельт писал: «Следует крепко запомнить, что без какой-то формы политической организации нельзя многого достигнуть»¹³. Во второй половине 20-х годов весь платный штат национального комитета демократической партии состоял из двух приятных дам, работавших в одной комнате. Рузвельт стремился разъяснить руководству демократической партии, что это нетерпимо.

С помощью Хоу ФДР подготовил и разослал циркулярное письмо активным работникам партии. Он предлагал: национальный комитет должен работать постоянно, а не от одной избирательной кампании до другой, установить тесную связь комитета с местными организациями, проводить частые встречи активистов партии и, наконец, добиться ее прочного финансового положения. Когда стали поступать положительные отклики на письмо, ФДР попытался двинуть дело дальше – созвать в 1925 году национальную конференцию демократической партии. Ввиду острого соперничества между отдельными лидерами идея не материализовалась.

ФДР заслужил репутацию политика политиков. Водители партийной машины демократов, пропустив его проекты мимо ушей как нереальные, взамен составили, как им казалось, реальный проект – провести ФДР в сенат, соблазняя его перспективой отстаивать дело партии на национальном форуме. ФДР отказался, частично боясь, что избрание в сенат не даст ему возможности долечиться, а главным образом не желая ввязываться в межпартийные распри в хорошо видимом всем Капитолии. Хоу горячо одобрил поведение Франклина. В 1926 году, накануне конференции демократической организации штата Нью-Йорк, он пишет Франклину: «Я разузнал, что составлен план. Вас попросят произнести речь, а затем потребуют согласиться на выдвижение кандидатом в сенат единодушным воплем «Хотим Франклина!» Это, конечно, лишь возможность, но я надеюсь, что вы сумеете убедить их, что еще два года вы будете стоять на пороге смерти. Постарайтесь выглядеть бледным, усталым и издерганным, выступая на конференции, с тем чтобы не составило труда отделаться от них заявлением: по состоянию здоровья вы по крайней мере еще два года не сможете участвовать в выборах». Так ФДР и поступил.

Лето 1928 года. Конвент демократической партии. Вновь ФДР предложил кандидатуру А. Смита, которая на этот раз была одобрена. Появление Ф. Рузвельта на конвенте резко отличалось от прошлого, в 1924 году. Тогда он едва передвигался на костылях, теперь отно-

сительно легко шел, опираясь на трость и руку сына. После конвента ФДР уехал в Уорм-Спрингс, а партийные боссы стали готовить его выдвижение в губернаторы штата Нью-Йорк. В сентябре ФДР получил первые тревожные телеграммы от Хоу, который требовал не соглашаться. Элеонора разделяла мнение Хоу. Франклин признал, что они правы. Изворотливые партийные деятели подключили к делу дочь Анну. Она телеграфировала: «Вперед – и соглашайся». ФДР отвечает: «Тебя следует выпороть. Любящий отец». Смит бомбардирует Уорм-Спрингс телеграммами. Хоу комментирует: «Бойся данайцев, дары приносящих». И в другой телеграмме: «Если они ищут козла отпущения, то пусть сенатор Вагнер принесет себя в жертву». Франклин прибег к испытанному аргументу – здоровье не позволяет. Смит вызвал ФДР к телефону, в разговоре выяснилось, что Рузвельт обеспокоен и финансовыми делами – он по уши погряз в «Уорм-Спрингс фаундейшн», а избрание губернатором сократит его личные доходы. Если паралич ног был неизлечим, то финансовые затруднения поддавались исцелению. Смит переговорил с Дж Раскобом, одним из богатейших людей США, близким к Дюпонам, руководителем концерна «Дженерал моторз». Раскоб в 1923 году щедро финансировал избирательную кампанию демократов. Что произошло дальше, описывает Э. Линдли¹⁴. 1 октября Раскоб позвонил Рузвельту в Уорм-Спрингс. «Мягкий голос Раскоба звучал в трубке отчетливо, как колокольчик. Он просил его согласиться на выдвижение, чтобы помочь партии в национальном масштабе. Рузвельт: «Нужно заботиться об «Уорм-Спрингс фаундейшн». – «К черту «Фаундейшн», – бросил Раскоб. – Мы берем ее на себя. Сколько?» Рузвельт назвал цифру – 250 тыс. долл. Трубку взял Смит, просивший ФДР оказать ему «личную услугу» – баллотироваться. Рузвельт нехотя согласился. На следующий день случились два события: он получил чек от Раскоба на 250 тыс. долл.¹⁵, а в Нью-Йорке конференция демократической партии выдвинула его в губернаторы штата. «Я не знаю человека, который принес бы большую жертву партии, придя ей на помощь», – написал Раскоб Рузвельту.

Узнав о внезапном решении своего подшефного, Хоу ничего не оставалось делать, как воздеть руки к небу и отправить ФДР телеграмму: «В качестве поздравления раскопайте телеграмму, посланную мною, когда вы участвовали в первичных выборах на место сенатора» от штата Нью-Йорк в 1914 году. Слухи о выдвижении Рузвельта распространились с быстротой молнии.

Республиканские газеты указали, что Смит в ненасытной жажде власти, которой ему, впрочем, не видать, как своих ушей, бросает в огонь политической борьбы последний резерв – несчастного инвалида Рузвельта. Корреспонденты со ссылкой на друзей ФДР сообщали, что все, кто любит его, будут голосовать против, ибо не хотят, чтобы достойный человек нашел смерть под бременем губернаторства. Заботясь о «просвещении» избирателей, республиканцы распространили слух, что ФДР не может передвигаться и страдает вовсе не из-за полиомиелита, а от последствий сифилиса¹⁶.

Смит парировал: «Губернатору не нужно быть акробатом. Мы выбираем его не за умение делать двойное сальто назад или ходить на руках».

«Полупроцентный» губернатор имперского штата

I

В первом штате страны – Нью-Йорке – все грандиозно, включая название «имперский штат». Здесь подлинная столица Соединенных Штатов, финансово-промышленный мозг республики. Губернатор штата – весьма вероятный претендент на президентское кресло. Из шестнадцати президентов после гражданской войны 1861–1865 годов девять были губернаторами Нью-Йорка. За этот пост и вступил в борьбу ФДР в середине октября, хотя отчетливо понимал, что 1928 год сулит новую победу республиканцам в национальном масштабе.

Г. Гувер, кандидат в президенты от республиканской партии, ссылаясь на беспрецедентное процветание в минувшие годы, сулил американцу цыпленка в супе каждый день, а в гараже – пару автомобилей. С помощью бога и на путях традиционной политики республиканцев Гувер обещал «скоро изгнать бедность из страны».

В первые три дня 1300-мильной поездки по штату Ф. Рузвельт выступал с общими заявлениями, нападая на республиканцев и превознося достоинства А. Смита. ФДР считал особенно важным подчеркнуть, что религиозные вопросы – Смит был католиком – не должны подменять партийную борьбу. К вечеру третьего дня руководство партии спустило Рузвельта с небес федеральной политики на землю штата Нью-Йорк. Помощники ФДР получили телеграмму национального комитета партии: «Скажите кандидату – он баллотируется не в президенты, а в губернаторы. Пусть он ограничит свои выступления делами штата».

Рузвельт обратил оружие против своего прямого противника А. Оттингера, опытного политика, выдвинутого республиканской партией. Оттингер умело вел кампанию, не забывая, что Нью-Йорк – тигель национальностей с сильным еврейским электоратом. ФДР было нетрудно доказать, что в национальном вопросе обе партии одинаково беспристрастны – на пост заместителя губернатора демократы проводили еврея Г. Лимена, банкира, оказавшего значительную материальную поддержку А. Смигу.

Значит, «ограничить свои выступления делами штата». В подготовке тематически нацеленных речей Ф. Рузвельт нашел неоценимого помощника в лице 32-летнего Самуила Розенмана, рекомендованного Смитом. Юрист и необычайно пунктуальный человек, Розенман подобрал объемистые досье по всем вопросам, касавшимся штата: трудовому законодательству, сельскому хозяйству, финансам и т. д. Начало их сотрудничества было тривиальным. «Сэм, – сказал Ф. Рузвельт, – я сейчас бегу, мне нужно повидать кое-кого из местных политических братьев. Боюсь, что буду занят весь вечер. Сделаем так: вы набросаете, что, по вашему мнению, я должен сказать завтра вечером, и утром дадите мне. Затем мы просмотрим проект вместе». Увидав изумление на лице Розенмана, Рузвельт подбодрил его улыбкой и кликнул слугу, который мигом увез кандидата в кресле.

Розенман скрупулезно выполнил задание, написал речь. Подсунув рукопись под дверь спальни Рузвельта, Розенман отправился спать, далеко не убежденный в успехе. Наутро ФДР нашел материал превосходным, хотя и суховатым. Он «оживил» речь. Вечером произнес. Аплодисменты. «Прекрасно, Сэм, хорошо сделано», – заметил после митинга ФДР. Так и пошло.

Они ездили по штату: впереди легковая машина кандидата, следом два автобуса. В одном корреспонденты, в другом помощники ФДР. Розенман неустанно трудился, подготавливая проекты речей, Рузвельт бегло читал их, подправлял и произносил. Избиратели тепло встречали Ф. Рузвельта. Почему? О чем он говорил?

«Вы знаете, – сказал ФДР задумчиво, – обстановка сегодня не слишком отличается от тех дней, когда я был в сенате в 1911 и 1912 годах. Альфред Смит, Боб Вагнер, Джим Фоли и я боролись за социальное и рабочее законодательство. Я помню, что нас именовали социалистами и радикалами в то время. Я помню, как была взбешена моя бедная мамочка, решив, что ее сын стал социалистом». Эти рассуждения стали его излюбленной темой, как бы его позднейшие программы ни именовались: социалистическими или коммунистическими. Что было «социализмом» в 1911 году, стало неоспоримым американизмом в 1928 году. Равным образом большая часть коммунистического и радикального нового курса 1933 года стала частью республиканской платформы 1944 года»¹, – писал С. Розенман.

Ссылаясь на прошлую деятельность губернатора А. Смита, Рузвельт говорил: «Если его программа сокращения рабочей недели женщин и детей является социалистической, тогда мы все социалисты; если его программа улучшения больниц и тюрем штата является социалистической, тогда мы все социалисты. И если его программа заботы о здравоохранении, его громадная помощь народному образованию являются социалистическими, тогда мы все социалисты и с гордостью говорим об этом... Любого человека в общественной жизни, кто идет вперед и отстаивает улучшения, зовут радикалом. Демократическая партия в этом штате шла вперед и отстаивала улучшения, и она заслужила название радикальной здесь и в других штатах».

ФДР теперь стал отличным оратором. Его выступления были удачными не только по содержанию, но и по форме. Заканчивая, он неизменно просил обратить внимание на то, как он выглядит. Пуще всего он боялся, чтобы его приняли за инвалида. Водном городке зал, арендованный для митинга, не имел входа на сцену – чтобы попасть на нее, нужно было пройти через центральный проход между рядами кресел. ФДР не хотел вызывать сочувствия, он взобрался по пожарной лестнице снаружи здания и так проник на сцену. Карабкаться по лестнице было мучительно трудно. Франклин мог использовать только руки. Никто в зале ни о чем не догадался.

Успешная кампания ФДР в штате не могла спасти положение партии в национальном масштабе. Г. Гувер уверенно вел за собой страну. А. Смит, избравший в качестве основного лозунга кампании еще большее процветание, мог давать только обещания, республиканцы опирались на факты. При аналогичном подходе партий к материальным вопросам можно было бы провести различие в духовной сфере, акцентируя внимание на «прогрессе», как поступил Рузвельт. Смит не сделал этого. В результате кампания, не развившись, деградировала, и споры велись вокруг религии (республиканцы со всей серьезностью заявили, что, если католик Смит будет президентом, все браки протестантов США окажутся недействительными, дети от них будут признаны незаконными, а папа римский станет верховным арбитром страны) и «сухого закона» (республиканцы кричали, что демократы положат конец «благородному эксперименту» – запрещению употребления спиртных напитков в США, введенному 18-й поправкой к конституции в 1920 г., и тем самым погрузят морально чистых американцев в пьяное болото остального мира).

Предвыборная кампания демократов заходила в тупик. Оставалось только шутить. ФДР в письме к другу: «Благодарю тебя за присланное ужасное фото моей лучшей половины. Она, очевидно, рассматривает муху на потолке, стараясь выяснить, можно ли одновременно быть «мокрой и сухой». Элеонора со вновь выработанным ригоризмом была «сухой» и начисто изгнала спиртные напитки из своего дома, что изрядно досаждало Франклину, умеренному любителю коктейлей.

Он со значительной тревогой наблюдал и за действиями Раскоба, теперь председателя национального комитета демократической партии. Появление миллионера на этом посту было трудно совместить с утверждениями, что демократы – партия «прогресса». Раскоб говорил слишком много, чтобы исправить складывавшееся неблагоприятное впечатление.

ФДР обратился к другому миллионеру – Б. Баруху. Раскоб и Барух внесли самые крупные взносы в кассу демократической партии. В отличие от Раскоба, Барух, еврей из штата Южная Каролина, лучше понимал значение идей. Именно он отчеканил накануне кампании фразу: «Миру нужно выбрать между конструктивным радикализмом Вудро Вильсона и разрушительным радикализмом Ленина»². Усилия ФДР и Баруха не привели к заметным результатам.

6 ноября состоялись выборы. Хотя демократы затратили на кампанию 7 млн. долл., всего на 2 млн. меньше, чем республиканцы, деньги были выброшены на ветер. Уже к середине дня выяснилось, что демократы проигрывают по всей стране. Что касается выборов губернатора штата Нью-Йорк, то стало запаздывать поступление данных от ряда округов. ФДР и его советники хорошо знали американскую политическую жизнь и недолго гадали о причинах задержки: на местах ожидали окончательного национального вердикта, чтобы «подправить» собственные результаты. Тогда Рузвельт пошел на крайнюю меру, по существу, блеф. Он связался по телефону с шерифами округов, откуда не поступали сообщения об итогах голосования.

«У телефона Франклин Рузвельт, – говорил он. – Я слежу за голосованием из отеля «Билтмор» в Нью-Йорке. Данные из вашего округа запаздывают, и мне это не нравится. Если это будет продолжаться, я займусь вами, вы лично отвечаете за то, чтобы не было мошенничества при подсчетах. Если вам нужно поддержать порядок или обеспечить правильный подсчет, сообщите мне сюда, и я попрошу санкции губернатора штата на использование частей национальной гвардии, чтобы помочь вам». Дополнительно шерифам было сообщено, что «сто юристов» выедут в округа для проверки правильности выборов (что потом и было сделано, злоупотребления оказались незначительными). Помогло!

Ф. Рузвельт был избран губернатором штата Нью-Йорк, получив 2 130 193 голоса против 2 104 629 голосов, отданных Оттингеру. Смит в том же штате получил на 100 тыс. голосов меньше Гувера, по всей стране преобладание республиканцев было громадным. Успех Ф. Рузвельта был исключением на выборах 1928 года, личной, а не партийной победой. Большинство в 25 тыс. голосов было ничтожным.

ФДР имел разумные основания в последующие два года шутиливо именовать себя «полупроцентным» губернатором.

II

«Он не проживет и года», – заметил А. Смит о ФДР. Смит, четыре раза избиравшийся на этот пост, знал, что говорил. Исполнение обязанностей в Олбани, где находилась резиденция губернатора, требовало не только интеллектуального, но и большого физического напряжения. Население имперского штата уже тогда превышало 12 млн., а административная машина была крайне неуклюжей и требовала каждодневного присмотра. Легислатура находилась многие годы в руках республиканцев, не говоря уже о Таммани, проводившей собственную политику в Нью-Йорк-Сити.

Смит снял номер в одном из отелей Олбани, дабы руководить новым губернатором, и порекомендовал ему не производить никаких перемещений среди руководителей штата.

ФДР согласился с ним, а затем уволил двоих, на которых опирался Смит, – секретаря губернатора Б.Московиц и секретаря штата Р. Мозеса. Первая третировала ФДР в кампанию 1928 года, второй имел с ним столкновения. Взбешенный Смит расценил поступки Рузвельта как черную неблагодарность, но так и не понял, что неверно оценил личность своего преемника. Раскоб пригласил Смита занять место управляющего «Эмпайр стейт билдинг» в Нью-Йорке. ФДР остался в Олбани один.

В губернаторский дворец вселился новый хозяин, сорокашестилетний Ф. Рузвельт. К этому времени он давно сформировался как политик, приобрел те черты, которые отличали его и в бытность президентом. Окружающие по-прежнему были склонны видеть главным образом его чрезмерный оптимизм, бьющую через край жизнерадостность, он порой походил на бойскаута-переростка. Тяжкие испытания болезни, казалось, не подорвали его бодрости, хотя до конца жизни он не смог самостоятельно передвигаться.

Рузвельт не мог без посторонней помощи встать. Хоу ввел железное правило: ФДР никогда не переносили на людях, но, когда не было посторонних, его всегда носили, как ребенка. С мучительным трудом опираясь на чью-либо руку и на тяжелую трость, он мог в редчайших случаях сделать несколько шагов.

Родственник Рузвельта рассказывал: однажды в Гайд-парке «его мать и я стояли на веранде, смотря, как сын Эллиот и телохранитель Гас Генерин снесли его по ступенькам и посадили в автомобиль. Стоило им повернуться и отойти, он потерял равновесие – могучий торс был тяжелее парализованных ног – и упал с сиденья машины. Сомневаюсь, чтобы хоть один из тысячи таких же инвалидов, зависящих от других, не сделал бы упрека, пусть мягкого, тем, кто по небрежности бросил его. Но Франклин, лежа на спине и размахивая в воздухе сильными руками, только смеялся».

Ничто не могло вывести Рузвельта из себя, даже слабый намек на сочувствие к нему как инвалиду. «Без соплей!» – почти свирепо обрывал он сердобольного. «Чепуха, – говорил он, – взрослый человек может справиться с детской болезнью». Близкие находили, что после болезни ФДР как бы вторично родился, утратив свои прошлые неприятные качества – зазнайство и плохо скрытое высокомерие. Он стал человечнее. Раньше ФДР разбрасывался, теперь научился сосредоточиваться. Встречавшиеся с ним поражались обширным познанием Франклина в самых различных областях. Он объяснял: «Вы, ходящие на двух ногах, проводите свободное время, играя в гольф, стреляете уток и т. д., в то время как все мои упражнения ограничиваются книгами».

Победа на выборах в глазах ФДР была победой и над болезнью. Он твердо считал, хотя обычно и избегал разговоров на эту тему, что судьба готовила его к некоей миссии. Глубоко верующий ФДР был убежден, что действует по предначертанию провидения. Надо думать, что ему, калеке, доставляло громадное внутреннее удовлетворение одерживать победы над пышущими здоровьем людьми. Избранник судьбы?

«Под внешней оболочкой, – пишет А. Шлезингер, – скрывался другой человек: более сильный, более твердый, более честолюбивый, более мелкий, более злой, более злопамятный, более глубокий, более сложный, более интересный. Лишь самые близкие друзья видели эти стороны характера Рузвельта и то усматривали лишь их отдельные, иногда устрашающие проявления. Его глаза дружелюбные, но непроницаемые, улыбка приветливая, но ни к чему не обязывающая, манеры открытые, которые, однако, нельзя было разгадать, – все это говорило о его недоступности. Он любил людей, но очень редко открывался перед ними. Душевное равнодушие даровало ему мастерство в политике и расчетах, иногда даже в жестокости в отношении к людям. Тех, кто любил его больше всех, он терзал особенно безжалостно. Почти каждым он мог пожертвовать. Поскольку он мог быть беззаботным и неглубоким интеллектуально, он мог быть коварным и скользким морально. Внешне он казался мягким и услужливым, однако в действительности был ужасающе тверд»³.

В окружавших его людях ФДР ценил только верность. По этому принципу, а затем уже по деловым качествам он подобрал себе помощников в Олбани. С. Розенман, знавший ФДР всего несколько месяцев, был очень удивлен, получив назначение советником губернатора. Рузвельт откровенно сказал ему: «Я быстро распознаю людей и довольно хорошо понимаю их. Иногда инстинкт оказывается полезнее, чем длительное и всестороннее изучение». Г.Моргентау-младший был назначен председателем совещательного комитета по вопросам сельского хозяйства. Семья Моргентау всегда щедро финансировала политические предприятия ФДР. Секретарем штата стал Э. Флинн, профессиональный политик из Бронкса, воспитанный в традициях Таммани. Тем самым ФДР отдал должное и этой организации. Комиссаром по вопросам промышленности была назначена Фрэнсис Перкинс. Впервые в истории штата женщина заняла ответственный пост. Выдвижение ее, в глазах ФДР, было необходимо, дабы показать избирательницам равноправие женщин.

Ф. Рузвельт не оставил ни малейших сомнений у своих сотрудников, что ключевые решения будут приниматься только им, а помощники имеют право совещательного голоса. «Я должен быть губернатором штата Нью-Йорк, и я буду им сам», – напутствовал он Ф. Перкинс, приступившую к исполнению своих обязанностей. Очень скоро выявилась и другая черта ФДР – нетерпимость к критике. «Франклин, – пишет Р. Тагвелл, – уже тогда имел тенденцию, хотя публично и сохранял хорошую мину, рассматривать критику в лучшем случае как недружественный акт, а в худшем – вредительство. Он решительно не терпел даже попытки поставить под сомнение его намерения или выяснить его мотивы... Он считал, что обладает привилегией иммунитета от критики. Те, кто не признавал этого и не предоставлял ему необходимого иммунитета, запечатлевались в его памяти. У него была поистине способность слона запоминать тех, кто причинил ему вред. В один прекрасный день виновный удивлялся, что не получил тех или иных благ. В конце концов таких лиц оказалось много. Никакие мольбы не могли изменить их положение и допустить их в кружок доверенных сотрудников. Что касается Франклина, он на веки вечные подверг их остракизму»⁴.

Даже зная или догадываясь об этих качествах ФДР, все равно работать с ним было необычайно трудно. Кроме того, лаконично замечает Дж Бирнс, «Франклин Рузвельт никогда не был одинаков с двумя любыми людьми»⁵. О его намерениях даже близкие могли только догадываться.

III

В Олбани Ф. Рузвельт взял старт, намереваясь финишировать в Белом доме, в Вашингтоне. В связи со вступлением в должность 1 января 1929 г. Рузвельт обратился с посланием к легислатуре, в котором сформулировал свою программу: сбалансированный бюджет штата, помощь фермерам, улучшение парков, упорядочение работы судов и т. д. В обстановке «просперити» в стране, по-видимому, большего предложить было нельзя. С первых дней в Олбани ФДР почувствовал тяжесть работы, выпавшей на плечи губернатора, не желавшего передоверять ведение дел своим подчиненным. Он получал в день по 250 писем, на 50 из них приходилось отвечать лично. Стоимость недвижимого имущества, принадлежавшего штату, оценивалась в 1929 году примерно в 1 млрд. долл., а ежегодные ассигнования по бюджету штата на новое строительство превышали 80 млн. долл. ФДР стремился уследить за всем. Стены кабинета губернатора украсили схемы, на которых еженедельно отмечался ход строительства каждого из 150 возводившихся объектов. Если плановые сроки по любому из них нарушались, следовало личное вмешательство губернатора.

ФДР имел перед собой враждебную легислатуру, в которой большинство принадлежало республиканцам. Сердца ее членов, понаторевших в профессиональной политике, было просто невозможно растопить самыми убедительными речами, хотя все публичные выступления ФДР теперь готовились штатом квалифицированных сотрудников во главе с Розенманом. Легислатура была преисполнена решимости блокировать любые «прогрессивные» меры, квалифицируя их не как заботу о благе штата, а как попытку обеспечить партийные интересы. Укрепление аппарата демократической партии имело вдвойне важное значение – так можно было установить связь с рядовыми избирателями через головы законодателей. Главное – довести до сведения всех в штате титаническую борьбу губернатора с легислатурой, если когда-либо она разразится. «Наш моральный долг – распространять евангелие демократической партии», – поучал ФДР, поставивший на службу высокой цели все средства современной массовой информации.

Уже в январе 1929 года в Олбани было учреждено пресс-бюро, демократическая организация отпустила для него на первый случай 100 тыс. долл. Все газеты штата затопил поток бесплатных материалов о трудах губернатора. ФДР указал: «Если пять лет назад девяносто пять процентов избирателей черпали свои сведения из газет, то теперь по крайней мере половина избирателей, сидя у камина, слушают выступления политических деятелей обеих партий и выносят свои суждения не из того, что прочитали, а из того, что услышали». Для начала демократическая партия купила час вещания в месяц у всех станций штата. С 3 апреля 1929 г. Ф. Рузвельт стал сам выступать со своими «беседками у камелька», тщательно подготовленными речами перед микрофоном. Возможности осветить предстоящую схватку с легислатурой были созданы, а она не заставила себя ждать.

Бюджет штата издавна служил для удовлетворения партийных потребностей. Не случайно он обсуждался на закрытых заседаниях комиссий легислатуры. При господстве республиканцев в комиссиях целевое назначение расходов было очевидно. ФДР предпринял решительную попытку сломать этот порядок. Во-первых, он наложил вето на бюджет; во-вторых, высказался за полную гласность обсуждения финансов штата. Последовала сложная борьба, в том числе в судах, спорной оказалась интерпретация прерогатив исполнительной и законодательной власти. ФДР стоял на том, что легислатура не имеет права вмешиваться в исполнение бюджета и что это всецело входит в круг обязанностей губернатора.

Спорили до хрипоты. В разгар разногласий с легислатурой Рузвельт в одном из писем родственникам извинялся за то, что пишет от руки, а не на машинке. Это, однако, невозможно «до тех пор, пока глупая старая республиканская легислатура не возьмет в толк, что

пора разъехаться по домам и оставить меня в покое, чтобы я мог заниматься делами штата». В конечном счете суды высказались за ФДР. Противники были посрамлены – юридическая власть поддержала незыблемость функций власти исполнительной.

ФДР обнаружил, что губернатор мог использовать небольшую речную яхту «Инспектор». Летом 1929 года вместе с семьей и многочисленными помощниками он отправился по каналам в поездку по штату. Зрелище было презабавным: толпа людей на палубе, яблоку негде упасть, среди них выделялась внушительная фигура губернатора, а по ближайшей дороге параллельно каналу с черепашью скоростью передвигался торжественный кортеж – машина губернатора, многочисленные полицейские на мотоциклах. ФДР инспектировал школы, больницы, тюрьмы, приюты и т. д. Элеонору посылали на разведку. В первые дни ее ответы на вопросы Франклина были анекдотичны. Например, она делала вывод о достаточном питании, ознакомившись с меню, или думала, что помещения не переполнены, так как кроватей было немного. «Глупышка! – восклицал Франклин. – Нужно было посмотреть, не сложены ли кровати в кладовках или не спрятаны ли за дверью, и заглянуть в кастрюли». К чести Элеоноры, она очень быстро научилась устанавливать истинное положение вещей.

Губернатор очаровал многих. После обстоятельных бесед с ним местные профессиональные политики возвращались преисполненными сознания своей важности. ФДР умел вести разговор так, что собеседник невольно понимал: перед ним хозяин штата. Несомненно льстило, как рачительный ФДР обсуждал с ними на равной ноге местные дела: состояние посевов, дороги, лесонасаждения, положение в школах и благотворительных учреждениях.

Его энергичные усилия, очевидно, направленные на достижение выдающейся национальной известности, не на шутку встревожили республиканскую партию. Хотя Рузвельт неоднократно публично заверял, что не имеет в виду президентство, ни один здравомыслящий политик не верил этому. Недоброжелатели ФДР не щадили усилий, чтобы безнадежно подорвать его репутацию. Они решили нанести удар по самому уязвимому – отношениям губернатора с Таммани.

Республиканским стратегам нельзя было отказать в дьявольской изобретательности. Коррупция Таммани вошла в пословицу, даже «Нью-Йорк таймс» отзывалась о ней так «Первая в войне, первая в мире и первая в карманах сограждан». Поэтому, когда осенью 1929 года республиканцы внезапно потребовали положить конец злодеяниям Таммани в Нью-Йорке, они не сделали открытия. Новым было, однако, то, что республиканцы истерически настаивали, чтобы губернатор Рузвельт назначил расследование. Это с головой выдавало подлинные цели борцов за чистоту нравов.

Их замысел был прост и в то же время сложен. Дальнейшее политическое продвижение ФДР зависело от его деятельности в Олбани. Он просто не смог бы вынести провал на выборах 1930 года. Однако успех на них мог быть обеспечен только поддержкой Таммани. Любое глубокое расследование дел организации неизбежно сводило шансы на выборах 1930 года к нулю. Отказ заняться расследованием преступной деятельности Таммани давал веские основания представить губернатора Рузвельта соучастником грязных дел боссов Нью-Йорка.

Обстановка сложилась серьезная. В конце 1929 года происходили выборы мэра Нью-Йорка. Тогдашний мэр Дж Уокер, пьяница и развратник, пользовался скандальной известностью. Один его соперник на выборах, Ф. Ла Гардиа, прямо обвинял мэра в том, что полиция не расследовала должным образом убийство известного гангстера Ротштейна. Другой соперник, социалист Н. Томас, указал, что судья в Бронксе получил от Ротштейна взятку в 20 тыс. долл. Как Ла Гардиа, так и Томас громко обвиняли Рузвельта в бездеятельности. Но ему нужен был еще по крайней мере год. ФДР официально заявил, что может начать расследование лишь в том случае, если ему будут представлены точные факты. Как можно добыть их, не проведя расследования, он не объяснил. Своим ближайшим помощникам ФДР сказал:

в случае необходимости он вызовет Ла Гардиа и иных обвинителей и «в присутствии стенографа заявит, чтобы они подкрепили свои требования фактами, если их нет – они будут выглядеть идиотами».

Естественно, что к этой процедуре прибегнуть не пришлось. Уокера переизбрали мэром, но 175 тыс. голосов, собранных Н. Томасом, показали степень недовольства нью-йоркцев. Роль ФДР была явно неблаговидной и вызвала серьезную тревогу честных людей. Не говоря о статьях, пронизанных духом партийных распрей, общественное мнение все же склонялось к тому, что банде Таммани вольготно живет в штате Нью-Йорк. Тогда ФДР избрал поразительный путь: он стал всячески пропагандировать себя как ревностного защитника американской демократии!

Одному из своих друзей, на которого не произвела впечатления эта аргументация, ФДР писал: речь идет вовсе не об отношениях между Таммани и губернатором, «все сводится к разнице между сохранением конституционного правления и политической кампанией. Более того, речь идет об охране конституционного правления»⁶. Применение крупнокалиберной артиллерии из политического арсенала по мелкой, на первый взгляд, цели – критерий важности, которую придавал ФДР кампании против коррупции Таммани.

Рузвельт всегда учил своих единомышленников не принимать боя на позициях, предложенных противником. Если недруги били по чувствительным местам, лучше умолчать об этих ударах, как бы болезненны они ни были, а проявлять инициативу в других вопросах. Требования расследования – коррупции Таммани, отравлявшие жизнь ФДР все годы пребывания в Олбани, были дополнительным аргументом в его глазах в пользу смелого проведения прогрессивной программы в делах штата. Только так можно было укрепить плацдарм для штурма Белого дома и парализовать вполне обоснованные обвинения в потворстве преступникам Таммани. Короче говоря, цель оправдывала средства. Так думал он.

IV

Не личные усилия Ф. Рузвельта, а обстановка в Соединенных Штатах в 1929–1932 годах определила громкое звучание его дел в штате. Он начал работать под безмятежным небом «просперити», выдвинув обычные либеральные пожелания – улучшить там-то, обратить внимание на то-то и т. д. Единственным обширным проектом было предложение об использовании энергетических ресурсов реки Святого Лаврентия, по которой проходит граница штата. Хотя проблема, на первый взгляд, была чисто техническая, ФДР рассматривал ее как необычайно важную социально. На последнее обстоятельство, по-видимому, впервые обратил его внимание профессор Гарвардского университета Ф. Франкфуртер, впоследствии один из наиболее влиятельных советников Рузвельта. Монополии, снабжавшие страну электроэнергией, жесточайшим образом грабили потребителей, установив абсурдные тарифы.

Рузвельт предложил использовать энергетические ресурсы реки Святого Лаврентия так: гидростанция принадлежит государству, а передачу и отпуск электроэнергии производят частные компании. «Одним из наиболее веских аргументов в пользу развития ресурсов федеральными властями или штатом, – говорил он, – является то, что в этом случае всегда будет критерий для определения стоимости производства электроэнергии». Рузвельт напомнил, что государству принадлежали всего три крупных источника, где можно было вырабатывать гидроэнергию, – река Святого Лаврентия, Маскл-Шоалз и Болдер Дэм. «Если мы в Соединенных Штатах утратим полностью контроль над энергией, тогда последует наступление на другие свободы».

Предвидя неизбежные обвинения в «неамериканском» образе мыслей, ФДР счел необходимым подчеркнуть: тех, кто выступает за развитие энергетики государством, «не следует поносить как большевиков или опасных радикалов, в конце концов они стремятся лишь вернуться к древнейшим принципам и защитить разумные потребности обычного человека». Усилия ФДР не увенчались успехом – монополии горой встали против его проекта. Трудности нарастали с каждым днем. Ни губернатор, ни президент Рузвельт так и не смог сдвинуть дело с мертвой точки. Лишь в 1954 году началось практическое использование гидроэнергии реки Святого Лаврентия, разумеется, совершенно по-иному, чем планировал Рузвельт.

Борьба ФДР по этому специальному вопросу полностью соответствовала его давним взглядам на необходимость всемерного сохранения естественных ресурсов страны. «В широком плане, – говорил Ф. Рузвельт в 1931 году, – задача сохранения и защиты наших подлинных богатств – будь то материальные ценности, здоровье людей или их счастье – настолько обширна, что целиком и полностью должна поглощать функции правительства». В Олбани Рузвельт пытался быть губернатором-строителем. Он сумел провести через легислатуру очень ограниченный закон, дававший возможность штату за небольшую плату продавать участки земли городским беднякам. Цель этой утопической меры, давшей ничтожные результаты, заключалась в том, чтобы выселить бедноту из города.

В 1931 году он добился поправки к конституции штата – ассигновывалось 19 млн. долл. на приобретение властями штата истощенных и заброшенных земель для лесопосадок. Разумные начинания не могли не укрепить репутацию ФДР как рачительного хозяина вверенной ему собственности штата. Тем не менее ему на каждом шагу приходилось отводить обвинения в «опасном радикализме».

За несколько дней до вступления в должность губернатора, в конце декабря 1928 года, Рузвельт внушал на пресс-конференции: «Я считаю, что в будущем государство – а когда я говорю «государство», я не имею в виду только штат Нью-Йорк, – будет играть значительно большую роль в жизни граждан. Здравоохранение, на мой взгляд, является заботой государства, и я думаю, что его деятельность будет расширяться в интересах обеспечения всеобщего

блага. Государство несет ответственность за обучение детей своих граждан. Тогда почему не делать это хорошо? Некоторые заявят, что это социализм. Мой ответ им – это социальные, но не социалистические меры».

Обычно не принято говорить о философских воззрениях Ф. Рузвельта, он, естественно, не был философом в академическом смысле, но совокупность его взглядов, высказанных к концу 20-х годов, говорит о довольно стройной концепции, центральное место в которой занимало соотношение эволюции и революции. Еще в 1926 году в лекции в академии Милтона он настаивал, что изменения неизбежны в любом обществе, беспокойство в нем – «признак здоровья», а социальные беспорядки вызываются в равной степени «теми, кто боится изменений, и теми, кто стремится к революции». Опасность для США заключалась не в радикализме, а в «слишком длительном периоде бездействия или в господстве реакции».

Речь по случаю национального праздника 4 июля 1929 г. Ф. Рузвельт посвятил тогдашнему состоянию Соединенных Штатов. Республиканцы, не предвидя близкого исхода «просперити», на все лады превозносили благодеяния большого бизнеса. ФДР был настроен не только скептически. «Есть все основания спросить, – говорил он, – не находимся ли мы перед лицом опасности возвращения к временам троподитов, возникновения новой феодальной системы, создания такого высокоцентрализованного контроля со стороны промышленников, что нам потребуется принять новую декларацию независимости?» Если американцы, подобно их предкам в период войны за независимость, не поднимутся против «нового экономического феодализма», то в конечном счете собственность сосредоточится в руках немногих, а «преобладающее большинство народа окажется рабами». К счастью, добавил ФДР, народ США имеет возможность отстаивать свои права «скорее избирательными бюллетенями, чем мушкетами». Речь получила очень большой резонанс в стране, на нее неоднократно ссылались ораторы-демократы если не как на евангелие партии, то, во всяком случае, как на символ веры ФДР.

Когда в середине 1930 года один конгрессмен в публичном выступлении вновь обратился к этой речи, ФДР в письме к нему разъяснил: «Нет никакого сомнения... что коммунистические идеи наберут силу по всей стране, если мы не сумеем поддержать старые идеалы и первоначальные цели демократии. Я знаю, что вы согласитесь со мной в том, что в США перед нами стоит не только опасность коммунизма, но равная опасность концентрации всей экономической и политической власти в руках тех, кого древние греки называли олигархией»⁷.

Пока продолжались «нормальные времена» – беспрецедентный рост американской экономики 20-х годов, ФДР мог только призывать к совести монополистов. Но то был глас вопиющего в пустыне.

V

Несмотря на многочисленные предсказания Ф. Рузвельта о неизбежности краха спекулятивного бума, он, как и другие, был захвачен врасплох, когда разразился кризис 1929–1933 годов. Слова политика ФДР в адрес ростовщиков и менял всегда были жесткими, но дела губернатора Рузвельта далеко не соответствовали им. Из Олбани никогда не выходило официальных предостережений против бесчестных махинаций Уолл-стрит, власти штата не сделали ничего, чтобы обуздать разгул спекуляции на нью-йоркской бирже, хотя регулирование дел денежного рынка прямо входило в компетенцию штата.

В середине октября 1929 года резко упал курс акций на нью-йоркской бирже. 24 октября, в «черный четверг», было продано за день 12,9 млн. акций, крах был отсрочен на несколько дней поспешно созданным пулом крупнейших финансистов во главе с Морганом, но во вторник, 29 октября, на бирже было продано 16 млн. акций. За месяц стоимость акций уменьшилась почти на 16 млрд. долл., что повлекло разорение многих тысяч мелких и средних вкладчиков, втянутых в спекуляции.

Вместе с другими американскими лидерами Ф. Рузвельт далеко не сразу понял размах катастрофы. Он, как и Г. Гувер, полагал, что происходит временный спад, вызванный безрассудными спекуляциями. На следующий день после «черного четверга» ФДР телеграфировал нью-йоркской газете из Уорм-Спрингса: «Я не знаю подробностей, но твердо убежден, что промышленность и торговля в основном здоровы». Кризис все же нарастал, по всей стране закрывались предприятия, увеличивалось число безработных. ФДР, однако, не усматривал в этом чрезвычайного положения. В ответ на призыв Г. Гувера в конце ноября к губернаторам расширить общественные работы он сообщал, что в штате Нью-Йорк осуществляется программа строительства больниц и тюрем, «размеры ее ограничиваются только возможными поступлениями без увеличения налогов». И все.

Принимая бразды правления, Г. Гувер обещал покончить с бедностью в стране. Зимой 1929/30 года наступил второй год «ликвидации бедности» – свыше 4 млн. американцев оказались без работы.

В то время в Соединенных Штатах не было никакого социального законодательства. Безработный мог рассчитывать только на себя. Тысячи и тысячи обездоленных людей безуспешно искали работу, а занятые зачастую неполную неделю с ужасом думали о будущем. Ежедневно новые отряды пополняли ряды безработных. Частная благотворительность, подаяния богачей были каплей в море, они скорее раздражали, приводили в бешенство.

Правительство пока шло по самому легкому, как представлялось в Вашингтоне, пути: не понимая причин кризиса и не видя возможностей преодолеть его, министры чуть ли не каждую неделю коллективно или индивидуально выступали с успокаивающими заявлениями. Они уподоблялись средневековым астрологам, точность предсказаний которых опровергалась жизнью.

Весной 1930 года появились первые грозные признаки всеобщего недовольства. 6 марта с лозунгами компартии на улицы городов вышло почти 1,5 млн. демонстрантов, требовавших работы и хлеба. Полиция жесточайшим образом расправилась с ними. Нью-Йорк, штат прогрессивного губернатора Ф. Рузвельта, не был исключением. Здесь 35 тыс. демонстрантов выслушали речи ораторов-коммунистов на Юнион-сквер. У. Фостер призвал их пойти к городской ратуше. Демонстрация двинулась, и в этот момент полиция обрушилась на нее. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» писала: полицейские действовали дубинками и кистенями, «раздавались вопли мужчин и женщин с окровавленными лицами и головами. Полицейские избивали десятки людей, сбитых с ног».

Полиция очистила улицы от демонстрантов, но причины недовольства нельзя было устранить дубинками и кистенями. Белый дом оценивал падение занятости к весне 1930 года в 9 процентов, в Олбани твердо знали, что это фальсификация. Данные, собранные Ф. Перкинс по поручению ФДР, показали – 15 процентов. Количество лиц, обращавшихся за помощью, возросло в два раза, тысячи бездомных переполняли ночлежные дома, громадные очереди выстраивались за бесплатной тарелкой супа в благотворительных учреждениях. Власти города разрешили бездомным ночевать на баржах, швартовавшихся в нью-йоркском порту. Росла нищета, а вместе с ней отчаяние. Через полгода после начала кризиса ФДР был настроен по-иному, чем осенью 1929 года. «Обстановка серьезная, – признал он в конце марта 1930 года, – для нас пришло время хладнокровно и конструктивно подойти к ней, подобно ученому, разглядывающему пробирку со смертоносными бактериями, стремящемуся понять, во-первых, их характер, соотношение причин и следствий и, наконец, пути победы над ними и технику предотвращения приносимых ими несчастий».

Губернатор Рузвельт был все еще склонен рассматривать несчастье, обрушившееся на страну, как сезонное колебание. Он отдал указание властям штата всеми мерами способствовать повышению занятости, упорядочить помощь, а также создал первую в США комиссию в целях изучения методов ликвидации сезонных колебаний в занятости. Через легислатуру был проведен закон, ограничивающий вмешательство судов в трудовые конфликты, и одобрены некоторые меры, смягчавшие эксплуатацию. Он публично выступил за введение пособий по безработице. В совокупности все это было очень скромно, но губернатор Рузвельт действовал, в то время как подавляющее большинство лидеров пребывало в прострации. Штат Нью-Йорк становился примером для страны.

Политические комментаторы подчеркивали, что перед демократами открылись блистательные возможности. Но, как писал трезвый публицист Уильям Аллен Уайт, считавшийся совестью либералов, «для вас, демократы, наступили великие дни, однако не будьте слишком уверены. Если старый бриг выровняется на следующий год либо в результате искусного управления, либо из-за изменения ветров и волн, народ забудет, что он когда-то лежал на боку. Но я боюсь одного: если корабль не выпрямится, экипаж выскочит и выбросит за борт всю офицерскую толпу в расшитых мундирах – демократов, республиканцев, решительно всех». ФДР целиком и полностью был согласен с этим анализом.

Одному ортодоксальному экономисту, который дал губернатору Рузвельту академически беспристрастный совет: единственная надежда побудить страну к изменениям – подождать, пока государственный корабль прочно сядет на мель, – ФДР холодно ответил: «Люди не скоты, вы должны это знать!» В личной переписке в конце 1930 года он откровенно признал: «У меня нет никаких сомнений в том, что для страны пришло время на целое поколение стать радикальной. История показывает, что там, где это случается, нации избавлены от революции».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.